M 41
88

БУДДИЗМЪ,

РАЗСМАТРИВАЕМЫЙ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ПОСЛѢДОВАТЕЛЯМЪ ЕГО,

ОБИТАЮЩИМЪ

ВЪ

СИБИРИ.

СОЧИНЕНІЕ

Іакова Архіепископа Ярославскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1858.

М 41/88

БУДДИЗМЪ,

РАЗСМАТРИВАЕМЫЙ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ПОСЛѢДОВАТЕЛЯМЪ ЕГО,

ОБИТАЮЩИМЪ

ВЪ

СИБИРИ.

СОЧИНЕНІЕ

НИЛА АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО.

РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ * БИБЛІОТЕКА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРИГОРІЯ ТРУСОВА.

1858.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. 18 Февраля 1858 года.

Цензоръ *Карповъ*.

2007231420

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Введеніе	1
Общій взглядъ на Буддійское вѣроученіе .	17
Происхожденіе міра	18
Первые обитатели видимаго міра — Тенгерины и паденіе ихъ	25
Первый въ мірѣ человѣкъ и первая чета .	29
Событія первыхъ временъ и зависящія отъ нихъ судьбы міра	36
Боги и отношенія ихъ	44
Классы одушевленныхъ тварей	55
Понятія о небесныхъ тѣлахъ и явленіяхъ въ мірѣ нашемъ происходящихъ . . .	61
Составъ Буддійскаго Духовенства . . .	68
Порядокъ производства въ чины духовнаго званія	86
Дацаны	93
Ганджур-данджуръ	105
Хуралъ	114

Обряды 125
Степени нравственнаго совершенства, которыхъ достиженіе возможно для человѣка 150
Средства къ нравственному усовершенію . 155
Чрезвычайныя средства къ нравственному усовершенію 179
Награды и наказанія по смерти . . . 205
Борьба Буддизма съ Шаманствомъ и характеръ послѣдняго 219
Вторженіе Буддизма въ Сибирь и укорененіе его въ оной 250
О врачебномъ искуствѣ у Ламъ . . . 265
Примѣчанія 277
Алфавитный указатель предметовъ, о которыхъ упоминается въ книгѣ . . . 359

Вся же и҆скꙋша́юще
до́бра ѧ держи́те

1 Солꙋн: v. 20.

ВВЕДЕНІЕ.

Прежде нежели приступимъ къ изложенію Буддійскаго вѣроученія, въ предположенномъ нами отношеніи не лишне взглянуть на племена, разсѣянныя по пространству Сибири, пространству, — огражденному цѣпью горъ Уральскихъ, Алтайскихъ и Саянскихъ, Восточнымъ океаномъ и Ледовитымъ моремъ (1).

Въ составѣ народонаселенія своего, Сибирь никогда не представляла единства. Человѣкъ искони являлся здѣсь не столько жителемъ, сколько скитальцемъ; не вѣтвью древа, возрастшаго на родной почвѣ, но осколкомъ, откуда-то занесеннымъ бурею переворотовъ.

Племена Финскія, Татарскія, Монгольскія, Американскія, дѣлясь по языкамъ своимъ, сидѣли дряхлѣя въ шатрахъ своихъ, или бушевали къ довершенію общаго истощанія.

Близъ Западныхъ отроговъ Югорскаго хребта (2), по рѣкамъ, изливающимся въ Каму и Волгу, являются Пермяки, Черемисы—мари (3), Вотяки и другія мелкія племена.

На каменномъ порогѣ Сибири гнѣздились Вогулы—Угры. И конечно не добрыми были сосѣдями, когда Русь еще въ 1349 году ходила на нихъ войною въ Югорію (Мил. 1. 60).

У Сѣверо-Западнаго Уральскаго склона, на прибрежьяхъ отъ Бѣлаго до Карскаго моря и до Обской губы скитались Самоѣды (4).

Близъ устья Оби, въ старинной Обдоріи, а нынѣшнемъ Березовскомъ округѣ, находились жилища Остяковъ-Финновъ. Въ походъ 1551 года, подъ начальствомъ воеводы Ивана Бражника, Русскіе карая Самоѣдовъ, карали и Остяковъ.

На огромномъ пространствѣ между Тоболомъ и Иртышемъ, Обью, Томою и Енисеемъ (5) развертывалась Татарія. Въ XIII вѣкѣ вошедши въ составъ Монархіи, которая при Чингис-ханѣ воспрянула какъ бы изъ бездны, Татарскія Орды много способствовали къ умноженію ужасовъ, сопровождавшихъ нашествіе лютаго варвара. За

то и мечь, подъятый на Сибирь во дни ея завоеванія, тяжело упалъ на голову Татарина (6).

За Обской губой тянулись раскинутыя широкою полосою, особенно въ при-Ленскихъ мѣстахъ, кочевья Якутовъ—Соха, татарскихъ единоплеменниковъ (7).

Область, которой Якутъ усвоилъ свое имя и гдѣ слыветъ онъ туземцемъ, простирается отъ 50 до 70 град. Сѣверной широты и отъ 110 до 160 гр. Восточной долготы. Иначе сказать: отъ рѣкъ Витима, Вилюя и Олекмы до моря Ледовитаго, и отъ Енисея до Охотскаго моря.

За Охотскимъ моремъ выдавшійся подъ 50° шир. между р. Анадырью и Пеньжинскою губой великій мысъ образуетъ собою Камчатскій полуостровъ.

Крашенинниковъ, бывшій при ученой экспедиціи, посыланной въ Камчатку (8), проведшій тамъ три года (съ 1738 до 1741), о жителяхъ Камчатки такъ говоритъ: »жителей считается три народа—Камчадалы, Коряки и Курильцы. Камчадалы живутъ въ Южной части Камчатскаго мыса, отъ устья р. Уки до Курильской лопатки и на первомъ Курильскомъ островѣ, называемомъ Шаум-

гичу-шумшу (9). Коряки въ Сѣверныхъ мѣстахъ и въ округѣ Пенжинскаго моря до р. Пукчапа, и къ сторонѣ Восточнаго океапа почти до Анадыра. Курилы на второмъ Курильскомъ островѣ и па другихъ до Японскаго моря. Итакъ Камчадалы съ Южной стороны имѣютъ въ сосѣдствѣ Курильцевъ, а съ Сѣверной Коряковъ. Коряки смѣжны съ Чукчами, Юкагирями и Ламутами, а Курильцы съ Камчадалами и Японцами» (10).

Изъ сосѣдей сихъ, болѣе или менѣе близкихъ къ Камчадаламъ, примѣчателенъ Чукотскій народъ. Сидя среди двухъ грозныхъ морей въ укромномъ уголкѣ подполюсной Азіи, бывъ ограждены со стороны материка отрогами Становаго хребта, рѣками Анадырью, Омолоемъ и Колымою, а горше всего тундрами и пустынями, Чукчи долго ускользали отъ орлинаго взора покорителей Сибири. Наконецъ дошла и до нихъ чреда. Команда Маіора Павлуцкаго употреблена была противъ не мирныхъ, для ихъ объясачиванія. Но походы, возобновлявшіеся съ 1732 по 1744 годъ, не принесли ожидаемой пользы. Слава же побѣды надъ сердцами Чукчей досталась тому оружію, о которомъ сказано: *оружія воинства наше-*

го не плотская, но сильна Богомъ на разореніе твердемъ (11).

Всѣ помянутыя доселѣ племена принадлежатъ исключительно къ Сѣверной полосѣ. На Югѣ же Сибири разноплеменность почти исчезаетъ. Между тѣмъ какъ для человѣка, въ его житейскомъ быту, всего естественнѣе было стремиться туда, гдѣ природа благосклоннѣе, гдѣ обиліе тучныхъ пажитей.

Когда же этого не случилось, то конечно Ордамъ, паводнявшимъ Сѣверъ Сибири, не легко было завладѣвать ея Югомъ. Вѣрно у туземнаго народа доставало и силъ и мужества къ отраженію чуждыхъ пришельцевъ. Кто же былъ этотъ народъ?

Ученыя изслѣдованія Синологовъ не позволяютъ сомнѣваться, что въ странахъ, лежащихъ на Сѣверо-Востокъ отъ Великой Стѣны, по пустынямъ, сопредѣльнымъ Сѣверному Китаю, съ самыхъ древнихъ временъ обитали Тунгусскія и Монгольскія племена. Эти же племена, и только онѣ,— обитали на Югѣ Сибири при ея покореніи.

Отечествомъ Тунгусовъ — Сушень, была нынѣшняя Манчжурія. Тамъ и донынѣ разныя поколѣнія ихъ, соединившись подъ

общимъ именемъ Манчжуровъ, составляютъ господствующее пародонаселеніе (12).

По Тунгусъ, волею или неволею, давно перешагнулъ за предѣлы своей отчизны. Беззаботно раскидываетъ онъ шатеръ свой на равнинахъ Даурскихъ; восхищаетъ путника стадами оленей на берегахъ Лены и Енисея, Колымы и Алдана; является будто привидѣніе съ колчаномъ въ рукѣ, среди непроходимыхъ дебрей, горъ и лѣсовъ, на всемъ протяженіи отъ Амура до Анадыри. Во дни покоренія Сибири Тунгусы умѣли показать свой героизмъ. И объясачеиіе ихъ, особенно въ прибайкальскихъ странахъ, совершилось довольно поздо: не ранѣе 1657 года.

Тунгусы раздѣляются на бродячихъ и кочевыхъ. Бродячіе, почти дикари, любятъ горы и лѣса, переходятъ съ мѣста на мѣсто не большими партіями, или такъ сказать отдѣльными семьями и носятъ различныя мѣстныя названія, съ разными оттѣнками въ характерѣ и языкѣ (13).

Кочующіе (или степные) Тунгусы въ числѣ 10 родовъ сосредоточены въ Нерчинскомъ краѣ и обитаютъ отъ верховьевъ Нерчи до Аргуни, по Онону, Ингадѣ, Тургѣ, Ачингѣ, и по другимъ этого бассеіина рѣкамъ.

Всѣ они носятъ общее названіе Хамниганов (14), находятся подъ непосредственнымъ вѣденіемъ шести степныхъ думъ и составляютъ наслѣдственный удѣлъ Князя Гантимура (15). Большинство ихъ давно приклонилось къ Буддизму, остальные еще держатся Шаманства или влаются между обоими вѣрованіями.

Другое изъ Южныхъ племенъ — Монгольское существуетъ въ Сибири подъ именемъ Бурятовъ. Буряты сравнительно съ Тунгусами представляютъ болѣе осѣдлости и сосредоточенія. Сколько сродень Тунгусъ къ дикой жизни, столько Бурятъ къ жизни кочевой, въ собственномъ значеніи сего слова. Степныя и благопріятныя для стадъ мѣста составляютъ стихію жизни Бурята. И потому въ теченіи вѣковъ никакою силою обстоятельствъ не отодвинуть онъ отъ роднаго Юга. Не дальше верховьевъ Лены предѣлъ Сѣверному его переходу.

Буряты многочисленнѣе всѣхъ другихъ инородцевъ, обитающихъ въ Восточной Сибири. И въ управленіи ихъ по преимуществу выражается типъ первобытной удѣльности. Состоя подъ непосредственнымъ вѣденіемъ наслѣдственныхъ Тайшей и Шу-

ленгъ, раздѣляются они, подобно прочимъ ипородцамъ, на поколѣнія или роды (отокъ).

Таковыхъ родовъ въ Дауріи, иначе за Яблоновымъ хребтомъ, числится шестнадцать и всѣ они слѣдуютъ Буддійскому вѣроученію (16).

По сю сторону Яблоноваго хребта, т. е. въ Верхнеудинскомъ округѣ, по рр. Удѣ и Хилку (Килгу) тянутся кочевья Харинцевъ. Лѣтъ за тридцать, племя это составляло одну семью съ Нерчинскими Монголами и ему первому усвоено было наименованіе Харіата, измѣненнаго потомъ въ Бурята. Впрочемъ замѣтимъ мимоходомъ: мнѣніе ученыхъ склоняется болѣе къ тому, что слово Бурятъ тождественно съ словомъ Урятъ, сохранившимся въ названіи Орды, обитающей у р. Гоанга, выше земли Ортусской (Зап. о Мон. Iак. III. 2).

Кударинцы обитаютъ по Байкальскому прибрежью, близъ устья Селенги. Ихъ не много.

Баргузинцы на Сѣверо-Восточной оконечности Байкала и по р. Баргузинкѣ. Племя это, равно какъ и Кударинское не велико; но занимаемыя имъ мѣста очень обширны.

Селенгинцы, или Цонголы, дѣлятся на 18 родовъ и кочуютъ по Селенгѣ, Чикою Боргѣ, Джидѣ (дзеде—мѣдь) и Темнику. Цонголы прежде другихъ подверглись обаянію Буддизма, и донынѣ слѣпо преданы ему.

Тункинскіе и Окинскіе, въ числѣ 16 родовъ, обитаютъ къ Сѣверо-западу отъ Байкала въ ложбинахъ и долинахъ между Байкальскими и Саянскими горами. Верховья Оки и прибрежья Иркута паиболѣе покрыты ихъ кочевьями.

Идинскіе Буряты и 27 родовъ Балаганскихъ размѣщены ниже Иркутска на степяхъ, прилегающихъ къ Ангарѣ.

Сосѣди ихъ Аларцы раздѣляются на девять родовъ, изъ коихъ одинъ считается Тунгусскимъ. Степь Аларская заключена между Московскимъ трактомъ и Саянскимъ хребтомъ. Рѣка Иреть есть лучшее украшеніе этой мѣстности(17).

Кудинскіе ближе всѣхъ другихъ къ Иркутску. Кто проѣзжалъ до Качугской пристани, тотъ знаетъ, какъ живописно пестрѣются кочевья ихъ по рѣчкѣ Кудѣ и въ окрестностяхъ Ордынскаго озера. Земли Кудинцевъ тянутся до Байкала. И тамъ граничатъ съ одной стороны съ удѣломъ Оль-

хонцевъ, помѣщающихся на Байкальскомъ островѣ Ольхонѣ, съ другой съ удѣломъ Верхолепскихъ Бурятъ, которыхъ улусы разсыпаны отъ Восточныхъ высотъ Байкала до Верхолепскаго острога, и здѣсь замыкается имп длинная цѣпь Бурятскаго населенія (18).

Въ заключеніе статьи этой замѣтимъ: хотя отъ присоединенія Сибири къ державѣ Россійской протекло уже около 250 лѣтъ (19), но быть Сибирскихъ инородцевъ не представляетъ ощутительныхъ перемѣнъ. Гдѣ исконп водворялись племена, тамъ и нынѣ ихъ же видимъ, и видимъ во всей простотѣ вѣка Авраамова. Домо-обзаведеніе ихъ ограничено убогою кущею, потребности въ пищѣ и одеждѣ не простираются далѣе того, что получается отъ стадъ; дѣятельность и житейскія развлеченія сосредоточены въ передвиженіи изъ дебри въ дебрь, изъ пустыни въ пустыню. — Исключеніе дѣлаютъ собою лишь тѣ изъ инородцевъ, которые постоянно находясь подъ вліяніемъ Русскаго народонаселенія, невольно свыкаются съ его образомъ жизни и начинаютъ постигать, что не скитальческая беззаботность, а трудъ подъемлемый въ потѣ

лица, составляетъ прямое назначеніе человѣка.

Вѣра старинныхъ обитателей Сибири имѣла одинъ общій характеръ, слѣды котораго видимы еще въ остаткахъ Шаманства, Но единство это давно рушилось, бывъ потрясено силою обстоятельствъ.

По раздробленіи огромной Монгольской монархіи, сперва приволжскіе Татары, входившіе въ связь съ Турецкими поколѣніями, а потомъ и Азійскіе стали измѣняться изъ идолопоклонниковъ въ Магометанъ.

Религіозный переворотъ начался въ Западной Сибири при Кучумѣ (20). Преданіе говоритъ, что ханъ этотъ, обманутый мнимыми откровеніями Бухарскаго пришлеца, позволилъ ему возстановить память прежнихъ проповѣдниковъ, убитыхъ въ Сибири за исламизмъ, вызвалъ изъ Казани муллъ и повелѣлъ вводить новую вѣру.

Но поелику намѣреніямъ Царя не соотвѣтствовали убѣжденія подданныхъ его: то дѣло подчинилось обычнымъ въ исламизмѣ мѣрамъ. Кучумъ взялся за мечь. Къ тому же расположилъ и отца своего Муртазу, Бухарскаго властителя. Отъ послѣдняго прислано было войско подъ начальствомъ стар-

шаго его сына Ахметъ-Гирея и вмѣстѣ цѣлый легіонъ муллъ и Абызовъ.

Тогда для народа одно оставалось: покориться необходимости. Лишь жившіе въ глуши и въ отдаленности отъ ханской столицы могли еще сохранять прежнюю свою вѣру. И это досталось на долю Остяковъ и немногихъ Татаръ около Турпинска, Барабы и въ Лебаутскихъ юртахъ, между Тобольскимъ и Демьянскимъ ямомъ.

Съ приходомъ Русскихъ, насилія со стороны фанатическихъ ревнителей сами собою прекратились. Но Магометанизмъ не ослабъ. Онъ больше и больше укоренялся. Ибо грубая чувственность новыхъ его адептовъ служила самою благопріятною для него почвою.

Нельзя думать, чтобъ дѣло толикой важности ускользало отъ вниманія Властей. Но обстоятельства края были таковы, что на многое надлежало смотрѣть сквозь пальцы. Особенно благоразуміе предписывало не затрогивать совѣсти людей, доколѣ ничто не ручалось ни за вѣрность ихъ, ни за покорность.

Въ ожиданіи же лучшихъ временъ, столѣтіе умчалось для Сибири. Между тѣмъ родъ пре-

ходилъ и приходилъ, всасывая съ материнмъ млекомъ привязанность къ тому, что сперва силою навязано было. И теперь въ поклонникахъ лжепророка видимъ то окаменѣніе сердецъ, которое одинъ Всемогущій можетъ отъять.

Магометанизмъ, вторгшись съ Запада, не проникъ на Востокъ далѣе Енисея. И это было благодѣяніемъ для обитателей остальной Сибири.

Промыслъ, избавляя ихъ отъ сѣтей новаго лжеученія, тѣмъ самымъ приближалъ ко свѣту своего откровенія. И дѣйствительно многія изъ племенъ сихъ не укоснили покориться Вѣрѣ Христовой, какъ только оглашены были Евангельскою проповѣдію.

Изъ необратившихся же одинѣ пребыли въ томъ самомъ язычествѣ, которое искони существовало въ Азіи, и которое извѣстно подъ именемъ Шаманства; другіе предались Буддизму.

Обстоятельства событія сего объяснимъ впослѣдствіи. Здѣсь же замѣтимъ, что Буддизмъ, случайно явившись въ дальнихъ предѣлахъ отечества нашего, умѣлъ стать твердою ногою, воздвигъ капища, обстановилъ себя легіономъ жрецовъ и болѣе столѣтія

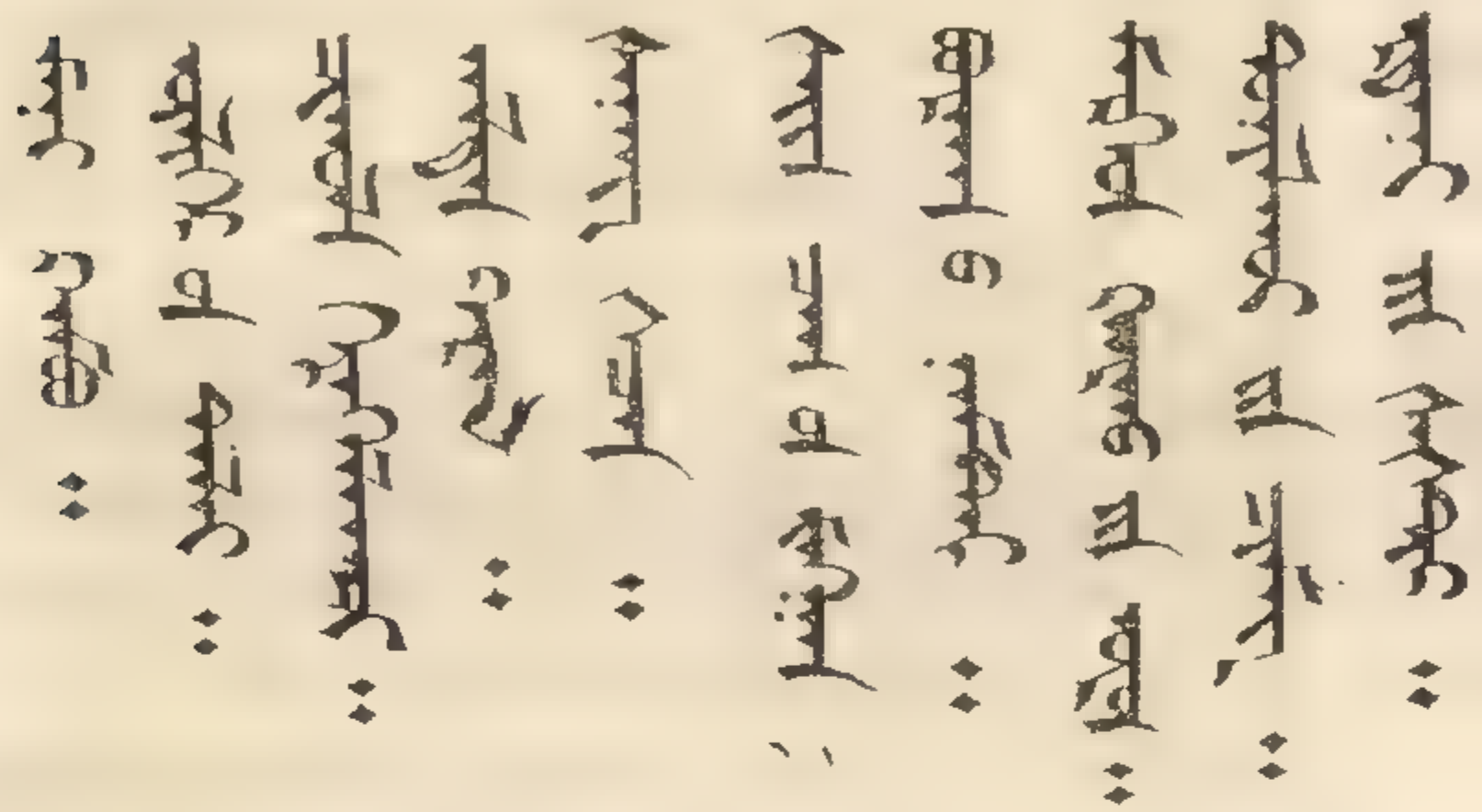
господствуетъ отъ Амура до Лены, надъ значительнѣйшею частію Монголо-Бурятскаго и Тунгусскаго племени.

Явленіе это, отъ какихъ причинъ ни происходило бы, не должно ускользать отъ взора и вниманія благомыслящихъ. И чѣмъ глубже гентилизмъ въ виду Православнаго населенія пускаетъ корни свои, — чѣмъ большія массы народа увлечены въ его сѣти, тѣмъ вящшія даются побужденія къ раскрытію источныхъ началъ зла, къ обнаженію основаній, на которыхъ утверждается столпъ лжемудрія.

Мысль эта водила перомъ моимъ. Ею воодушевляемый посвящалъ я часы досуга на изученіе Буддизма, — его теоріи и практики, его внутренняго и внѣшняго характера. А шестнадцатилѣтнее служеніе мое въ Восточной Сибири, многократныя путешествія, обозрѣнія капищъ, сношенія съ туземными племенами и другія условія споспѣшествовали мнѣ въ трудѣ моемъ, и не разъ давали возможность снимать завѣсу съ самыхъ глубокихъ мистерій.

Впрочемъ обращаясь къ пособіямъ науки и опыта, никогда не терялъ я изъ виду Ганджуръ-Данджура, его держался какъ

аріадпиной пити. Въ особенности старался имѣть подъ рукою



Вплося въ текстъ сочиненія своего фразы и цѣлые періоды Монгольскіе и Тибетскіе, желалъ я облегчить трудъ справокъ съ оригиналами и показать, сколь вѣрны принятыя мною начала. Но достигнута ли желанная цѣль, и въ какой степени, — о томъ судъ дадутъ читатели.

СТАТЬЯ

I.

Общій взглядъ на Буддійское ученіе.

Буддизмъ, порожденный во времена Гомерическія, признаетъ законоположникомъ своимъ Шигемунія и отъ него ведетъ священную свою эру, по которой нынѣ (въ 1857 г.) считается 2894-й годъ.

Дѣлится онъ на двѣ секты—фонстовъ и ламъ. Первая удержалась въ Китаѣ, а послѣдняя въ Индіи, Тибетѣ и Монголіи. Существенное между сектами различіе въ томъ заключается, что одна изъ нихъ имѣетъ іерархію, у другой напротивъ нѣтъ ея.

Догматизмъ Буддійскій представляя легіонъ боговъ, пріукрашаетъ исторію ихъ тысячами миѳовъ и всѣми мечтами, какія только могли родиться подъ пламеннымъ небомъ Индіи.

Въ нравственныхъ урокахъ видно стремленіе къ аскетизму; возвѣщается вѣчная

борьба духа съ матеріею и дѣлаются попытки дать въ природѣ человѣческой перевѣсъ первому.

Въ обрядовой части Буддизмъ приводитъ въ дѣйство всѣ пружины древняго язычества. Дивитъ разнообразіемъ хураловъ и гурумовъ, вдается въ оргіи и допускаетъ экстазы, не разнящіеся отъ пифійскихъ и шаманскихъ (21).

Предваривъ читателя о таковомъ взглядѣ нашемъ на Буддійское вѣроученіе, приступаемъ къ раскрытію его частностей.

СТАТЬЯ II.

Происхожденіе міра.

Буддійская Космологія была предметомъ изслѣдованія многихъ ученыхъ. Многіе старались привести къ началу единства разсѣянныя по Буддійскимъ книгамъ сказанія о вселенной и ея Создателѣ.

Но мракъ Ганджур—Данджура, его неопредѣленность и двусмысленность, обыкновенныя свойства Миоовъ, дѣлали то, что изыскатели, идучи къ цѣли своей какъ бы

ощупью, терялись въ гаданіяхъ и составляли системы, чуждыя понятіямъ, подъ вліяніемъ которыхъ живетъ и умираетъ Буддистъ.

Въ этомъ сознаются сами составители системъ. Вотъ слова одного изъ нихъ: спросите любаго Бурята, или Тунгуса о предвѣчной причинѣ всего видимаго, и получите въ отвѣтъ, что Бурханъ, т. е. Будда почитается началомъ творческимъ. Но Буддійскія книги не знаютъ Всевышняго Существа, создавшаго все видимое и невидимое; а вмѣсто Всемогущаго Бога, принимаютъ двѣ первоначальныя силы, т. е. духъ и матерію, отъ дѣйствія коихъ міръ происходитъ, совершенствуется, разрушается и по истеченіи времени опять возраждается (22).

Мы съ своей стороны, при всемъ уваженіи къ автору цитуемой книги и подобнымъ ему ученымъ мыслителямъ, не раздѣляемъ съ ними мнѣнія, будто вѣра Буддистовъ въ Творца вселенныя не находитъ основаній. Намъ кажется, что основанія очень видимы. Ибо священный Буддійскій кодексъ стократно называетъ Бога безначальнымъ и вѣчнымъ—*тенгулеши угей*,

мунку (*), Творцемъ всего видимаго и невидимаго — *удзекдекун ба, улу удзекдекун хамоги буту-гекчи,* стократно возбуждаетъ благоговѣніе къ Нему, какъ къ верховному Владыкѣ, источнику жизни—*амини заягакчи,* и начальной причинѣ всякаго бытія — *анхан, теригутен.* Такъ въ Арапсалѣ читаемъ Тибетскій стихъ :

Саши бойджи джукшин медокдан,
Рирабъ линши нида джамбади,
Санджей шинду микдо пулбеѣ,
Догун намдакъ шинла джот баршок.

Въ чинѣ Богослужебномъ стихъ этотъ непосредственно слѣдуетъ за ключемъ закона — *номун тулкигур,* и тѣмъ показывается важность и общность содержащагося въ немъ ученія. А Монголы, внесши его въ катихизическое свое ученіе— *итегелъ,* составили слѣдующее нравственное правило ;

Гадзар делекей болон, Сумбер агула теригутени бутуген,
Куджись-ер Сурчиджу,

(*) Предъувѣдомляемъ читателя, что внося въ текстъ свой Монгольскія и Тибетскія слова примѣнялись мы къ выговору забайкальскихъ Монголо-Бурятовъ: такъ какъ и всѣ изслѣдованія наши къ нимъ по преимуществу относятся.

Октаргой-ги паран сарань-эр чимексен, Бурхандор ачи мандал ургуйе,

Смыслъ словъ такой: Тому Богу, который сотворилъ гору Сумберъ и весь міръ, который даровалъ землѣ изобиліе плодовъ, а небо украсилъ солнцемъ и лупою, должны мы приносить хвалу и благодареніе (23).

На данныхъ этого рода основано повѣствованіе, къ которому приступаемъ. И мы соблюдая возможную краткость рѣчи, изложимъ его такъ, какъ слышится оно и въ капищѣ и въ кущѣ Буддиста.

Всевышній — *дегере-угей дегеду*, Абида благость и силу свою первоначально явилъ въ сотвореніи безчисленнаго множества горныхъ, невещественныхъ міровъ, извѣстныхъ подъ именемъ Нирваны т. е. покоища (24).

Въ средоточіи ихъ далъ онъ мѣсто двадцати четыремъ Райскимъ обителямъ — *тарiалангун оронъ*, вѣнецъ которыхъ составляютъ пять отдѣловъ, служащихъ жилищемъ самому Абидѣ и четыремъ ближайшимъ къ нему Буддамъ (25).

Свѣтъ, покой и радость суть вѣчный удѣлъ странъ сихъ. Тамъ нѣтъ тлѣнія и превратностей; тамъ не знаютъ суеты и за-

боть житейскихъ, не старѣются и не умираютъ; тамъ текутъ источники воды живой и благоухаетъ священная діапа, тамъ все облечено въ чистѣйшую одежду шакшабатовъ, все озаряется премудростію верховнаго Владыки (Манп Гам. бул. 1).

Боги паслаждаются этимъ счастіемъ, и они достойны его. Но для существъ менѣе совершенныхъ требуются иныя условія бытія. И потому въ путяхъ судебъ признанъ былъ необходимымъ міръ органическій, стихійный — *Саба-сими, Сансар, орчилангун иртынцу.*

Вещественнымъ для міра сего началомъ послужилъ райскій цвѣтокъ — *Бадма Линхова.* Ибо его сердцевиною воспользовался Творецъ для произведенія воздуха и образованія изъ него воздушной сферы, похожей на Луну (26).

Положивъ міровыя основанія и утвердивъ ихъ всемощною своею силою, Абида за благо призналъ остаться въ нѣкоемъ покоѣ; а честь дальнѣйшаго устроенія вселенной, и сопряженныя съ тѣмъ заботы предоставилъ другимъ.

Въ видахъ сихъ допущено было рожденіе изъ свѣта праваго глаза Абиды двухъ

геніевъ — *хубилган*— Урап аргату Мапджушири и Аріаболо (27).

И вотъ первый изъ нихъ, какъ мудрый архитектонъ, вступивши въ права свои, дѣло міротворенія повелъ слѣдующимъ порядкомъ.

Творческою силою — *хубилгану быгиберъ*, въ пустыхъ пространствахъ — *хогосон*, превыше воздушной сферы образовалось облако.

Пролившійся изъ него дождь произвелъ водную сферу — *усун мандал ниген тугурик цаган*, и море называемое нижнимъ— *дорадо далай*, море бездонное, поднявшееся на воздухѣ и только имъ поддерживаемое. Сперва колебалось оно, бушевало и пѣнилось, наконецъ пѣнистая поверхность его мало по малу отвердѣла. И тогда явился золотой материкъ, покрывающій пространство на 520 беровъ (28).

Это земля первой эпохи міра, земля дѣвственная, служившая какъ бы зеркаломъ для вѣка золотаго. Но она далеко не соотвѣтствовала послѣднимъ цѣлямъ творенія. Покрывавшія ее безчисленныя горы зіяли вертепами и пропастями, Въ наружномъ видѣ не было пріятнаго разнообразія. Всѣ

части цѣлаго имѣли одинъ типъ, походили на опрокинутый котелъ — *кумуриксен того мету*.

При томъ будучи лишена влаги, земля не могла быть способною и для жизни существъ органическихъ. Словомъ, она была безобразна и пуста.

Въ отвращеніе такихъ неудобствъ, пролился новый дождь изъ облака драгоцѣннаго, преизобиловавшаго всѣми дарами природы — *элдеб орон тегусексен эгулеэце*, и дхнулъ бурный духъ Сансары. Подъ вліяніемъ могучихъ двигателей получило бытіе свое Внѣшнее или Соленое море — *гадагату, худжирту далай*, и появился Сумберъ (сумеръ) — это дивное вмѣстилище четырехъ драгоцѣнностей — золота, серебра, яхонта и лазурика, съ окружающими его седмью золотыми горами и седмью увеселительными морями, исключительно предназначенными для лусун — хана, какъ царя водъ.

Къ сему же времени относится раздѣленіе земли по ея тибамъ, огражденіе ея желѣзными стѣнами и произведеніе на ней растительности, необходимой для жизни тварей (29).

СТАТЬЯ

III.

Первые обитатели видимаго міра—Тенгерины и паденіе ихъ.

Выше сказали мы, что первыми обитателями горныхъ міровъ были боги. На долю нашего міра, міра *Саба-сими*, честь эта никогда не доставалась. При самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ въ немъ живали только Тенгерины (тегріи).

Духи эти занимая три различныя сферы, входящія въ составъ зримой нами вселенной (30), не могли не имѣть взаимнаго между собою различія. По всѣ вообще были они невинны и блаженны.

Со временемъ нѣкоторые изъ Тенгериновъ, по безразсудной прихоти, обратили для себя въ пищу вещество, которое ни мало не соотвѣтствовало духовной ихъ натурѣ. Это былъ сокъ (шиме) бѣлоцвѣтнаго Аршіана, походившій вкусомъ на медъ.

Другіе, увлекаясь примѣромъ собратій своихъ, стали ѣсть земное масло, плоды —

погогапу ой и наконецъ Салу, изъ рода проса (31). Словомъ, Тенгерины съ каждымъ днемъ умножали свои прихоти и дѣлались рабами грубой чувственности. А такое поведеніе естественно влекло за собою пагубныя слѣдствія.

По мѣрѣ питанія земными яствами, эфирность тѣла огрубѣвала, блескъ изчезалъ — *быш герыл-ину угей бологат, хаб харангой болбай,* страсти брали верхъ надъ силами ума и воли, и способствовали къ умноженію кровожадныхъ якчис—ракчисовъ и всѣхъ тѣхъ существъ, которыя извѣстны подъ именемъ падшихъ (32). Съ другой стороны, внѣшняя природа, постепенно умаляя для нарушителей нравственнаго порядка дары свои, дѣлала ихъ жертвою нуждъ и лишеній (33).

Въ это время верховный Будда приказалъ Аріаболо посмотрѣть, что дѣется на землѣ. И когда сердобольный геній взглянулъ на нее съ вершины Сумбера, то ему представилось плачевнѣйшее зрѣлище; ибо духи, какъ снѣгъ, падали съ высоты величія своего, бывъ влекомы какою-то злосчастною судьбиной—*гурбан магу заягану.* Смущенный Аріаболо не зналъ что дѣлать.

Онъ плакалъ, вопилъ, терзался и даже готовъ былъ, вопреки данному имъ обѣту, премѣнить обычную свою милость на месть. Дальнѣйшаго борепія чувствъ и помысловъ природа пе могла выдержать: голова Аріаболы разсѣлась на десять частей (31).

Случай этотъ, довершая собою мракъ картины, представляемой Сапсарою, разительно показалъ, что на землѣ нельзя оставаться долѣе существующему порядку, какъ потрясенному въ самыхъ основапіяхъ своевольствомъ Тепгерпповъ. И такъ Абида рѣшился произвесть величайшія реформы.

Но прежде всякаго поваго дѣла воззрѣлъ онъ окомъ состраданія на несчастпаго Аріаболо и сокрушеппой головѣ его возвратилъ прежпюю цѣлость.

За тѣмъ въ предотвращепіе злоключепій, подобныхъ случившемуся, а тѣмъ болѣе въ видахъ доставлепія паибольшей возможности дѣлать добро, Аріаболо падѣлепъ многими талантами.

Абида благословилъ (адислап) его одиппадцатью лицами и далъ ему тысячу рукъ съ такимъ же числомъ глазъ. Сверхъ того, примѣнительно къ шести классамъ настоя-

щихъ и будущихъ существъ, вооружилъ его шестью таинственными словами; *ом, ма, ни, бад, ме, хом* (33).

Совершивъ такимъ образомъ дѣла любви своей къ Аріаболо, или лучше изобразивъ себя въ немъ (36), Абида приступилъ къ дальнѣйшимъ распоряженіямъ, требовавшимся законами правды.

Прежде всего надлежало обуздать своевольныхъ Тенгеріевъ. А потому приступлено было къ учрежденію надъ ними власти. И Абида поступилъ при этомъ случаѣ также, какъ было поступлено при сотвореніи Аріаболо съ Манджушрином.

Онъ испустилъ, только не изъ глазъ уже, а изъ тѣла своего шесть свѣтовъ — *бышеце бен джурган герыл цацарулан*, и способомъ симъ произвелъ шесть сильныхъ духовъ, въ значеніи властителей и наставниковъ — *чидакчи бакши, хаганъ*. Это были: Хормузда, Бималазедери, Шигемуни, Шакджин — Арсаланъ, Октаргойи-сан и Номун-ханъ (37). Всѣ они долженствовали отправиться въ назначенныя имъ мѣста и принять бразды правленія надъ тѣмъ, или другимъ классомъ существъ, вступившихъ на пути перерожденій и переселеній.

Въ это же время оказались пужпыми Солнце, Луна и Звѣзды. Ибо огрубѣлая натура падшихъ, бывъ лишена внутренняго свѣта, не могла уже обойтись безъ свѣта внѣшняго.

СТАТЬЯ

IV.

Первый въ мірѣ человѣкъ и первая чета.

Устроивъ порядокъ міровыхъ дѣлъ, Абида за благо призналъ восполнить пустоту—*хосони*, ощутившуюся на землѣ послѣ паденія Тенгериновъ. Въ видахъ сихъ произвелъ онъ новое существо изъ свѣта лѣвой ладони своей—*дзегун алагин еце герыл цацарулан*. Существо это былъ Бодисадъ, Хан-шара бычина, по имени Мандза (38).

По сотвореніи, Абида спросилъ Мандзу: согласенъ ли онъ отправиться въ Сѣверныя страны (конечно по отношенію къ Индіи) и тамъ въ качествѣ пустынника (діанчи) совершить испытательный подвигъ, чтобы въ послѣдствіи сдѣлаться споспѣшникомъ боговъ въ дѣлѣ умноженія рода человѣческаго (39).

И когда Мандза изъявилъ на это готовность, то Абида даровалъ ему нужныя для подвиговъ силы, указалъ пути и начерталъ правила жизни, соотвѣтствующія Убашинскимъ обѣтамъ — *убашин санвари.*

Iussit coelumque tueri
Et erectos ad sidera tollere vultus.
Ovid. in Metam.

Благоухапный Утей сангун агула, — такъ называлось мѣсто, гдѣ водворился Мандза — срѣтилъ пришельца съ таинственнымъ безмолвіемъ, представилъ взору его величіе горныхъ странъ, всѣ красоты дѣвственной природы. И пустынникъ нашъ высшимъ духа своего парепіемъ надѣялся доказать, что ему, какъ посящему въ себѣ образъ Ураи-Мандзуширина, принадлежитъ честь быть представителемъ на землѣ мудрости боговъ— divinae in terris sapientiae quandam quasi repraesentare imaginem.

Но увы! Въ путяхъ высшихъ судебъ бѣдному отшельнику готовилась иная доля. Среди глубокихъ созерцаній, въ часы молитвеннаго изліянія чувствъ, невѣдомо откуда и какъ предстала предъ Бодисадою жена горъ — *хадейи эмс*, Ракчиса, и со всею откровенностію объявила о непремѣн-

помъ своемъ намѣреніи вступить въ права супруги (40).

Бодисадъ изумился и не удостоилъ Ракчису ни словомъ, ни взглядомъ. Однакожъ посѣтительница, не оскорбляясь холодностію, настаивала на своемъ предложеніи, сыпала ласкательства, перемѣняла образъ свой, упрашивала, умоляла и наконецъ стала грозить непримиримою враждою, могущею обратиться въ погибель всѣмъ тварямъ (41).

Подъ гнетомъ толико тяжкихъ испытаній, Мандза провелъ семь сутокъ и не поколебался. Такъ твердъ и могущественъ былъ духъ его!

Qui hostem vicerat, illo fortior fuit,
Qui libidinem repressit se ipso fortior fuit.
Erasm. in mil Christ.

При неотступности же Ракчисы, надлежало положить какой либо конецъ прикліочепію. Принять Ракису — и пожертвовать достоинствомъ Убаши; или отринуть ее — и сдѣлаться жертвою лютой мести.

Съ тоскою въ душѣ Бодисадъ отправился къ верховному Буддѣ и излилъ предъ нимъ всѣ чувства свои. Выслушавши жалобу, Будда отвѣчалъ, что домогательство Ракчисы не повлечетъ за собою дурныхъ по-

слѣдствіи; напротивъ оно послужитъ къ умноженію рода человѣческаго и даже къ распространенію законовъ.

Въ слѣдъ за симъ Абида, при участіи Эркин-Дары, благословилъ брачный союзъ Мандзы съ Ракчисою, обѣщая первому главенство — *майлай болою*, надъ всѣми племенами, имѣющими отъ него произойти(42).

Такимъ образомъ Мандза сдѣлался супругомъ, а потомъ и отцемъ шестерыхъ дѣтей. Оставалось наслаждаться семейнымъ счастіемъ. Но счастіе это мелькнувъ, какъ призракъ, предъ очами Мандзы, мгновенно изчезло, чтобъ дать урокъ:

Ita comparatum in aetate hominum,
Ita diis placitum; voluptati ut moeror consequatur.
Plavt in Amph.

По мѣрѣ того, какъ дѣти Шара-бычин-Хана приходили въ возрастъ, расло и горе его. Каждый день открывалъ въ нихъ новые недостатки, давалъ случай испытывать отъ нихъ повыя огорченія и убѣждаться, что физическому ихъ безобразію не уступаетъ нравственное (43).

1-й изъ сыновъ, при вяломъ характерѣ, предавался лѣни и безпечности. 2-й дышалъ

злобою и местію, искалъ вражды и крамолъ — *урин, килен, ике баилдогана дуратей.* 3-й не былъ постоянепъ ни въ добрѣ, ни въ злѣ; лишь корыстолюбіе — *эт агурсана дуратей,* никогда не оставляло его. 4-й не имѣя здраваго смысла, не отличался отъ безсловесныхъ твареи — *саин мангу-ги улу илган, ухаган медел угей.* 5-й какъ истый Тантадъ, всегда алкалъ, всегда жаждалъ-*идеген, ундагана хобдак.* 6-й совмѣщалъ въ себѣ ярость съ упорствомъ, болѣзненность съ тоскою — *килен кигет, кердзегей болон, дзоболан ике джирюкетей болбай* (М. Гам. гл. 55).

Но какъ ни дурны и ни кровожадны — *миха чисун дуратей,* были дѣти Мандзы, сравнительно съ Ракчисою онѣ казались добрыми. Ибо лютость этой фуріи не имѣла границъ. А потому Мандза, опасаясь, чтобы она будучи бичемъ страны, не погубила со временемъ и собственнаго семейства, рѣшился бѣжать отъ нея. Итакъ взявши съ собою дѣтей, пошелъ онъ въ правую сторону и поселился въ пустынѣ, называемой Сборною (44).

Пустыня избавила Мандзу отъ Ракчисы, но не отъ тревогъ и терзаній. Да и могли ль

строптивыя дѣти дать покой отцу? Особенно тяжкимъ сдѣлалось положеніе его, когда семейство, умножившись до четырехъ сотъ душъ, не находило средствъ къ пропитанію себя и угрожалось голодною смертію.

Въ крайности такой, Мандза явился предъ Абидою и повергшись предъ нимъ — *бакшидор одогат, тегундор мургун*, сказалъ: Я несчастенъ! Узы брачнаго союза влекутъ меня, какъ жертву невѣжества, въ неизбѣжную погибель. Но ты самъ сонзволялъ на союзъ мой. Будь же теперь моимъ избавителемъ (45)!

Внявъ воплю злосчастнаго отца, Абида вступилъ съ нимъ въ бесѣду и объяснилъ ему причины и цѣль постигшихъ его испытаній; убѣждалъ не сомнѣваться — *сеткил дамджик бу бари*, въ непреложной вѣрности данныхъ ему обѣщаній и ожидать съ терпѣніемъ того времени, когда потомки его премѣнятъ звѣрпый образъ Бычиновъ на образъ достоинству человѣка соотвѣтствующій и станутъ пещись о нравственномъ своемъ усовершеніи (46).

А дабы положить начало преобразованію, Абида надѣливъ Мандзу седмью родами сѣмянъ, повелѣлъ воздѣлывать землю и отъ

плодовъ ея питаться (47). Самъ же принялъ трудъ засѣять спѣжныя страны золотомъ, серебромъ и всякаго рода драгоцѣнностями (48). Наконецъ, къ довершенію благодѣяній, возвѣстилъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ живутъ потомки Мандзы, никогда не оскудѣютъ мудрые вожди и наставники (49).

Мандза, возблагодаривъ за благодѣянія, поспѣшилъ исполнить велѣнія Будды (50). И проходя море житейской суеты, до самаго преселенія въ міръ Нирваны, вѣренъ былъ правилу:

Ἀνέχου κατέχου — будь терпѣливъ и воздерженъ.

Съ другой стороны и дѣти его, послѣ многихъ уроковъ, покорствуя всевышней волѣ, должны были отъ хищничества перейти къ мирнымъ занятіямъ. А съ перемѣною образа жизни, стали постепенно смягчаться нравы ихъ, исчезло прежнее безобразіе, пробудилось сознаніе человѣческаго достоинства и наконецъ упрочился порядокъ, послужившій началомъ золотаго вѣка.

СТАТЬЯ V.

Событія первыхъ временъ и записаніе отъ нихъ судьбы міра.

Вѣрный въ обѣщаніяхъ (бпвангиритъ) Абида, не укоснилъ посѣтить землю новыми милостями. Образовавши изъ свѣта своего прекраснѣйшаго Хубилгана, онъ послалъ его въ качествѣ наставника (51).

Посланецъ такой не могъ не обратить на себя вниманія. Неуклюжіе потомки Шарабычин-хана (52) смотрѣли на него, какъ на чудо, и всемѣрно старались узнать причину необычайной его красоты.

Хара мандзду шири (такъ назывался Хубилганъ) удовлетворяя любопытству вопрошателей, умѣлъ дать имъ понятіе о законахъ нравственныхъ, внушить уваженіе къ добродѣтели и направить волю каждаго ко благу ближнихъ (53).

Въ слѣдъ за симъ, люди пожелали имѣть царя. И жребій избранія, падшій на достойнѣйшаго изъ нихъ, упрочилъ общее счастіе.

Впрочемъ періодъ, объемлющій первыя пять царствованій, служилъ лишь введеніемъ въ золотой вѣкъ, начавшійся династіею Загарвадоновъ (54). Итакъ, рѣшаясь представить здѣсь фактъ изъ сей послѣдней эпохи, просимъ вниманія къ преданіямъ старины, къ повѣсти временъ, давно минувшихъ.

Пятый Сатурнова вѣка (анхап галабуп) царь, называвшійся Теткун асаракчи Хутукту, имѣлъ достойнѣйшаго сына Нами кегу Загарвадона. Наслѣдовавъ престолъ отца, Загарвадонъ наслѣдовалъ и его добродѣтели. Предъ всѣми отличался онъ доблестями ума и сердца; всѣ четыре страны свѣта благоденствовали подъ скипетромъ его мудраго правленія(55).

Жены Загарвадона, а ихъ было болѣе тысячи, имѣя пребываніе въ отдѣльныхъ дворцахъ, живучи среди довольства и утѣхъ, не уклонялись ни отъ одного правила строгой нравственности, особенно дорожили онѣ добродѣтелію гостепріимства. Каждый пришлецъ, особенно странствующій Браминъ, обрѣталъ подъ кровомъ ихъ помощь и пристанище. Сего требовалъ отъ женъ своихъ царь, и самъ первый служилъ имъ примѣромъ, внушая, что не слава и богатство, но

добродѣтель счастливымъ дѣлаетъ человѣка.

Sola me virtus dabit usque tutum, sola beatum.

Horat. od. XIX.

Толико достойный своего вѣка царь, лишенъ былъ утѣшенія имѣть наслѣдника. И это обстоятельство погружало въ мрачную думу все царство, отравляло горестію веселіе и радость женъ Загарвадоновыхъ. Однакоже самъ онъ, увѣренный въ правосудіи неба, не терялъ надежды и всегда успокоивался тою мыслію, что боги вспомнятъ о немъ и тяжкому испытанію будетъ положенъ конецъ.

И вотъ однажды заходитъ въ царскій дворецъ бѣдный старикъ въ образѣ Баньди (56). Царицы, по обычаю своему, приняли его радушно, успокоили и надѣлили щедрою милостынею. Тогда старецъ спросилъ: Не можетъ ли онъ быть чѣмъ либо полезенъ для своихъ благодѣтельницъ и чего бы желали онѣ? Тысяча женъ въ одинъ голосъ отвѣчали: мы бездѣтны, горимъ желаніемъ имѣть сына наслѣдника. Старецъ спокойно сказалъ: желаніе ваше исполнится. Чрезъ годъ у каждой изъ васъ будетъ сынъ, но не безъ условія. Съ этимъ словомъ плюнувъ на землю, такъ продолжалъ онъ рѣчь свою: Вы, желающіе имѣть дѣтей, смѣшайте это

бреніе съ землею и, прибавивъ къ нему мазин-тосо (родъ масла), сдѣлайте опрѣснокн и съѣшьте по одному.

Сколь ни странно было такое предложеніе, по царскія жены, за исключеніемъ трехъ царицъ, не участвовавшихъ въ пріемѣ Баньди, не поколебавшись ни на минуту, съ полнымъ довѣріемъ поспѣшили исполнить совѣтъ. Не укоспило осуществиться и обѣщанное старцемъ. Ибо чрезъ годъ, дворъ Загарвадона торжествовалъ рожденіе тысячи сыновъ.

Нужно ли говорить о томъ, что чувствовали при общей радости царицы, пренебрегшія предложеніемъ старца? Желая исправить плачевную ошибку, всюду искали онѣ безвѣстнаго странника, всюду спрашивали о благодѣтельномъ Баньди. Но напрасны поиски! Существо это покрыто было непроницаемою тайною.

Убитыя горемъ царицы, прибѣгаютъ къ послѣднему средству. Бросивъ всякое высокомѣріе, сдѣлавшись скромнѣе агнцевъ, обращаютъ вниманіе свое, какъ на нѣкую святыню, на то мѣсто, гдѣ плюнулъ Баньди. И когда было оно указано, царицы горячими слезами оросили землю, взяли

горсть ея, и по данному за годъ отъ старца наставленію, и даже въ томъ самомъ сосудѣ, который послужилъ прочимъ женамъ, сдѣлавъ смѣшеніе — снѣдали его съ благоговѣніемъ и страхомъ.

Чувство такого смиренія не могло не принести вожделѣнныхъ плодовъ. Чрезъ годъ царицы имѣли по сыну, съ красотою достойною боговъ.

Въ слѣдъ за симъ послѣдовало откровеніе, что старикъ, посѣтившій царскій дворъ въ образѣ Баньди, былъ не другой кто, какъ самъ Абида; и что чудесное рожденіе тысячи трехъ сыновъ имѣетъ отношеніе болѣе къ судьбѣ всего человѣчества, нежели къ семейству и царству Загарвадона.

За такое благодѣяніе царь возблагодарилъ Абиду, усугубилъ свое благоговѣніе къ богамъ и сталъ прилагать все отеческое попеченіе о воспитаніи дѣтей. Не тщетно было это попеченіе. Радость царя возрастала по мѣрѣ того, какъ дѣти приходили въ возрастъ. Ибо отъ перваго до послѣдняго были онѣ надѣлены необыкновенными способностями и высокими нравственными качествами; пламенѣли любовію къ Богу и ближнимъ и готовностію на все доброе, на

всякій доблестный подвигъ. Къ каждому изъ нихъ прилагались слова:

Mox celsus ab alto,
Infra te cernes hominum genus.

Наконецъ, счастливый Загарвадонъ почувствовалъ, что онъ близокъ къ общему всѣхъ смертныхъ предѣлу. Итакъ призвавъ сыновъ своихъ, сказалъ имъ: Дѣти, теченіе жизни моей совершилось. Но прежде нежели отойду въ царство Сукавади, я долженъ исполнить волю отца боговъ. Не надѣляю васъ сокровищами: все земное ниже вашего назначенія. Вотъ таинственныя златыя урны — *алтан бумба;* — возмите по одной; но никто да не дерзаетъ коснуться печати, которою запечатлѣны онѣ. Только смерть Загарвадона дастъ вамъ право проникнуть въ тайну, здѣсь сокровенную. Тогда прославьте Абиду и шествуйте неуклонно путемъ его.

По смерти Загарвадона, дѣти отдавъ отцу послѣдній долгъ, волнуясь страхомъ и надеждою, открыли запечатлѣнныя урны. И что жъ оказалось? каждая урна содержала предопредѣленіе Абиды, относящееся къ тому лицу, которому досталась она. А въ общемъ содержаніи откровенныхъ судебъ

выражена та мысль, что тысяча три сына Загарвадон-хана возводятся на степень боговъ міроправителей, что каждый изъ нихъ долженъ править опредѣленное число тысячелѣтій и въ опредѣленныя эпохи, разграничиваемыя седмеричнымъ числомъ міроправленій, съ свойственнымъ каждому характеромъ, съ преизбыткомъ благъ, или зла.

Столь дивно возвеличенные надъ родомъ смертныхъ, дѣти Загарвадоновы принесли хвалу и благодареніе Абидѣ и вступили въ чреду міроправленія.

Первый изъ воспользовавшихся этою честію, по праву старшинства, былъ Шиги. Время его правленія было самое блаженное: люди жили по десяткамъ тысячь лѣтъ среди покоя и радостей, ни чѣмъ не возмущаемыхъ; самыя стихіи находились тогда въ постоянной гармоніи и тѣмъ умножали счастіе обитателей земли (57).

При послѣдующихъ пяти правителяхъ, міръ мало по малу началъ клониться къ упадку, такъ что при воцареніи седьмаго — т. е. нынѣшняго правителя Шигемуни, люди жили не больше ста лѣтъ и были игралищемъ страстей. А когда богу сему придется оставить скипетръ правленія, по ис-

теченіи пятитысячнаго срока, то вѣкъ человѣческій умепьшится до десяти годовъ. И люди того времепи пе будутъ отличаться отъ безсловесныхъ животныхъ.

Тогда-то приметъ бразды правленія Майдари и пачпетъ повую седмицу всеобщимъ рода человѣческаго преобразованіемъ, имѣющимъ постепепно идти къ совершенству, въ теченіи седьми богоправленій. А за тѣмъ міръ нашъ опять пойдетъ къ упадку. И это міровое коловращепіе будетъ повторяться до послѣдняго изъ тысячи трехъ боговъ — Очирвани.

Въ роковое правленіе Очирвани, ужасы нравственнаго пестроенія, а вмѣстѣ и страшныя знамепія будутъ постепенно возрастать, предвѣщая близкую кончину міра. На небѣ явятся сперва два солнца, потомъ четыре, напослѣдокъ шестпадцать солнцевъ. Растѣпія и животныя отъ певыпосимаго жара погибнутъ, рѣки и даже моря пзсохнутъ, земля представитъ изъ себя раскаленную печь, а горы стапутъ дышать пламенемъ. Сила этихъ явленій сдѣлается чувствительною и для Алтан мелекей — золотой лягушки, этого знаменитаго существа, представляющаго собою образъ Уран — ман-

дзу — ширина, находящагося подъ Сумберомъ и охватывающаго землю. Животное, замѣтивъ оскудѣніе потребной для него влаги, принуждено будетъ оставить теперешнее свое положеніе и оборотиться deorsum. Съ такимъ оборотомъ — увы! весь міръ пойдетъ вверхъ дномъ (38). Но и при этой страшной катастрофѣ, человѣкъ вправѣ еще будетъ сказать о себѣ :

Non omnis moriar, multaque pars mei
Witabit libitinam, usque ego posterâ
Crescam laude recens. *Horat in Odis.*

СТАТЬЯ VI.

Боги и отношенія ихъ.

Буддизмъ допуская боговъ и богинь, полубоговъ и геніевъ, дѣлитъ ихъ не только по личному и самостоятельному значенію, но и по отношенію къ классамъ другихъ существъ.

Отсюда происходитъ, что каждый Будда, каждый Бодисадъ и Тенгеринъ отнесены къ

одной изъ четырехъ категорій: мира, учительства, власти, силы—*аморлигой, делгеренгой, эрке, докшинъ*. Это раздѣленіе, извѣстное подъ именемъ Дурбен ундусу — четыре корня, имѣетъ приложеніе ко всей ѳеософіи и іерархіи.

Наивысшими считаются Боги вѣнца — *титемун бурхан*: Абида, Амога сиди, Бирюзана, Очир — садова и наконецъ Радна — самбоба (59). Пятерица, служа символомъ, таинственности, служитъ вмѣстѣ и предметомъ глубокаго благоговѣнія. Притомъ она удерживаетъ за собою то исключительное преимущество, что четыре корня поставляются въ одинаковомъ къ ней отношеніи и даже выводятся изъ нея, какъ изъ своего начала. Но право первенства остается за Абидою; ему принадлежатъ и всѣ божескія совершенства (60).

Какъ свѣтъ огня тысячами подобныхъ себѣ свѣтовъ отражается въ кристаллахъ водъ, такъ существо (бын) Абиды, при единичности божеской натуры— *гакца чинар*, способно проявлять себя въ безконечномъ множествѣ своихъ Хубилгановъ, не измѣняя тождеству, а тѣмъ болѣе не нарушая своего покоя — *аморлигой*, невозмущае-

мость котораго составляетъ неотъемлемый и вѣчный удѣлъ божества.

Въ словѣ Абиды заключается источникъ жизни; чрезъ него же судьбы и повелѣнія божескія распространяются — *делгерулху бой*, по всему міру, переходятъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ.

Мысль (сеткилъ) Абиды въ полномъ смыслѣ всемогущая. Къ чему ни обратится, чего ни коснется, все ей покорствуетъ, надъ всемъ владычествуетъ она — *эрке баримой*.

Умъ Абиды всеобъемлющій. Отецъ боговъ все видитъ, все знаетъ въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ. И направляя ходъ міровыхъ событій къ высокимъ цѣлямъ своимъ, даетъ всюду чувствовать безмѣрную премудрости своей силу — *цагласи угей эрдем билигун докшин* (61).

Во вниманіе къ таковымъ достоинствамъ Абиды, а равно и къ тому, что всѣ обители блаженства — *Сукавадин орон*, находятся въ непосредственномъ его распоряженіи, Буддисты, не смотря на множество боговъ своихъ, въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни къ нему одному молитвенно обращаются. Такъ при похоронахъ унывно поется стихъ:

Эгерелун орон босот-тор угей болай, шигулескуй-бер удоридун соирха, лама Абида!

то есть:

Божественный Абида! по милости своей, наставь на путь усопшаго: ибо у тебя одного мѣсто упокоенія.

Въ капищахъ изображенія Абиды занимаютъ почетнѣйшее мѣсто. Огневидный Будда возсѣдаетъ на престолѣ, бывъ полуприкрытъ багряною хламидою. На головѣ у него черная скуфья — *ракчи*, а въ рукахъ чаша — *бадар аяха*, служащая эмблеммою блаженства, которое вкушаетъ онъ и котораго удостоиваются всѣ приходящіе къ нему (62).

Послѣ боговъ вѣнца, слѣдуютъ міроправители, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которые уже приходили и правили дольнимъ міромъ въ опредѣленныя эпохи. Къ числу сихъ послѣднихъ принадлежатъ:

Шиги,
Бисваво,
Дпван-гара,
Гапа-гамопи,
Гарга-сопди,
Гашибъ,
Шигемуни.

Образцемъ молитвеннаго къ богамъ спмъ воззванія можетъ служить слѣдующій Тибетскій стихъ:

Санджей памшик дзукдор памджит-
жан,
Корба джикден сертуб отсрундан,
Шакджи туба годам лхаилхо:
Санджей баво дупла чакцало.

Къ стиху этому, содержащему эпитеты помянутыхъ боговъ, Монголы придаютъ заключеніе: *Долон тегупчилен урексен-дор мургумой биде*—этой седмерицѣ, уже пришедшей покланяемся.

Встрѣчаются также въ Буддійскомъ канонѣ пѣснопѣнія и молитвы, равно прилагаемыя къ каждому изъ боговъ пришедшихъ и имѣющихъ еще придти. Для примѣра приводимъ:

Пладжу тегус пукчиксен,
Тегупчилен урексен,
Дашпи дароксан,
Унен тегус тогулаксан
Бурхан Шигемуни-дор мургумой биде.

Смыслъ словъ такой:

Поклоняемся богу Шигемуни, который пришедши въ міръ, одержавъ надъ врагами

своими рѣшительную побѣду и низложивъ ихъ, достигъ истиннаго совершенства.

О Шигемуни, какъ нынѣ царствующемъ Буддѣ, желали бы мы сообщить положительныя свѣденія. Но къ сожалѣнію, жизнь его и дѣянія, основныя начала его теоріи и практики, а тѣмъ болѣе правила, побужденія и цѣли первыхъ адептовъ Буддизма полны противорѣчія, омрачены и искажены самыми нелѣпыми вымыслами.

Итакъ, не полагаясь на мнѣнія и судъ Буддистовъ, обращаемся къ ученымъ оріенталистамъ и, водясь ихъ взглядами, представляемъ читателямъ слѣдующія апотегмы:

1) Шигемуни не есть лицо чисто баснословное. Онъ существовалъ; и существовалъ лѣтъ за тысячу до Рождества Христова. По крайней мѣрѣ, начало Буддійскаго лѣтосчисленія, ведомаго отъ Шигемуни, падаетъ на этотъ періодъ времени.

2) Шакъ-ямунскій родъ, изъ котораго происходилъ Шигемуни, или какъ онъ прежде назывался Сиддарта, владѣлъ не по далеку отъ Непала, сдѣлавшись царственнымъ съ возшествіемъ на престолъ Махасамматы.

5) Родъ этотъ нашелъ сильнаго врага въ Вирудакѣ и былъ весь истребленъ. Одному Сиддартѣ удалось найти спасеніе въ бѣгствѣ, на берегахъ рѣки Ниражаны.

4) Ставъ невольнымъ изгнанникомъ, Сиддарта навсегда удержалъ за собою названіе Муни-отшельника изъ рода Шакъя, т. е. Шакъямуни, или по Монгольской письменности, Шигемуни.

5) Анахоретская, скитальческая, полная тяжкихъ испытаній жизнь Сиддарты не могла не расположить его къ созерцаніямъ и даже къ самому аскетизму. А этого очень достаточно было, чтобъ пріобрѣсть почетное названіе Будды, т. е. мудраго; конечно въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ Греческимъ ученымъ и созерцателямъ усвоялось нѣкогда названіе то софистовъ, то философовъ (63).

6) Но чѣмъ болѣе удалялось отъ него потомство, чѣмъ болѣе развивалось его ученіе, тѣмъ необыкновеннѣе становился онъ въ глазахъ своихъ поклонниковъ. Это замѣчается въ самой послѣдовательности разграничивающихъ исторію Буддизма трехъ періодовъ—хинаяны, махаяны, и мистицизма (64).

7) Равнымъ образомъ и общество, основанное Шигемуніемъ, въ началѣ было не иное что, какъ братство нищенствующихъ—*бикшу*, людей, покинувшихъ міръ, рѣшившихся быть странниками и пришѣльцами. Съ теченіемъ времени, внѣшній и внутренній характеръ общества сталъ измѣняться. Правила жизни его и самая теорія, сдѣлавшись сложнѣе, отвлеченнѣе, дали поводъ къ различнымъ толкамъ и раздѣлили поклонниковъ Будды на секты (63).

8) Шигемуни умеръ 80-ти лѣтнимъ старикомъ и трупъ его, по обычаю Индѣйскому, былъ сожженъ (66).

Вотъ обстоятельства, не лишенныя историческаго вѣроятія. Все же прочее, или почти все, въ біографіи Шигемуни есть чистый вымыслъ.

Шигемуни, какъ глава и представитель желтаго корня, изображается желтымъ и въ желтомъ жреческомъ одѣяніи, съ чашею въ рукѣ. При немъ находятся, въ качествѣ ассистентовъ-*сойбун*, двое изъ ближайшихъ учениковъ его Ананда и Собади. Они держатъ по жезлу-*дулдей*, и считаются одинъ вопрошателемъ, а другой скорописцемъ.

Къ этому же разряду покровителей че-

ловѣческаго рода причисляются Бодисады и Махасады, которые хотя и не достигли еще достоинствъ Будды, но бывши родомъ божіимъ — *бурхану ундесун даки илете болбай*,—они естественно расположены ко всякому добру и всегда готовы оказывать потребную помощь и услугу. А потому и право исключительное имѣютъ на божескія почести.

Далѣе, Буддійская Теософія даетъ мѣсто такимъ богамъ, которые могучи, но не близки къ человѣку; и болѣе грозны, нежели благотворны. Къ классу сему принадлежатъ: Хормузда, Бимала-зедери, Шакджип-арсалапъ, Октаргойп-сапъ и Эрликхапъ.

Первый изъ боговъ сихъ правитъ Тенгерпиами, а второй Асурпиами. И для обоихъ мѣстопребываніемъ служитъ гора Сумберъ. Только Хормузда, съ 55 почетными тенгерпиами, обитаетъ на ея вершинѣ, въ жилищѣ, называемомъ Садорвасупъ балгасупъ; а Бимала-зедери въ пещерахъ подъ горою. Изъ остальныхъ трехъ, Шакджип-арсалапъ господствуетъ надъ безсловесными тварями. Октаргойп-сапъ надъ Бритами, а Эрликпомуп-хапъ, иначе Чойжилъ, распоряжается во адѣ.

Этотъ Плутопъ всегда имѣетъ предъ собою зеркало — *геген толи*, отражающее всѣ тайности человѣческія, и вѣсы правды—*чипцур*, показывающіе истинную цѣну каждаго дѣянія, слова и мысли. А потому ничто не можетъ отъ него укрыться, или представиться ему лучшимъ, нежели каково есть въ дѣйствительности, равно не можетъ и забытымъ быть. Ибо все сдѣланное человѣкомъ записывается съ величайшею точностію. Когда же душа предстанетъ, то Чойжилъ смотритъ, гдѣ большинство дѣлъ ея—на бѣлой, или черной сторонѣ скипетра его. И по этому рѣшаетъ жребій пресельницы. Тогда сила неотвратимаго рока влечетъ душу, какъбы нѣкую пылинку, въ опредѣленную ей сферу; и тамъ начинаетъ она ощущать послѣдствія прежней своей жизни и вступаетъ въ чреду новыхъ превращеній. Одна лишь чистая добродѣтель не подвластна таковому вліянію судьбы: —

Nullo dominatu premitur. Она ведется инымъ путемъ и царство Чойжила минуетъ.

Послѣдній разрядъ чтимыхъ существъ самый многочисленный. Ибо сюда относятся Тенгерины, или духи всѣхъ міровъ, всѣхъ странъ и мѣстъ и всякаго вида и рода —

элдеб удзекдемун, лишь бы не были они членами темнаго царства — *хара дзугун*.

Къ Тенгеринамъ обращаются какъ къ посредникамъ между богами и людьми, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно дѣйствовать противу Читкуровъ, Шимнусовъ и другихъ враждебныхъ человѣку духовъ. Призывы съ этою цѣлію совершаются по обряду Докшинскому, а дѣятельнѣйшими помощниками признаются: 1) Ямандага, имѣющій 36 рукъ, 16 ногъ и звѣриную съ рогами голову; 2) Гомбо, оказавшій величайшія услуги Буддизму; 3) Сендуме и Лхамо, прославившіеся превращеніями и чародѣяніями; 4) Табун хан — пять огненныхъ царей; наконецъ Гонгаръ, Дамдинъ, Джамсоранъ, Цамбо, Шальши, Юсундорлукъ и многіе другіе.

Въ качествѣ этихъ же благодѣтельныхъ духовъ, призываются Шраваки, Брадпгабуты, Бутхалисы, Хутукты и Хубилганы, даже и такіе, которые нынѣ еще живутъ, проходя длинный путь предначертанныхъ имъ перерожденій, каковы напримѣръ: Банчинбогдо, Далай-лама, Джимдзанъ-дамбейнгегенъ и подобные имъ святоши (67).

Вотъ общія черты мистико-буддійской

ософіи; но не ими ограниченъ кругъ ея воззрѣній. Напротивъ она входитъ въ длинные о Бурханахъ разсказы, превозноситъ заслуги ихъ и силится представить съ возможными подробностями картину жизни каждаго изъ нихъ. А все это какъ бы для того, чтобы изъ подъ пера жалкихъ тружениковъ вышло наконецъ чудовище, могущее осуществить собою мечту Римскаго поэта:

Humano capiti ceruicem pictor equinam
Iungere si velit, et varias inducere plumas,
Undique collatis membris, ut turpiter atrum
Desinat in piscem mulier formosa superne;
Spatatum admissi risum teneatis amici?

Horat. de art Poët.

СТАТЬЯ VII.

Классы одушевленныхъ тварей.

Въ предъидущей статьѣ упомянули мы о богахъ, господствующихъ надъ различными классами одушевленныхъ тварей. Здѣсь намѣрены показать составъ этихъ классовъ и значеніе принадлежащихъ къ каждому изъ нихъ существъ.

Одушевленныя твари разсѣяны по всѣмъ мірамъ, на пространствахъ болѣе, или менѣе обширныхъ, и съ условіями жизни, соотвѣтствующими нравственнымъ и умственнымъ ихъ качествамъ. Въ этихъ же качествахъ положено основаніе раздѣленію ихъ на шесть классовъ, поставленныхъ въ непосредственной зависимости (какъ выше сказано) отъ шести могущественныхъ повелителей — *чидикчи бакши* (68).

Къ первымъ и высшимъ классамъ принадлежатъ: Тенгерины, Асурины и люди, къ послѣднимъ безсловесныя животныя, Бирты и обитатели ада.

Тенгерины вообще почитаются добрыми и благодѣтельными. Они состоятъ подъ управленіемъ славнаго Хормусды, а пребываніе свое имѣютъ одни на горѣ Сумберѣ (69), другіе на солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, а нѣкоторые на землѣ и въ разныхъ пространствахъ воздушной сферы (70). Геніи эти, хотя необлечены, подобно намъ, плотію и способны принимать разные виды, однакожъ не могутъ назваться чисто духовными. Существо ихъ связано съ матеріею, которая дѣлаетъ для нихъ необходимою пищу, состоящую въ аршіанѣ (рашіянъ), или

нектарѣ; допускаетъ между ними различіе пола, и подвергаетъ ихъ разнымъ превратностямъ (71).

Такъ, вѣрный своему значенію Тенгеринъ получаетъ, по мѣрѣ заслугъ своихъ, высшія почести и совершенства, можетъ родиться человѣкомъ и открыть себѣ путь во всѣ блаженныя страны. Въ противномъ случаѣ, онъ ниспадаетъ изъ эфирной сферы, теряетъ свой блескъ и силу и становится жертвою тяжкихъ и уничижительныхъ перерожденій и переселеній (72).

Асурины, входя въ категорію злыхъ духовъ, наравнѣ съ ними почитаются виновниками несчастій, случающихся на землѣ. Самые Тенгрій не имѣютъ отъ нихъ покоя. Ибо Асурины ни о чемъ столько не хлопочутъ, какъ о похищеніи у нихъ нектара. Съ этою цѣлію ведутъ они непрестанную брань, вынуждающую иногда самаго Хормусду принимать личное въ ней участіе. При грозномъ его ополченіи, брань принимаетъ изумительные размѣры (73). Бури и громы служатъ для насъ ея вѣстниками. Но побѣда добрыхъ геніевъ надъ злыми, по закону вѣчной правды, тогда лишь рѣшительною бываетъ, когда въ мірѣ нашемъ зло нравственное

неторжествуетъ надъ добродѣтелію (74).

Къ третьему классу относятся люди. Въ жилище имъ предоставлены обширнѣйшія органическаго, или амарамакскаго міра страны, обнимающія собою Югъ, Востокъ и Сѣверъ. Страны эти рѣзко отличаются одна отъ другой какъ по внѣшнему своему виду, такъ и по условіямъ жизни своихъ обитателей (75). Къ тому каждая изъ нихъ имѣетъ собственныя достопримѣчательности. Таковы напримѣръ два дерева — Дзамбудаши и Галбарбарасъ. Первое, будучи достояніемъ Юга и произрастая на морѣ, называемомъ Мапама, производитъ дивные плоды. Когда плодъ этотъ упадаетъ въ море, то слышенъ звукъ дзамбу; отъ чего и самая страна, произращающая дзамбудаши, получила названіе Дзамбу тпба. Царь драконовъ Погоп-риджа, употребляетъ плоды эти въ пищу; остальные превращаются въ золото рѣки Дзамбу. Другое дерево Галбáрбарасъ (калбарисъ), между Сѣвернымъ и Восточнымъ тпбомъ, высится на 100 миль, вѣтвями покрываетъ площадь въ 50 миль и утверждается на плитѣ такого же размѣра. Ему свойственъ даръ слова. Но къ сожалѣнію, слово это есть зловѣщее — *магу*

дагуту. Галбарбарасъ тогда только начинаетъ говорить, когда нужно предсказать человѣку близкую и неизбѣжную его кончину. Кромѣ деревъ сихъ, много и другихъ въ мірѣ нашемъ диковинъ. Есть алмазные дворцы, есть поля унизанныя какъ бисеромъ, золотыми горами, озера вѣчно покойныя и произращающія царя цвѣтовъ Линхову. Но всѣ эти достопримѣчательности проходимъ мы молчаніемъ, предоставляя любознательнымъ самимъ заглянуть въ полную чудныхъ сказаній книгу Чихула кереглекчи (76).

Безсловесныя—*адагусун амитан*, причислены къ низшему отдѣлу одушевленныхъ существъ. Наибольшая и самая почетная часть ихъ обитаетъ въ моряхъ. За тѣмъ во множествѣ водятся онѣ на западномъ тибѣ (укерту тиб), гдѣ имѣетъ пребываніе свое и верховный ихъ властитель. Остальные разсѣяны въ разныхъ частяхъ свѣта и поставлены въ большей, или меньшей зависимости отъ человѣка (77).

Бриты, влача жизнь свою въ преддверіи ада, представляютъ собою жалкихъ тварей. У нихъ желудокъ съ гору, а ротъ и горло съ игольныя ушц. При столь чудовищной

несоразмѣрности частей тѣла, Бритамъ нельзя утолить ни голода, ни жажды. Да и проглощенныя ими капли внутрь ихъ превращаются въ смолу и огонь (78).

С осѣдисе съ Бритами адское царство состоитъ изъ многихъ и разнороднѣйшихъ существъ, извѣстныхъ подъ именемъ Читкуровъ, Зеткеровъ, Шимпусовъ, Альбиновъ, Буковъ, Оролоновъ, Онготовъ и проч. Главными мѣстопребываніями ихъ служатъ адъ и пропасти земныя, а за тѣмъ пустыни, горы, лѣса, воды и даже жилища людскія. И чѣмъ они ближе къ человѣку, тѣмъ болѣе стараются вредить ему; или по крайней мѣрѣ враждески наблюдать за его дѣйствіями и направлять ихъ, по возможности, къ цѣлямъ своимъ.

Такое раздѣленіе существъ, какъ догматъ Буддизма, входитъ во многія религіозныя легенды, выражается въ обрядахъ и служитъ темою для молитвъ и правоученій. А потому будемъ мы имѣть случай еще говорить какъ о существахъ сихъ, такъ и о богахъ властвующихъ надъ ними.

СТАТЬЯ VIII.

Понятія о небесныхъ тѣлахъ и явленіяхъ въ мірѣ нашемъ происходящихъ.

Миѳологическимъ началамъ, въ предъидущихъ статьяхъ изложеннымъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ всѣ другіе уроки Буддійской мудрости. Наставница эта, выдавая себя за всевѣдущую ζητοῦν τὰ τὲ ὑπὸ τὴν γῆν καὶ τὰ ἐπουράνια, бросаетъ пыль въ глаза адептамъ, дивитъ ихъ, какъ дѣтей, надутымъ пустословіемъ и требуетъ отъ нихъ не ограниченнаго къ себѣ довѣрія на основаніи αὐτὸς ἔφη.

Для примѣра представляемъ отрывокъ, изъ котораго можно видѣть, какое понятіе имѣютъ Буддисты о тѣлахъ небесныхъ и о явленіяхъ въ мірѣ нашемъ происходящихъ.

Солнце состоитъ изъ огненнаго хрусталя — *гал молор*. Въ поперечникѣ имѣетъ оно 51 милю, въ окружности 155, а въ толщину слишкомъ 6 миль. Движеніе его зависитъ отъ воздуха, которымъ будучи гонимо, обтекаетъ въ сутки четыре большихъ

тиба (79). Свѣтило это предоставлено въ жилище тѣмъ изъ Тентериновъ, кои извѣстны подъ именемъ сыновъ солнца, и они блаженствуютъ тамъ въ великолѣпныхъ дворцахъ (80).

Луна огненныхъ элементовъ не содержитъ; состоитъ же изъ водянистаго хрусталя — *осун молоръ*. Толщиною она равняется съ солнцемъ, а въ поперечникѣ меньше его, и то на одну лишь милю. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ луна чуть ли не превосходитъ солнца, изобилуя чистѣйшими водами и дивными растѣніями.

Звѣзды по составу своему походятъ на лупу, но по величинѣ не могутъ идти въ сравненіе съ нею. Ибо самыя большія простираются на три тысячи, а меньшія на пять сотъ луковъ. И какъ ни велико число ихъ, однакожъ всѣ онѣ заселены сынами и дщерями небожителей (81).

Атмосфера, служащая опорою толикому множеству тѣлъ, простираясь вверхъ на 40 т. миль, обставлена горами и стѣнами и подвержена тяжкому, всегда единообразному давленію міровыхъ массъ. Отсюда происходитъ упругость и тотъ постоянный законъ круговаго движенія, который проявляется

въ тѣлахъ небесныхъ, и все зданіе міра содержитъ въ стройномъ единствѣ (82).

Теперь взглянемъ окомъ Буддиста на физическія явленія и при руководствѣ сказаній объ Арахолѣ — *Арахалун дой*, объяснимъ, отъ чего и какъ затмѣваются солнце и луна.

У скипетродержавца Очирвани сберегалась нѣкогда живая вода. Узнавши о такой драгоцѣнности, злой духъ Арахола сталъ искать удобнаго случая, чтобъ воспользоваться ею. И это удалось ему. Въ отсутствіе Очирвани, прокрался онъ въ его жилище и, выпивъ воду до капли, сосудъ наполнилъ смертоносною жидкостію.

За тѣмъ, чтобы избѣжать заслуженнаго наказанія, демонъ устремился въ отдаленные міры. И гдѣ ни пролеталъ, вѣчною грозилъ враждою небеснымъ свѣтиламъ, ежели онѣ не съумѣютъ быть молчаливыми и какъ либо укажутъ таинственный его путь гнѣвному Очирвани.

Солнце и луна пренебрегли угрозами, высказали всю правду. Тогда Арахола былъ настигнутъ и понесъ строгое наказаніе. Очирвани разсѣкъ ему чрево своимъ очиромъ; но не могъ умертвить его, какъ пріобрѣтша-

го чрезъ живую воду свойство безсмертія.

Съ тѣхъ поръ для Арахолы одна цѣль, одно желаніе—мстить солнцу и лунѣ за ихъ измѣну. И конечно не сіять бы имъ на тверди небесной, еслибы благодаря Очирвани, не содѣйствовало къ ихъ избавленію уродство демона. Ибо хотя и можетъ онъ при случаѣ поглотить то, или другое свѣтило, но удерживать поглощенное никакъ не въ состояніи.

При всемъ томъ, обстоятельство это важно и всегда имѣетъ характеръ зловѣщаго. Почему крайне не благоразумно быть холоднымъ зрителемъ явленій сего рода. Напротивъ достоинъ всякой похвалы, кто замѣтивъ исчезновеніе лупы, или солнца, потрясаетъ воздухъ криками и бряцаніемъ. Арахола чрезъ это приводится въ смущеніе, а поглощенному имъ свѣтилу дается возможность къ скорѣйшему избавленію.

Подобныя же причины дѣйствуютъ на произведеніе дождя, грома, землетрясеній и проч.

Въ книгѣ Лумбум-гарбо такъ пишется:

Одно изъ четырехъ божествъ, господствующихъ надъ царствами природы, есть

Лусун-ханъ. А подчиненные ему геніи извѣстны подъ общимъ именемъ *Лу*.

Лу обладаетъ способностію 75-хъ превращеній. Зиму проводитъ онъ въ бездѣйствіи, погрузившись въ морскія пучины; а лѣтомъ носится въ воздушной сферѣ, принимая то малые, то самые огромные размѣры.

Во всякомъ случаѣ Лу бываетъ окруженъ 9-ю слоями—*юсун дабхоръ*, облаковъ и держитъ при себѣ водокристальное сокровище — *осун молор эрдени*, могущее притягивать воду изъ рѣкъ и морей. Снабженный такимъ снарядомъ, Лу, по манію Лусун-хана, поднимаетъ воду на высоты небесныя, и дождь проливается.

Однакожъ дѣло это не безъ затрудненій и не безъ хлопотъ. Врагъ всякаго добра Асурп, не желая видѣть людей въ изобиліи и радости, не терпитъ, что бы земля одождѣваема была. А потому чуть завидитъ на небѣ приготовленія къ дождю, Асури начинаетъ бить въ чудовищный свой барабанъ (кепгерге) и тѣмъ замедляетъ дѣйствіе осун-молора, а иногда и всѣ стихіи приводитъ въ безпорядокъ. Тогда Асурины торжествуютъ; а земля стонетъ, и въ отраду ей не остается ничего больше, какъ:

Unum est tristibus in malis levamen,
Pati leniter. Et necessitati,
Ut virum decet, obsequi libenter.

Громъ и молнія не отъ одной, а отъ различныхъ причинъ происходятъ. Когда громъ отзывается глухимъ и отдаленнымъ эхомъ, то слѣдуетъ заключать, что Лу занятъ своимъ дѣломъ, и собираетъ дождь. Когда сверкаетъ Зарница, это вѣрный знакъ, что Лу находится въ добромъ расположеніи и тѣшится, вращая своимъ хвостомъ.

Но громы и молніи сокрушительные, а также градъ и каменные дожди, происходятъ по временамъ отъ раздраженнаго Будды, дѣйствующаго въ такомъ случаѣ чрезъ ужасныхъ Арбан-докшитовъ. Чаще же явленія такія находятся въ связи съ войною, которую ведутъ Асурины противъ Тенгериновъ. Камено-метныя стрѣлы ихъ, съ громами и молніями, несутся во всѣ страны свѣта и даютъ собою чувствовать, сколь могучи противники и какъ тяжка взаимная между ними брань.

Послѣдствія этихъ явленій могли бъ быть ужасны, при нашей беззащитности. Но по дѣйствію судебъ, губительныя стрѣлы могутъ поражать лишь виновныхъ предъ бо-

гами. И здѣсь-то основаніе закона, по которому человѣкъ убитый громомъ признается отверженнымъ и не заслуживающимъ погребенія, а смерть его поставляется первою въ ряду 15-ти злополучнѣйшихъ — *арбан табун магу укул-еце* (83).

Землетрясенія. При вниманіи къ началу единства, вопросъ о землетрясеніяхъ долженъ бы рѣшиться самъ собою—на основаніи данныхъ, которыми объясняются предшествовавшія явленія. Если Тенгерины и Асурины столь могущественны, что отъ стрѣлъ и мечей ихъ потрясаются небесные своды: то какъ не трястись землѣ подъ ногами этихъ исполиновъ?

Но софисты наши, бросивъ родное дѣтище, пустились въ самыя дальныя окраины и тамъ съумѣли отыскать ключь къ таинству землетрясеній. Оказалось, что виною ихъ Алтан-мелекей. Читателю извѣстны уже отношенія Мелекея къ нашему міру (см. ст. V). На брюхѣ этой твари лежитъ средоточіе вселенной — величественный Сумберъ, а въ лапахъ ея четыре части свѣта. По этому всякое движеніе животнаго отзывается потрясеніемъ основаній земли. Иначе и быть не можетъ. Не объяснимо лишь терпѣніе,

съ какимъ Мелекей держитъ не пзнемогая въ объятіяхъ своихъ нашу планету и не допускаетъ ей пизрпнуться въ бездну пустоты. Между тѣмъ какъ для него достаточно одного оборота, чтобъ все писпровергнуть и оправдать собою древнее изреченіе:

Paruula quaeque
Dum minime credis, quo perimamur habent.

СТАТЬЯ

IX.

Составъ буддійскаго духовенства.

Переходимъ къ обрядовой части. И прежде всего покажемъ основные жреческаго сословія элементы.

Шигемуніанская Іерархія—*сакил сапвар*, въ общемъ составѣ своемъ даетъ видѣть нѣчто похожее на Римско-духовные ордена. Извѣстно, что ордена эти разпятся между собою не только цвѣтомъ и формою одежд, но и частностями устава своего.

Это же проявляется и въ Буддизмѣ. Духовенство его, обязанное вообще къ безбрачію, дѣлится на четыре корня, или обряда — *ундусу*: желтый, красный, бѣлый и

черный. И каждый изъ сихъ корней, утверждаясь на одномъ и томъ же основаніи буддійскаго законоположенія, имѣетъ свои отличительные признаки внѣшніе и внутреннie.

Такъ, первый изъ корней желтый—*шара ундусу*, иначе сказать ламы этого корня (ritus), въ нарядахъ своихъ даютъ наиболѣе мѣста желтому цвѣту, а главнѣйшею своею обязанностію считаютъ благотворительность. И потому признаются исключительно посвященными Шигемунію, какъ наивысшему образцу милосердія и любви.

Вторый корень красный—*улаган*, отличаясь отъ перваго цвѣтомъ, отличается вмѣстѣ характеромъ и назначеніемъ своимъ. Принадлежащіе къ нему лица посвящаютъ себя Докшитамъ, или грознымъ духамъ, и у нихъ ищутъ помощи противъ враждебныхъ силъ.

Остальные два корня т. е. бѣлый и черный — *цаган, хара*, разнясь отъ краснаго цвѣтомъ, сходствуютъ съ нимъ цѣлію и условіями обрядовыхъ дѣйствій. Покровителями ихъ признаются также Докшиты — *докшин тенгеринер*, только не красные, а бѣлые и черные.

Впрочемъ, въ какомъ бы соотношеніи ни находились послѣдніе три корня, буддійскій канонъ вводитъ ихъ въ одну категорію, и всячески старается мракомъ прикрывать ихъ дѣйствія. А что видимо и осязаемо, то носитъ на себѣ характеръ вакхическихъ вдохновеній, и кажется влагаетъ въ уста жрецовъ стихъ Марціала:

Possum nihil sobrius, bibenti
Occurrunt mihi quindecim Poëtae.

Въ составъ ламской іерархіи входятъ:

1) Убаши,
2) Ховаракъ,
3) Гецулъ,
4) Гелунъ,
5) Ширегету,
6) Бандида-хамбо,
7) Шаварапъ,
8) Хубилганъ,
9) Хутукту,
10) Далай-лама,
11) Банъчень-богдо.

Убаши.

Это лице среднее между клиромъ и міряпами. Принимая посвященіе и новое имя, Убаши не обязуется ни къ какому служенію въ капищѣ. Давая восемь благочестивыхъ обѣтовъ, онъ не отторгается отъ узъ семейныхъ и отъ попеченій житейскихъ. Отличительными званія его признаками служатъ желтый, или красный по-

ясъ — *оркимджи*, трижды охватывающій своего адепта; четки — *эрике*, состоящія изъ 108 корольковъ, и чашка—*аяга*, которою во всѣхъ случаяхъ долженъ онъ пользоваться, въ отвращеніе осквернепія чрезъ употребленіе пищи, или питья изъ нечистаго сосуда. Вещи эти столь нужными почитаются, что безъ нихъ нельзя сдѣлать трехъ шаговъ. А поелику Убаши, какъ не утвердившійся на пути усовершенія, можетъ заблуждаться и ослабѣвать: то изъ предосторожности приставляется къ нему почти не отлучный наставникъ — *бакши*, изъ пожилыхъ и набожныхъ ламъ.

Все сказанное имѣетъ приложеніе и къ женщинамъ; только онѣ вмѣсто пояса, носятъ перевязку чрезъ лѣвое плечо, и называются не убаши, а убасанца.

Ховаракъ или Баньди.

Ховараки исправляютъ въ капищахъ должность причетниковъ, прислужниковъ и музыкантовъ. При посвященіи, новое имя не всегда получаютъ, а четки, чашу и поясъ всегда. Послѣдній бываетъ шире и длиннѣе, нежели у Убашей. Сверхъ того усвояется имъ желтый, красный, или черный особаго

покроя кафтанъ, составляющій служебную и частную ихъ одежду. Ховаракн принимаютъ на себя 14-ть обѣтовъ, въ томъ числѣ и обѣтъ цѣломудрія.

Гецулъ или Унзатъ.

По служебному значенію равняется съ Діакономъ. Посвящаемому въ этотъ чинъ даются между прочимъ два лоскута или хадаки, красной и желтой матеріи, и оркимджи, въ 7 аршинъ длиною. Къ тому при каждомъ Гецулѣ находится помощникъ Джуп-джикъ. Въ старину Гецулами бывали и женщины, но теперь это не допускается.

Гелупъ.

Слово Гелупъ соотвѣтствуетъ Еврейскому—*коген*, означающему Священника. Служебное облаченіе Гелупскаго чина составляютъ:

1) Докь-икъ, желтый съ красными обшлагами камзолъ.

2) Шаптапъ, цвѣтомъ красный съ такими же пашивками. Онъ дѣлается въ видѣ простыни, и служитъ къ покрытію тѣла отъ пояса до пятъ.

3) Гиракъ. Имъ опоясывается Гелупъ,

для поддержанія на себѣ тяжелаго своего шантапа.

4) Оркимджи, о которомъ уже упомпнали мы, является здѣсь длиною въ десять, а шириною около двухъ аршинъ. Жрецъ перекидываетъ его чрезъ лѣвое плечо, и обвиваетъ около рукъ.

5) Лагой. Употребленіе его одинаковое съ оркимджи; цвѣтомъ бываетъ желтый и походитъ на простыню, только сшитую изъ 60-ти полосъ, въ опредѣленныхъ закономъ размѣрахъ.

6) Намджиръ, покроемъ не отличаясь отъ Лагоя, шьется изъ златоцвѣтной шелковой ткани, и составляетъ наилучшее убранство. А при богослуженіяхъ особой важности, накидываются одна на другую всѣ три повязки—оркимджи, лагой и намджиръ; тогда жрецы не только пестрѣютъ, но можно сказать, закутываются отъ головы до ногъ.

7) Натопъ, ваппой, шисаръ, ободай. Это желто-красныя шапки, употребляемыя ламами. Натопъ походитъ на пѣтушій гребень; въ Ваппоѣ приставлены длинные наушники, упадающіе на грудь; Шисаръ увѣшанъ кистями, кои прикрываютъ собою затылокъ,

Ободай есть копусо-образная ермолка, съ цвѣтнымъ шарикомъ на верхушкѣ. Изъ шапокъ сихъ, или малагаевъ главный, почетъ принадлежитъ Ваншою.

8) Джанчи—мантія, желтаго, или краснаго цвѣта. Въ формѣ представляетъ ту особенность, что имѣетъ короткій семизубный воротникъ, лежащій на плечахъ. Ламы накидываютъ мантіи поверхъ обыкновенныхъ своихъ одеждъ и пользуются ими при разныхъ церемоніяхъ.

9) Дунва — краснопвѣтный съ разными нашивками коврикъ, длиною въ три локтя. Вещь эта служитъ символомъ щита противу враждебныхъ силъ. А потому, чтобы ни дѣлалъ лама, при немъ всегда должна находиться его Дунва. Тоже предписывается закономъ и въ отношеніи прочихъ священныхъ одеждъ. Не имѣя ихъ съ собою, жрецъ не можетъ никуда отлучиться, а особенно проводить ночь.

Всѣ помянутые аттрибуты Гелупскаго чина относятся къ желтому обряду и принадлежатъ, съ малыми лишь измѣненіями, и всему высшему духовенству. Но ежели служба совершается по краспому обряду и вообще въ честь Докшитовъ, то дѣйствова-

тель является въ особой формѣ. Тогда облачение его составляютъ.

1) Шанак-гонпакъ. Это родъ хитона, надѣваемаго поверхъ обыкновенныхъ одеждъ, и онъ бываетъ разныхъ цвѣтовъ, судя по рангу Докшитовъ, которымъ приносится жертва.

2) Руйджинъ — длинный красный кафтанъ, похожій на подрясникъ. На немъ сверху до низу нашиваются эмблематическія изображенія геніевъ, привѣшиваются кисти, позвонки, побрякушки и все то, что можетъ служить къ произведенію звука и пестроты.

3) Царбукчи. Это металлическія поручи, украшенные моржами и всякими блестящими мелочами. Сюда же отнести надлежитъ и кольца-*бугa*, надѣваемыя у локтя.

4) Додъ-икъ. Онъ ни мало не походитъ на тотъ додъ-икъ, о которомъ выше говорили; ибо является здѣсь уже не камзоломъ, а длиннымъ капишономъ съ застежками. Цвѣтъ ему даютъ темный, а окраины испещряются пятицвѣтными нашивками.

5. Мадъ-икъ представляетъ не большой запанъ. Но въ противоположность додъ-ику, средина его пятицвѣтная, сложенная

изъ квадратныхъ шелковыхъ лоскутковъ, а окраины темныя.

6) Ванзейн-хубцатъ, есть острокопечная черная каска. Ее всегда увѣнчиваютъ литыми изваяніями пяти бурхановъ—*титимун табун бурхан*, и стольких же мертвыхъ головъ — *хакимойн толгой*. Отъ вѣнца этого опущены черные волоса, закрывающіе лицо, а кисти и длинные наушники—*джотбон*, падаютъ на грудь и плечи.

Должно замѣтить, что для служенія по обряду трехъ послѣднихъ корпей, не довольно обыкновеннаго посвященія въ Гелуны, но требуется посвященіе въ особыя таинства. И кто удостоился этой чести, тотъ будучи даже міряниномъ, имѣетъ право служить по обряду Докшитскому, хотя на дѣлѣ и не бываетъ этого.

Ширету.

Титулъ Ширету, или Шигерету, носятъ Гелуны, управляющіе Дацаномъ, или капищемъ. Слѣдовательно Ширеты равняются съ Пекинскими Да-ламами. Право на это достоинство пріобрѣтается долговременною службою въ жреческомъ званіи, принятіемъ четырехъ таинствъ, а болѣе всего глубокимъ

знаніемъ вѣры. При каждомъ Ширетѣ, на случай болѣзни, или смерти его, находятся два кандидата, старшій—*лацан* и младшій—*джитбу*; а для почета и въ помощь при богослуженіи, имѣетъ онъ двухъ прислужниковъ — *сойбунъ*. Въ капищѣ же предоставляется ему первое мѣсто въ ряду ламскихъ сѣдалищъ—*джабданъ*. Изъ нынѣшнихъ Ширетовъ Русской Монголіи наибольшею извѣстностію пользуется Цугольскій. Для Монголовъ это истинный оракулъ; Буряты говорятъ, что онъ не выпускаетъ изъ рукъ Ганджур-Данджура; что всѣ глубины мудрости ему доступны. А намъ при взглядѣ на такихъ мудрецовъ, остается сказать:

Qui recte consulat, Consul fiat.

Ennius.

Бандида-хамбо.

По смыслу Китайскаго уложенія, Бандида-хамбо, иначе хамбо, или Камбу-лама, долженъ занимать мѣсто между Засак-даламою, т. е. верховнымъ Пекинскимъ жрецомъ, и между Цорджи-ламою. Это же уложеніе, указывая на Хамбо-ламъ, какъ на обычныхъ посланцевъ отъ Далаи-ламы и Баньчень-эрдени, привозящихъ ежегодно

ко двору дань, называетъ ихъ алчными къ прибыткамъ невѣждами. Отсюда усматривается, что Хамбо-ламамъ въ Китаѣ не много чести. И вся промоція ихъ ограничивается пастоятельствомъ въ которомъ либо изъ Пекинскихъ монастырей. Но каково бы ни было значеніе ихъ въ царствѣ Хиновъ, на пространствѣ Русской Монголіи, титулъ Бандиды важенъ и громокъ. И это потому, что онъ тамъ одинъ, и въ лицѣ его сосредоточена вся духовная власть надъ Монголо-бурятами ламайской вѣры, обитающими по ту и по сю сторону Байкала. Такое значеніе бандиды въ актахъ выражается сими словами: *Баягал далейн-эмене-даки баяху Монгол-Бурьят шаджинтану ахалакчи, Бандида* и проч.

Резиденцію свою имѣетъ Бандида у Гусинскаго озера; которое Буряты называютъ Кулун-нуръ. Озеро это находится въ угрюмой степи, прилегающей къ Забайкальскому городу новому Селенгинску, и составляющей собою первыя ступени преслову-той Гоби.

Дацанъ Гусино-озерскій ничѣмъ не отличается отъ другихъ. Даже многимъ изъ нихъ, особенно Аннинскому и Цонгольскому,

далеко уступаетъ какъ архитектурою, такъ и убранствомъ. Въ домашнемъ быту Бандиды также видна лишь степная простота съ прикрасами Буддійской набожности. Но самъ Гаванъ-хамбо Чойванъ-Дорджи Ишиджимцойпъ, котораго я имѣлъ случай посѣтить, представляетъ интересный предметъ по изумительному дородству своему, соединяемому съ исполинскимъ ростомъ. И я увѣренъ, что портретъ его могъ бы занять почетное мѣсто въ лучшихъ картинныхъ галлереяхъ.

Шаваранъ, Хубилганъ, Биширеллу.

Существа, носящія эти названія, начиная, собою рядъ перерожденцевъ, являются столь тёмными, сколько теменъ и самый путь, которымъ приходятъ они къ намъ изъ другаго міра. И конечно задачи Сфинксовы, узелъ Горгіевъ и философскій камень, всѣ вмѣстѣ взятые, менѣе затруднятъ собою мыслителя, нежели разбирательство признаковъ, по которымъ различаются Хубилганы отъ обыкновенныхъ смертныхъ. Но ключь отъ тайны въ рукахъ Буддійскихъ законовѣдцевъ. Чуть оказывается, что душа, идущая путемъ усовершительнаго перерожденія, ос-

тавпла, по выраженію капопа, старую одежду свою—*джанчи арильджаху*: то спѣшатъ обратиться къ жребіямъ судебъ, и по ихъ указаніямъ сперва отыскиваютъ слѣды странницы, а потомъ узнаютъ и самое существо, въ которое вновь облеклась опа. Вообще же, при сужденіи о дѣлахъ такой важности, принимаются за основаніе слѣдующія аксіоматическія положенія:

1) Хубилганъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, можетъ стоять на разныхъ степеняхъ совершенства, какія только находятся на огромномъ разстояніи отъ Шавараца до Далаї-ламы и Банъчень-богдо. Но въ тѣсномъ (augusto) смыслѣ, Хубилганы принадлежатъ къ низшему разряду перерожденцевъ. Чтобъ быть таковымъ, довольно сознавать въ себѣ три перерожденія—*гурбанъ турульеи айлатху*. И люди этого значенія обладаютъ способностію мгновенно переноситься съ мѣста на мѣсто; являться гдѣ ихъ не ожидаютъ, помогать бѣдствующимъ, когда считаютъ то нужнымъ.

2) Шаварапъ, при сознаніи нѣсколькихъ перерожденіи, проявляетъ свѣтлость ума, чистоту воли и пламенную къ Буддизму привязанность.

3) Бишпрелту, сверхъ помянутыхъ совершенствъ, имѣетъ силу пизлагать шаманство и дѣлать разныя диковины—*иди сиди удзегулекчи бой.*

Людьми этого сорта Китайская Монголія пи когда не оскудѣвала. Но въ нашей Монголіи являются они какъ рѣдкій феноменъ; и то не изъ туземнаго племени, а изъ чуждыхъ пришельцевъ, которые обходя и проходя пустыни, умѣютъ найти себѣ дорогу и къ Русскимъ Монголамъ. Впереди увидимъ мы, къ чему клонятся и чѣмъ сопровождаются такія посѣщенія.

Хутукту.

Хутукту, а по выговору Китайскихъ Монголовъ Кутукту, почитается ламистами за святошу, который прошедши длинный рядъ перерожденій, стяжалъ высокія духовныя совершенства. Сановниковъ этого класса въ Китайскомъ государствѣ находится четыре: 1) Ургинскій Хутукту, титулующійся въ отличіе отъ другихъ Джебдзун дамбейн гегенъ, или Джебдзун дамба; 2) Уамдомскій кутукту—Пакбала; 3) Цзяря кутукту; 4) Пекинскій кутукту, который впрочемъ въ штатѣ Пекинскаго духовенства по-

сить названіе лишь верховнаго жреца— Джасак-да ламы.

Каждый изъ нихъ имѣетъ свою степень значенія и свои особенныя обязанности. Такъ, Пекинскій Хутукту есть главный блюститель чина и порядка при религіозныхъ торжествахъ и даже при всѣхъ пиршествахъ, даваемыхъ отъ двора, къ которымъ обыкновенно приглашаются пріѣзжіе кутукты, джасакъ-ламы, хамбо, цорджи и хубилганы.

Пакбала Хутукту и Цзяра Хутукту обязаны присылать ко двору посланниковъ и дань чрезъ пять лѣтъ. Первый долженъ присылать золотую чашу и корень — *хуанлять*; а послѣдніи бронзовыя статуи божествъ, благовонія и тому подобныя вещи. А въ замѣнъ сего, посылаются къ каждому подарки отъ Двора, состоящіе изъ серебряныхъ сосудовъ и шелковыхъ тканей.

Ургинскій Хутукту, пользуясь особеннымъ уваженіемъ Двора, подноситъ лишь дары Хуандіевой небесной благости, не по обязанности, а въ знакъ неизмѣнной вѣрности своей. И ежели разсудитъ прибыть въ Пекинъ съ цѣлію изъявленія вѣрноподданническихъ чувствъ, то верховный госу-

дарственный Совѣтъ обязуется сдѣлать всѣ нужныя распоряженія касательно почестей и заготовленія подарковъ.

До 1764 года Ламайское въ Сибири Духовенство находилось въ зависимости отъ Ургинскаго Хутукты; потомъ отношенія эти прекращены. А какъ и для чего, о томъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ (84).

Далай-Лама и Баньчень-богда.

Стоя въ главѣ Буддійской Іерархіи, Далаи-лама и Баньчень-богда имѣютъ пребываніе свое — одинъ въ Сѣверо-западномъ, или такъ называемомъ Далаи-ламскомъ Тибетѣ. Другой въ Юго-восточной его части, и оба кажутся обреченными на то, чтобъ быть во взаимномъ столкновеніи и представлять въ лицѣ своемъ Двуглавую Іерархію. По смыслу Буддійскаго закона, первенство принадлежитъ Баньчень богда; но Китайское уложеніе оставляетъ честь первенства за Далай-ламою. Даже Баньченовъ эпитетъ богда, въ отвращеніе сближенія съ священнымъ именемъ Богда-хана, силою уложеній измѣнено на слово эрдени-сокровище, съ каковымъ аддитаментомъ и является сановникъ этотъ во всѣхъ актахъ.

Правда, къ посольству Баньчень-эрдени, Китайскія власти оказываютъ вниманіе не меньшее, какъ и къ посольству отъ Далай-ламы: но при отдариваніи посланцевъ, опять является разсчетъ не въ пользу Баньчена.

Между тѣмъ въ понятіи Буддистовъ существо это, по чрезвычайнымъ своимъ духовнымъ даровапіямъ, оставляетъ за собою всѣхъ Хубилгановъ, Хутухтъ и самаго Далай-ламу.

Коренным мѣстопребываніемъ Баньчена считается Индія — пиеткегун ороп. А для доступа къ нему необходимыми признаются трехмѣсячные очистительные подвиги. Къ тому должно благопріятствовать и опредѣленіе неба, безъ чего никакія очищенія не помогутъ. Счастливецъ, вводимый въ чертоги Баньчена, восходитъ чрезъ многія отдѣленія все выше и выше. По долгомъ же шествіи достигаетъ онъ нѣкоего таинственнаго храма, изумляющаго великолѣпными и дивными гіероглифами. Въ слѣдъ за тѣмъ является и самъ свѣтозарный (incomparabili perfectionum luce micans) Баньчень-богда.

Совершенства Далай-ламы при всей высотѣ своей, какъ выше сказано, уступаютъ

Баньченовымъ. Но тотъ и другой равно принадлежатъ къ разряду напвысшихъ хубилгановъ, которые хотя и въ мірѣ, но къ міру не принадлежатъ. Ибо души ихъ, бывъ свободны отъ всѣхъ вліяній зла, свободными остаются и отъ всѣхъ ощущеній, привязующихъ человѣка къ землѣ. Онѣ исполняютъ лишь предопредѣленіе высшихъ судебъ и живутъ среди насъ единственно для общей пользы — *хамок амитану тусейн тола.*

Само собою разумѣется, что люди эти, или скорѣе автоматы, въ дѣлѣ званія и избранія своего не могутъ зависѣть отъ обыкновенныхъ условій. И если къ кому, то къ нимъ первымъ должны бы имѣть обширнѣйшее приложеніе слова Епиктета: Τὰ μὲν ἐφ' ἡμῖν, ἔστι φήσει ἐλεύθερα, ἀκώλυτα ἀπαρεμπόδιστα (Εγγειρ κέφ. β.). Однакожъ ограничительная сила человѣческихъ постановленій простерлась какъ на всѣхъ вообще Хубилгановъ, такъ равно и на Далай-ламу и Баньчэнь-богда. А въ какомъ именно отношеніи, то объяснено будетъ въ слѣдующей статьѣ.

СТАТЬЯ X.

Порядокъ производства въ чины духовнаго званія.

Показавъ значеніе чиновъ отъ убаши до Далай-ламы и Банычень-богда, входящихъ въ составъ Ламской Іерархіи, наиболѣе умѣстнымъ находимъ заняться разсказомъ объ обрядахъ, соблюдаемыхъ при производствѣ въ эти чины.

Буддизмъ, допуская существенное различіе между Хубилганами и людьми обыкновенными, смотритъ на первыхъ какъ на освященныхъ самою природою, а для освященія другихъ считаетъ нужными разныя обрядовыя дѣйствія.

Дѣйствіе поставленія на низшія степени совершается не въ капищѣ, а въ юртѣ. И обыкновенно Убаши и Убасапца ставятся однимъ Гелуномъ при участіи бакши; даваемые ими обѣты, ограничиваясь условіями времени, могутъ быть по произволу возобновляемы, съ повтореніемъ самаго обряда.

Но посвященіе въ Банъди, или въ Хо-

вараки и въ Шимнанцы можетъ совершать только Ширетъ съ однимъ, или двумя Гелупами.

Ширетъ, перекинувъ черезъ плечо оркимджи, садится и въ слухъ прочитываетъ родъ символа вѣры-*номун тулкигуръ*.

По окончаніи чтенія посвящаемый, бывъ руководимъ бакшею, подноситъ Ширету умилостивительную жертву—гоюлтейи мандалъ, отъ которой жрецъ беретъ нѣсколько зеренъ и, въ знакъ приношенія ихъ богамъ, бросаетъ на воздухъ. За тѣмъ ставленникъ, сдѣлавъ по три земныхъ поклона кумирамъ, номамъ (закопу) и самому Ширету, становится на колѣни. Въ это время подаютъ ему деревянную чашку, четки и поясъ, обычныя принадлежности убашинскаго и ховаратскаго чина. И едва коснется опъ ихъ какъ совершитель обряда, краемъ своего оркимджи, прикрываетъ руку простертую для принятія и выслушиваетъ обѣты, которые принимаетъ на себя поставляемый. Тутъ возлагается на него священный поясъ; и если это ховаракъ: то остригаются послѣдніе волоса, нарочно оставляемые для этого дѣйствія на макушкѣ головы, при

сплошномъ обритіи ея въ часы приготовленія къ принятію новаго званія. Напротивъ у Убаши только укорачивается, но не совсемъ обрѣзывается коса. Весь же обрядъ посвященія оканчиваютъ приношеніемъ бладарной жертвы — *ачи мандалъ*.

Подобнымъ образомъ совершается поставленіе и въ Гецулы. Но дѣйствіе происходитъ уже въ капищѣ, при участіи по крайней мѣрѣ пяти Гелуповъ и Шпрета. Обѣты Гецула восходятъ до 60-ти (85).

Наконецъ, удостоиваемые полнаго жреческаго, т. е. Гелунскаго сана, обязаны предъ посвященіемъ исповѣдывать грѣхи свои духовному отцу — *пигуцейн бакши*. А совершителемъ обряда падъ ними бываетъ самъ Бандида съ сонмомъ ламъ. Жрецы въ полныхъ облаченіяхъ усаживаются на своихъ мѣстахъ. За тѣмъ предъ первенствующимъ изъ нихъ кладутъ съ одной стороны колокольчикъ, чашу, жезлъ, бубенчикъ (хопхо, бадара, дулдей, дамара) и проч., съ другой священныя одежды для готовящихся къ принятію гелунства.

Посвящаемые разомъ выводятся на капищную арену, хотябъ ихъ было нѣсколько десятковъ.

Тамъ сдѣлавъ обычныя поклоненія, и выслушавъ ученіе вѣры, приносятъ они умилостивительную жертву, а потомъ снимаютъ съ себя одежду до nec plus ultra. И въ этомъ не изящномъ видѣ, предводимые бакшами, дѣлаютъ по три поклона предъ бурхапами, номами и первеиствующимъ жрецемъ. Потомъ, принявъ первую облачальную принадлежность, — опять начинаютъ кланяться. И это повторяется столько разъ, сколько дается имъ вещей. Столько же разъ выслушиваются и наставленія, сообразныя съ таинственнымъ значеніемъ каждой вещи. Въ заключеніе же всего, посвящаемые даютъ 255 обѣта (86) и приносятъ благодарную жертву.

По выходѣ изъ капища ставши рядомъ, съ книгами въ рукахъ, благословляютъ каждаго подходящаго къ нимъ.

Производство въ дальнѣйшіе чины—Ширеста, Хамбо и друг. ограничивается какъ въ Россіи, такъ и въ Китаѣ пожалованіемъ отъ правительства.

Эта зависимость и притомъ въ самомъ строгомъ смыслѣ, простирается по Китайскимъ законамъ и на всѣхъ перерожденцевъ высшаго ламскаго чина, извѣстныхъ

подъ именемъ Хубилгановъ и Хутуктовъ.

А чтобы дать точнѣйшее понятіе о силѣ этого ограниченія, мы выписываемъ пункты изъ уложенія Китайской палаты внѣшнихъ сношеній, изданнаго въ 1826 году Ст. Липовцовымъ.

«Да будетъ извѣстно всѣмъ Монголамъ и прочимъ народамъ, исповѣдующимъ ламскую вѣру, чтобы тѣ, которымъ предоставлено право доносить по принадлежности о смерти какого либо Хутукты, или Ламы высшей степени, и объявлять мѣста ихъ возрожденія, отнюдь не указывали какъ на тѣхъ дѣтей мужескаго пола, кои соединены родствомъ съ самимъ Далай-ламою и съ Баньчень-эрдени, такъ и на дѣтей и внуковъ всѣхъ Монгольскихъ хановъ, равностепенныхъ князей и Тайцзіевъ, главпопачальствующихъ надъ дивизіями: иначе подвергутся они строжайшей отвѣтственности. Но они могутъ указывать на дѣтей Тайцзіевъ, которые не отправляютъ никакихъ общественныхъ должностей, равно на малолѣтнихъ сыновей простыхъ Монголовъ и Тангутовъ, и возвѣстить, что умершій переродился, или сдѣлался Хубилганомъ въ томъ, или другомъ семействѣ».

«Ни подъ какимъ предлогомъ не должно открывать вновь перерожденцевъ (хубилган) и особенно по смерти Ламъ, начальствовавшихъ въ незнатныхъ монастыряхъ, въ которыхъ прежде не являлись Хубилганы».

«Никакой хубилганъ не можетъ быть признанъ таковымъ, если не будетъ утвержденъ въ семъ званіи законнымъ порядкомъ отъ установленныхъ властей... Избраніе же и утвержденіе Хубилгановъ должно производиться слѣдующимъ образомъ: писать на жребіяхъ, нарочито для сего приготовленныхъ, имена младенчествующихъ кандидатовъ на достоинство Хубилгановъ; жребій класть въ чашу, находящуюся въ большомъ золотомъ духовномъ сосудѣ, состоящемся въ храмѣ Тибетскомъ Чжоо̀, а Пекинскомъ хуля-сун хуля-кигурунъ. Выниматъ же оныя жребіи въ Тибетѣ Далай-ламѣ, вмѣстѣ съ тамошнимъ генераломъ, а въ Пекинѣ членамъ Палаты съ главнымъ Пекинскимъ Хутуктою: счастливый жребій долженъ рѣшить сіе дѣло, которое приводится въ исполненіе вышеозначенными властями».

«Что̀жъ касается до возрожденія Кукунугорскаго (синеозерскаго) Номун-хагана:

то избраніе его не должно подводить подъ общія правила. Но по уваженію къ тому, что съ высокимъ его духовнымъ саномъ соединена свѣтская власть-управленіе цѣлымъ княжествомъ, надлежитъ смотрѣть при семъ случаѣ не столько на родъ и происхожденіе избираемаго, сколько на расположеніе и преданность къ нему того народа, который имѣетъ поступить въ его управленіе. Такимъ образомъ народное желаніе должно сопроводить жребій избираемаго въ золотой сосудъ-бумба, и извлечь его изъ онаго къ общему удовольствію (т. 11. стр. 205-7).

Отъ такихъ ограниченій не изъяты ни Далай-лама, ни Баньчень-эрдени. И при ихъ избраніи, судьба жребіями своими не прежде начинаетъ располагать, какъ посовѣтовавшись съ закономъ. Безъ этого же условія самые очевидные признаки, совершившагося перерожденія теряютъ свое значеніе. А когда дѣло о Хубилганахъ заключено въ столь тѣсную раму гражданскихъ законовъ: то нужно ли говорить о томъ, какъ понимаются люди эти Китайскимъ Правительствомъ, и какъ смотритъ оно на Буддическое ученіе о переселеніи душъ? Но каковы ни были бъ его взгляды и понятія,

только къ чести своей оно не забываетъ правила:

Qualis, qualis erit, tamen ferendus
Est tibi: potius modestus ipsum
Quam perversus, et abstinatus audi.

СТАТЬЯ XI.

Дацаны.

Буддійскія капища извѣстны въ Сибири подъ именемъ дасановъ, или дацановъ (87). Строятъ ихъ въ мѣстахъ пустынныхъ, по образцамъ единожды заимствованнымъ у Тибета и Китая.

Мѣсто, предназначенное подъ дацанъ, усвоется богамъ чрезъ посредство обряда, называемаго испрашиваніемъ земли—*газар гоюху*. Сонмъ ламъ въ предшествіи Ширета, и сопровождаемый многолюдною толпою, отправляется къ избранному пункту. Тамъ принесши молитвы духамъ, господствующимъ надъ стихіями, и опредѣливъ размѣры будущаго зданія, роютъ въ углахъ его и на срединѣ ямки фута въ три глуби-

ною, и ставятъ въ нихъ по глиняному сосуду. Сосуды наполняются разными сѣменами, съ приложеніемъ монетъ, моржаповъ и другихъ вещицъ, болѣе или менѣе цѣнныхъ и составляющихъ посильную жертву каждаго изъ прихожанъ.

По зарытіи сосудовъ, вколачиваютъ надъ ними небольшія палочки изъ акаціи—*шара лодон*, исписанныя текстомъ Ганджур-Данджура, протягиваютъ по направленію ихъ шелковый пятицвѣтный шнурокъ, а площадь капищную устилаютъ бѣлыми войлоками.

За тѣмъ начинается третій и послѣдній актъ. Толпа выстроившись въ одну линію, приступаетъ къ чертѣ, обозначенной шнуркомъ, и принимается рыть борозду, употребляя всѣ домашнія орудія отъ стрѣлы до сохи. Тутъ же долженъ участвовать и рогъ единорога—*оронгойн эбер*. Дѣйствіе это походитъ на вакхическій хороводъ и повторяется трижды. Сколько же разъ поливаютъ прорытую борозду молокомъ верблюдицъ, коровъ, овецъ и другихъ доящихъ животныхъ, исключительно бѣлыхъ.

Само собою разумѣется, что во время столь продолжительной сцены, ламы не остаются праздными зрителями. Ихъ пѣніе и

бряцаніе въ хонхо и дамару сопутствуютъ каждому акту.

Тѣмъ съ большею торжественностію совершается обрядъ освященія капищъ. Только разнообразію дѣйствій мало даютъ тамъ мѣста, обращая преимущественно вниманіе на громогласіе музыки и шумъ празднества, на жертвы и пѣснопѣнія, приносимыя прежде идолу, избранному въ покровители капища, а потомъ и прочимъ бурханамъ.

Въ общей обстановкѣ Дацаны походятъ на монастыри и представляютъ группы зданій, имѣющихъ назначеніе частію религіозное, частію хозяйственное. Почему и понимаются они въ смыслѣ собирательномъ, выражаемомъ словами: *кейт* и *курье*.

Средину капищнаго двора всегда занимаетъ главная кумирня, отличающаяся отъ другихъ зданій какъ размѣромъ своимъ, такъ и шестротою кровли.

Кровля развѣтвлена бываетъ на нѣсколько коническихъ возвышеній, увѣнчанныхъ замысловатою фигурою — *ганджир*, которую составляютъ рѣзныя изображенія — солнца, луны, дамары, хонхо и очира.

Окна допущаются съ двухъ сторонъ — восточной и западной. Надъ окнами спан-

чею налегаетъ широкій навѣсъ, пріосѣняющій собою круговой балконъ. При такомъ устройствѣ, въ капище проникаетъ лишь полу-свѣтъ. Да и онъ значительно умаляется, будучи заслоняемъ связками тканей—*такилун ядар чимык*, во множествѣ развѣшиваемыхъ на перекладинахъ между колоннами.

Сѣдалищемъ для ламъ служатъ низкія скамьи — *жабдан*. Онѣ тянутся и по срединѣ и по сторонамъ кумирни. Въ главѣ сѣдалищныхъ рядовъ замѣтны постепенныя возвышенія и наконецъ почетныя кресла — *тушилгету шире*. Это мѣста для старѣйшихъ жрецовъ.

Странно впрочемъ, что жрецы расположившись соотвѣтственно служебному своему чину, оставляютъ идоловъ за собою. Не есть ли это безотчетное сознаніе истины, врожденной безсмертному духу и таинственно воззывающей заблудшихъ отъ поклоненія суетнымъ, къ прославленію Единаго, живущаго во свѣтѣ неприступномъ?

Истуканы размѣщены въ глубинѣ капища, т. е. на полночной его сторонѣ, какбы для показанія, что всѣ они принадлежатъ къ темному царству и суть его порожденіе.

Первое между истуканами мѣсто занимаютъ боги вѣнца и Шигемуни съ неразлучными его спутниками, ламами Чодбо и и Зунхаба (88). Бурханы эти ставятся на пьедесталахъ, нарочито устрояемыхъ за жертвенниками, а иногда и на самыхъ жертвенникахъ — *такилун орон.*

О жертвенникахъ должно замѣтить, что они составляя главнѣйшую принадлежность капищь, служатъ для Буддистовъ предметомъ глубокаго благоговѣнія.

На одномъ изъ нихъ, кромѣ *мандала* и *толи*—символовъ неба и земли, постоянно находятся слѣдующія приношенія:

1) Вода трехъ сортовъ — *аргамъ*, *бадимъ*, *ганди* какъ жертва отъ морей.

2) Сѣмена—*бусви*,—отъ земли.

3) Благовонія—*дукбей*,—отъ воздуха.

4) Лампада—*алогь*,—отъ огня.

5) Опрѣснокн—*пивидь*,—отъ человѣка.

6) Музыкальное орудіе — *шабда* — отъ всего міра (89).

Жертвы эти каждодневно перемѣняются, или по крайней мѣрѣ должны перемѣняться—*такильчимъ*. Но другаго алтаря принадлежности считаются не прикосновенными, а потому въ отношеніи къ нимъ пика-

кая перемѣна мѣста не имѣетъ. Въ эту категорію входятъ:

1) *Ранчин дуждеи*, иначе *молор эрдени*, представляющій собою пирамидку, сложенную изъ шариковъ, исходящихъ изъ .Іипховы и пріосѣпенныхъ какъ бы зонтомъ. Въ немъ видятъ образъ Сумбера и всѣхъ таинственныхъ силъ природы. Такія силы предполагаются и въ самыхъ шарикахъ. И кто пользуется ими съ умѣньемъ, тотъ легко (sic dicitur) становится тевматургомъ, могущимъ поспорить не съ однимъ Аполлоніемъ, или Парацельсомъ, но и со всѣми магиками древнихъ и новыхъ временъ.

2) Двѣ золотыя рыбки — по Тибетски *серня-дан*, а по Монгольски—*алтан дзагасу*, представительницы исполинскихъ рыбъ, которыя охватывая землю, не позволяютъ ей уклоняться отъ законовъ равновѣсія и тѣмъ облегчаютъ трудъ Алтан мелекея.

3) Сосудъ – *дирчин бумба* съ сладкою и ароматною водою, служащею символомъ той сладости, какую вкушаютъ небожители (90).

4) Таинственный цвѣтокъ—*Бадма сан*

линхова, какъ эмблемма царства Сукавади.

5) Раковина — *дунгар яйчилъ*, принимаемая по Буддійской символикѣ въ значеніи глашатая, возвѣщающаго славу боговъ.

6) Сѣтчатый овальной формы платъ — *балба-о*, коимъ выражается готовность человѣка къ принесенію въ жертву всего тѣлеснаго состава своего.

7) Четырех-цвѣтная хоругвь — *чогиджал-цан*, напоминающая собою о четырехъ обрядахъ, принятыхъ въ Буддизмѣ.

8) Курду, — *хорло сок*, обыкновенная молитвенная принадлежность, являющаяся въ разныхъ видахъ и формахъ, судя по мѣсту и назначенію. Мы будемъ имѣть случай обстоятельнѣе поговорить о ней.

9) Священное колесо—*хорло римбучи*. Начиная второй рядъ жертвенныхъ принадлежностей, извѣстныхъ подъ именемъ седьми сокровищъ — *долон эрдени*, изображаетъ собою вселенную и всѣ превратности судьбы.

10) Сановникъ — *норбо римбучи*. Его принимаютъ за идеалъ благотворительности, коею по преимуществу пользуются послѣдователи Будды.

11) Дивная жена — *дзумбе римбучи*.

Это Δυμήτηρ, олицетвореніе благъ жизни и всего того, что Церера, Веста, Рея общими силами могутъ доставить человѣку.

12) Слонъ великанъ—*ломбо римбучи.* Мнеологія возлагаетъ на хребетъ его 84 тысячи священныхъ книгъ и заставляетъ переходить изъ края въ край, изъ страны въ страну, для повсюднаго распространенія свѣта вѣры.

13) Огненный талисманъ—*ламбу римбучи*, дающій собою ту мысль, что душа человѣческая тогда только просвѣтляется, когда горитъ она огнемъ небеснымъ.

14) Волшебный конь — *дамчокъ римбучи.* Конь этотъ имѣетъ одинаковое значеніе съ Пегасомъ древнихъ Грековъ. Только по Буддійскому ученію, не Олимпъ и Геликонъ видятъ его, и не поэты располагаютъ имъ, но смиренные труженики, ревнующіе о распространеніи Ганджур-данджура.

15) Доблестный витязь—*макбон римбучи.* Обладая циклопическою силою, онъ со всѣми борется за славу Буддизма. И горе тому, противу кого обнажитъ онъ пламенный свой мечъ (91).

Наконецъ за седмью сокровищами пред-

стоятъ пять небесныхъ Дѣвъ, *такилун табун ухин тенгери*, посредствомъ которыхъ возносятся къ небу жертвы, моленія и обѣты. Въ смыслѣ же таинственномъ принимаютъ ихъ за символъ пяти чувствъ, которыми одаренъ человѣкъ и которыми долженъ онъ работать богу.

Жертвенникъ пріосѣняется балдахиномъ-*лабари*, опоясаннымъ бахрамою съ позвонками и массивными по угламъ кистями—*джалцан бадан*. По правую и лѣвую сторону находятся двѣ небольшія сѣни — *шикур тубден*, всегда праздныя и неприкосновенныя. Но при религіозныхъ процессіяхъ, онѣ торжественно выносятся изъ капища, и тогда почетные бурханы шествуютъ подъ ихъ прикрытіемъ.

Въ размѣщеніи второстепенныхъ кумировъ не соблюдается порядка, да и заботы большой о ихъ пріобрѣтеніи ламы не прилагаютъ. Изъ 54-хъ дацановъ, находящихся въ Восточной Сибири, только о Цонгольскомъ и Аннискомъ можно сказать, что они не бѣдны кумирами и пестрѣютъ замѣчательнымъ ихъ разнообразіемъ.

Въ *Цонгольскомъ* Дацанѣ, колоссальные истуканы Аюши и Оточи, первые обраща-

ютъ на себя взоръ и вниманіе. Потомъ являются Махарапзы: это разноцвѣтные стражи неба. У одного изъ нихъ въ рукахъ мечь и рогъ, у другаго извивающаяся змѣя, у третьяго жезлъ и бѣлая мышь, четвертый же играетъ на лютнѣ.

Подлѣ Махарапзовъ богиня Лхамо или Само, ѣдущая (quasi) на конѣ Лусъ, и ужасный синетѣлый Ямандага, охватывающій подобное себѣ чудовище. Далѣе слѣдуетъ адское божество когтистый Чойжилъ, шестирукій Гун-гар, трехголовый Дзукдер намджилъ, богиня Сендуме, и тутъ же мощный защитникъ Буддизма Гомбо. Онъ весь обвитъ змѣями и украшенъ вѣнцемъ изъ мертвыхъ головъ; а поелику у него шесть рукъ, то въ одной держитъ трезубецъ съ изображеніемъ смерти, въ другой крюкъ и петлю, въ третьей дамару, въ четвертой четки, въ пятой чашу изъ черепа, въ шестой секиру.

Въ *Анинскомъ* дацанѣ, кромѣ спхъ и подобныхъ имъ изображеній, нестрѣютъ по наружности каменнаго зданія фигуры, имѣющія отношенія къ буддійскимъ додекадамъ. Начинаясь тигромъ оканчиваются коровою — *укыръ* (92).

Второстепенные бурханы, по большой части, изображаются разноцвѣтными красками на тканяхъ и бумагѣ. Но бываютъ они рѣзные и лѣпные, каковы и всѣ вышеупомянутые. Въ послѣднемъ случаѣ массивность съ уродствомъ составляетъ все достоинство идоловъ.

Забота обо всемъ, что касается до капищъ, возложена на особыхъ лицъ, избираемыхъ изъ среды жрецкаго сословія. А поелику въ жрецахъ недостатка не бываетъ, и каждый дацанъ считаетъ ихъ сотнями: то для Буддизма пѣтъ причины стѣсняться въ дѣлѣ распредѣленія должностей. Онъ дробитъ ихъ съ полною свободою. И прежде всего являются у него при каждомъ капищѣ слѣдующіе девять чиновъ—*Шигелунши юсун кергем*:

1) Ширетy — настоятель.
2) Цорджи — благочинный,
3) Чинзаба — товарищъ благочиннаго,
4) Засакъ — распорядитель,
5) Да — уставщикъ,
6) Лансо — экзаменаторъ.
7) Гебгой-блюститель кумирнаго порядка.
8) Узатъ — начинатель службы,
9) Нирба — казначей.

Рядъ этихъ первыхъ чиновъ, зависящихъ непосредственно отъ Бандидо-хамбы, продолжаютъ собою

10) Лацан и Джитбу — старшій и младшій кандидатъ на ширетское достоинство,

11) Гурумбе — требоисправитель.

12) Такплчи— распорядитель при жертвахъ и церемоніяхъ,

13) Дуганчи— наблюдатель за чистотою дацановъ,

14) Джима — стольничій.

15) Сойбун— прислужникъ ширета при идолослуженіи. Ихъ два.

16) Гынкъ — помощникъ Гебтоя.

17) Джунджикъ—помощникъ Упзата.

Къ этому пусть читатель присовокупитъ десятки и сотни музыкантовъ, пѣвцевъ, чтецевъ, и всякаго рода прислужниковъ съ легіономъ ламъ; и тогда получитъ онъ понятіе не только о существующихъ въ Сибири капищахъ, но и о тѣхъ, которыя были нѣкогда разсѣяны во всѣхъ концахъ свѣта, и потомъ стерты съ лица земли побѣдною силою Креста.

СТАТЬЯ

XII.

Ганджуръ-Данджуръ.

Первую драгоцѣнность дацановъ и гордость ихъ составляетъ Ганджур-данджуръ, или собраніе священныхъ книгъ, число которыхъ возводится до 360.

Изъ этого числа собственно Ганджура, или книгъ канонической важности 108. Всѣ онѣ приписываются частію Шигемунію, частію ближайшимъ его ученикамъ Анандѣ, Собади и другимъ (93). Остальныя 252 носятъ названіе Данджура, и ихъ признаютъ комментаріемъ на Шигемуніево ученіе (94).

О толковникахъ преданіе гласитъ, что ихъ было восемдесятъ одинъ; родились они на берегахъ священнаго Ганга, и оттуда пролили свѣтъ на глубокія таинства Буддизма. А поелику предполагается, что дѣло такой важности не могло иначе совершиться, какъ подъ вліяніемъ сверхъестественныхъ силъ: то мудрые истолкователи Ганджура причислены къ разряду геніевъ и имъ

усвоенъ почетный титулъ Индійскихъ чудотворцевъ— *инеткегун наин ниген Сидитен.*

Тѣмъ большимъ авкторитетомъ пользуются самыя книги. На нихъ смотрятъ, какъ на законъ жизни, хранилище знаній. Вѣрятъ, что въ Ганджурѣ все измѣрено, исчислено отъ кедра до иссопа, отъ человѣка до червя, отъ глубинъ тартара до превыспренняго царства Сукавади. Къ тому за аксіому принимается, что книги эти писаны на Санкритскомъ и Тибетскомъ языкахъ. А потомъ разновременно, по требованію обстоятельствъ, перелагаемы были, съ большею или меньшею полнотою, и на прочіе языки, особенно Китайскій и Монгольскій. Важнѣйшую въ дѣлѣ семъ услугу оказали Богдыханы. По ихъ повелѣнію дѣлались сличенія текстовъ, составлялись комментаріи и переводы, и міръ Буддійскій обогащался многими и роскошными изданіями.

Кайба джумнейн даг-икъ насчитываетъ въ Ганджурѣ одиннадцать отдѣловъ. Но изъ нихъ не болѣе шести соприкасаются къ предметамъ вѣры, и части эти суть слѣдующія:

1) *Барамиды,* въ которыхъ, сверхъ мно-

гихъ частностей, излагается ученіе о богахъ, благочестіи, взаимной связи существъ міра и способахъ познанія ихъ.

2) *Мадья-магама* — это трактаты о свойствѣ пустоты (хогосуп чипарун), ничтожности всего земнаго и временнаго, и о путяхъ, коими идутъ подвижники, боряся съ тысячами препятствій.

3) *Абидарма* — теорія о составѣ и положеніи міровъ, объ условіяхъ жизни въ разныхъ частяхъ вселенныя и о послѣдовательности перерожденій и переселеній — *турун тугекуй*, каковыя испытываются живущими въ мірѣ тварями, въ воздаяніе дѣлъ ихъ.

4) *Виная*, или уставы и учрежденія, опредѣляющія внѣшній и внутренній характеръ Буддизма.

5) *Тарнцы*, изъ которыхъ почерпается познаніе таинствъ міра вещественнаго и духовнаго, и гдѣ указуются чрезвычайныя средства къ восхожденію на высоту того совершенства, какого достигли Бодисады и Будды.

6) *Вишну*—вишнеиз илгал. Къ отдѣлу сему отнесены защитительныя, обличительныя, утѣшительныя и вообще нравствен-

наго содержанія разсужденія, излагаемыя діалектическою формою.

Остальныя же части содержатъ не связные отрывки, касающіеся словесныхъ-*дагун бутугекуй*, и математическихъ-*джурхейн*, наукъ, особенно же терапіи и разныхъ отраслей естествознанія, каковы суть: Шаджотъ, Джаджотъ, Ман-а-джотъ, Чимейджитъ и проч.

Впрочемъ раздѣленіе такое мало извѣстности имѣетъ. И по канону какъ Индійскихъ, такъ и Сибирскихъ Буддистовъ допущено въ Ганджуръ всего три части: *Сутры*, или основныя правила вѣры, *Виная* и *Абидармы*, о которыхъ упомянули выше. Въ каковомъ отношеніи и весь кодексъ называется трисоставнымъ сосудомъ — *гурбан аймак саба* (95).

Въ первой изъ сихъ частей Буддисты находятъ примѣненіе къ тремъ степенямъ нравственнаго совершенства, извѣстнымъ подъ символическимъ названіемъ: Дулбейн санваръ, Бодисадойн санваръ, Тарнин санваръ. Шакемуни, въ качествѣ представителя верховнаго Будды, открываетъ таинства вѣры, предписываетъ законы, указуетъ пути перерожденій, повѣдаетъ о чудесахъ неба и

ада, и все это языкомъ сладкогласнымъ. Но увы! Пышность словъ не скрываетъ пустоты афоризмовъ, и громкіе звуки устъ не достаточны къ тому, чтобъ заглушить тайной голосъ души оракула:

Dum prendere summa
Nitor, in adversum culmine dejicior.

Тѣмъ меньше значенія имѣютъ остальныя двѣ части Ганджура, вращающіяся въ области аскетизма и мистики. Бывъ порожденіемъ вѣковаго боренія сектъ, онѣ представляютъ безконечный рядъ дѣленій и подраздѣленій, гипотезъ и софизмовъ, какъ бы съ намѣреніемъ допущенныхъ, чтобъ опутывать и умъ и память читателя. А потому глубокіе знатоки Ганджур-данджура суть рѣдкое явленіе въ мірѣ Буддійскомъ. Масса же ламъ не простирается далѣе поверхностнаго знанія тѣхъ лишь книгъ, безъ которыхъ не льзя обойтись при отправленіи дѣлъ званія. Но и этотъ отдѣлъ книгъ такъ великъ, что можетъ составить собою цѣлую библіотеку. Вотъ замѣчательнѣйшія изъ нихъ:

1) *Юмъ*, иначе Экс билык барамидъ, книга многотомная. Она соотвѣтствуетъ Брахманскимъ Ведамъ и служитъ основаніемъ буддійской догматики и морали.

2) *Брандза-барамида.* Подъ именемъ симъ извѣстны на Тибетскомъ языкѣ не одно, а многія сочиненія, слишкомъ не равномѣрныхъ объемовъ. Въ нихъ говорится по преимуществу о дѣяніяхъ Будды, прославляется его ученіе и счастіе тѣхъ, кои вѣрны ему.

3) *Джадамба.* Она составляетъ отдѣлъ Брандза-Барамиды и справедливо можетъ назваться панегирикомъ всему сонму боговъ. Похвалы писаны стихами, число которыхъ простирается до восьми тысячь.

4) *Доди дзамлун*, или *Улигерундалай.* Занимается разсказомъ о борьбѣ Будды съ послѣдователями черной вѣры, о торжествѣ надъ ними и въ особенности о чудесахъ, изъ которыхъ пятнадцать составляютъ вѣнецъ славы Шигемунія (96).

5) *Шигемунин памтаръ.* Это Шигемуніева біографія, отличающаяся отъ другихъ подобныхъ жизнеописаній полнотою, а потому и пользуется большимъ уваженіемъ.

6) *Мани гамбум.* Книга богатая столько историческими, столько и нравственными уроками. Барамиды ея, бывъ примѣнены къ извѣстной молитвѣ — *ом, ма, ни,*

бад, ме, хом, служатъ какъ бы лѣстницею, возводящею изъ міра Сансари въ царство Сукавади.

7) *Чихула керегекчи* считается лучшимъ руководствомъ къ познанію основныхъ началъ буддійской космологіи.

8) *Кайба джумнейн даг-икъ,* иначе *мергет гарху оронъ*, трактуетъ о составѣ и взаимныхъ отношеніяхъ міровъ, о богахъ и геніяхъ, и опредѣляетъ значеніе и обязанности лицъ буддійской Іерархіи,

9) *Санан-сецень* пытается рѣшить великія космологическія задачи, касающіяся начала міра и тѣхъ переворотовъ, какіе уже испытаны имъ, или еще грозятъ ему (*).

10) *Саин цакъ* даетъ понятіе о первобытномъ состояніи міра и въ особенности раскрываетъ исторію происхожденія боговъ міроправителей.

11) *Алтан герылъ.* Этотъ золотой свѣтъ ограниченъ не многими сказаніями о самоотверженіи Шигемунія и объ открытіи имъ же самимъ золотаго гроба, вмѣщавшаго бѣлоснѣжныя его кости.

12) *Бадма гатанъ.* Принадлежитъ къ разряду таинственныхъ. Но таинства ея на-

(*) Текстъ и переводъ Санан-сецена изданъ Акад. Шмидтомъ.

ходятъ мѣсто лишь въ красномъ корнѣ, которому и посвящена она сочинителемъ своимъ бакшею Бадма Самбабою.

13) *Арапсалъ* — служебникъ желтаго, или Шигемупіева обряда. Въ 72-хъ отдѣлахъ, изъ которыхъ состоитъ Арапсалъ, содержатся службы цѣлаго года, примѣнныя: а) къ тремъ богослужебнымъ временамъ: утру, полудню и вечеру: б) къ тремъ отдѣленіямъ боговъ міроправителей — *гурбан цагун бурхандор* т. е. настоящаго, прошедшаго и будущаго времени; в) къ тремъ классамъ существъ божеской натуры, каковыми признаются бурханы, бодисаты, и тенгерины. Не забыты здѣсь и перерожденцы, особенно Банчин-богдо, Далай-лама и Ургинскій Хутукту, извѣстный подъ именемъ *Дзибдзан дамбейн гегенъ*.

14) *Докшитъ*. Книга эта будучи продолженіемъ Арапсала, содержитъ подобно ему службы, только не желтаго обряда, а краснаго, бѣлаго и чернаго. По каковымъ обрядамъ прежде всего чествуютъ девять грозныхъ духовъ, или Докшитовъ; а за ними уже Очирвани, Гунгара, Дуйн-хара, Сендуме и другихъ страшилищъ.

15) *Гурумун номъ*. Обряды, коихъ пра-

вила излагаются здѣсь, представляя два отдѣла–бѣлый и черный, служатъ одни къ сближенію съ добрыми духами, другіе избавляютъ отъ злыхъ.

16) *Сундой.* Когда въ борьбѣ съ злыми духами мѣры обыкновенныя не приносятъ желаемой пользы: то обращаются къ Сундою, и силою его заклинаній заставляютъ враждебныя силы прекращать дѣйствія свои и даже искать для себя новыхъ убѣжищъ.

Прочія книги; въ числѣ 57-ми, занимающія собою Ламъ, но чуждыя для дѣлъ вѣры, извѣстны подъ общимъ названіемъ *Бодди дзугун гочин дологан номъ.* Для Буддистовъ онѣ служатъ какъ бы энциклопедіею, отъ Грамматики до Метафизики и отъ Геологіи до Астрологіи. О совершенствѣ наукъ сихъ судить можно по той недвижимости, на которую обречены онѣ. За то и адепты не взыскательны. Системы для нихъ не существуютъ. Одна медицина составляетъ нѣкоторое изъятіе, и это потому, что съ жреческимъ званіемъ соединено званіе врача, обязаннаго быть готовымъ на помощь всѣмъ и каждому. Да и она въ области Буддизма до нынѣ остается съ характеромъ тѣхъ временъ, когда даже Пашіи могли не-

обнуяся говорить о врачебномъ искуствѣ: Fraudes hominum et ingeniorum capturae officinas invenire istas, in quibus sua cuique homini venalis promittitur vita. Statim compositiones et mixturae inexplicabiles decantantur. Arabia atque India in remedio aestimantur: Ulcerique paruo medicina a rubro mari imputatur. Cum remedia vera quotidie pauperrimus quisque coenet. Nam si ex horto petantur, aut herba vel frutex quaeratur, nulla artium vilior fiat (Plin. L. XXII. c. 23).

С Т А Т Ь Я

XIII.

Х у р а л ъ.

Въ предъидущихъ статьяхъ не разъ упоминали мы о службахъ, или хуралахъ. Здѣсь объяснимъ какъ совершаются хуралы и какими особенностями отличаются они одинъ отъ другаго.

Арапсалъ каждому дню назначаетъ особыя чтенія и пѣнія. Но частности не измѣняютъ общаго характера службъ и сами подчинены началу единства, выражающемуся въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ.

На разсвѣтѣ, по пробитіи въ харопгу, готовящіеся къ служенію жрецы, облекшись въ оркимджи, шисаръ и джапчи, отправляются, въ предшествіи Ширета, читая мысленно Мекдземъ. Достигнувъ же капища, останавливаются на крыльцѣ, а Гебгой поспѣшаетъ отворить двери. Жрецы снимаютъ съ головъ шисары и дѣлаютъ три поклонснія. Между тѣмъ дверь предъ ними затворяется. Тогда, не сходя съ мѣста, начинаютъ монотонно: *Бодисадо ике нигулуски эдзен.... эгуде-бен негетугей* — многомилостивый Господи отверзи намъ двери и проч.

Молитва трижды пропѣвается. Потомъ Ламы входятъ въ сѣни капища и начинаютъ одинъ за другимъ вертѣть курду. Доколѣ она движется, Ширетъ не остается въ покоѣ. Онъ дѣлаетъ поклонепія предъ жертвенниками, касаясь ихъ челомъ; одѣвается въ полный парядъ и усаживается въ почетныхъ креслахъ. При сихъ и подобныхъ дѣйствіяхъ, Ширету обыкновенно прислуживаютъ два Сойбупа, quasi διακονοῦντες, et assistentium vices gerentes.

Ламы, исполнивъ долгъ Курды, обращаются съ знаками глубокаго уваженія къ

Шпрету и принимаютъ благословеніе, которое преподается имъ возложеніемъ на голову каждаго книги трехъ сокровищь, называемой Гусумтукъ.

По принятіи благословенія, садятся на своихъ мѣстахъ и пропѣваютъ, или прочитываютъ ключь закона, иначе исповѣданіе—*итегелъ*. Вслѣдъ за тѣмъ одни изъ нихъ отправляются въ верхнюю часть капища—*Гонхо*, или въ побочныя—*дурбен ундесуну суме*, для отправленія службъ—*эрке* докшитамъ; другіе остаются въ главномъ капищѣ и продолжаютъ утреннюю службу—*харопайн хуралъ*.

Описанный обрядъ при послѣдующихъ хуралахъ, то есть полуденномъ и вечернемъ, не повторяется. А потому смотрѣть на него должно, какъ на введеніе къ службамъ цѣлаго дня.

При службахъ всѣ жрецы находятся въ сидячемъ положеніи, съ поджатыми ногами. Только Упзатъ и два, или четыре Гебгоя становятся на уступахъ между ламскихъ рядовъ, чтобъ быть и блюстителями чина и капонархами. Начинаемые ими стихи пропѣваются сонмомъ служащихъ, съ большимъ, или меньшимъ повышеніемъ голоса. По во-

обще въ нѣпіп господствуетъ монотопія. Одпѣ докшпгскія службы составляютъ изъятіе, допуская всякаго рода экстазы.

Въ продолженіе службы, особенно при пѣснопѣпіяхъ, главный жрецъ постоянно бываетъ озабоченъ. Ибо каждое знаменательное и патетическое мѣсто, требуя своихъ сигналовъ, обязуетъ жреца къ выраженію ихъ чрезъ очиръ, хонхо, дамару и разпые жесты рукъ. Всѣ же знаки и движенія совершаются по руководству правилъ Чакдза и Докбо, обряда Шигемупіанскаго и докшпгскаго, изложеппыхъ въ книгѣ Мигрим-джидримъ. Симболика эта высоко цѣнится. И кто изучилъ ее, тотъ имѣетъ право на ученую степень и на титулъ Мигримба (97).

Главное условіе жестовъ заключается въ примѣненіи къ формѣ и свойствамъ предметовъ, требующихъ вниманія со стороны зрителя. Такъ, обѣихъ рукъ пальцы—большой и перстепочный, приложенные одинъ къ другому въ полусогпутомъ состояніи, изображаютъ гору Сумберъ, а остальные четыре служатъ символомъ четырехъ страпъ свѣта. Быстрое вращаніе руками, захватываніе чего-то, а потомъ удареніе въ ладони напомпнаютъ о непрестанной борьбѣ съ

злыми духами и объ отраженіи ихъ силою молитвъ. Ладонь, приложенная къ ладони, указуетъ на десять грѣховъ и на готовность человѣка воздерживаться отъ нихъ. Поднятіемъ сложенныхъ рукъ выражается чувство умиленія, а распростертіемъ ихъ и самыхъ пальцевъ—благоговѣніе и предапность, особенно ежели распростираюпцій руки, вмѣстѣ съ тѣмъ, и голову свою смиренно приклоняетъ и очи смежаетъ.

Говоря о жестахъ, мы нѣсколько уклонились отъ главнаго предмета. Теперь опять обращаемся къ нему. Чинъ хураловъ, какъ выше замѣчено, даетъ первое мѣсто ключу закона, а за нимъ слѣдуютъ уже молитвы. Въ молитвахъ, на утренней службѣ поимянно призываются на помощь всѣ боги. На службѣ полуденной прославляются божескія дѣянія, особенно боговъ міроправителей и тѣхъ, въ честь которыхъ совершается хуралъ. Почему службу эту по преимуществу называютъ хвалебною—*мактагалун хуралъ*. На вечерни—*ирюгелун хуралъ*, благодарятъ боговъ и приносятъ молитвы за живыхъ и умершихъ.

Послѣ молитвъ и хвалебныхъ нѣснопѣній, берутся за Юмъ, Мани гамбумъ, или

за другую подобную книгу, соображаясь частію съ уставомъ, частію съ обстоятельствами и заказами, какіе дѣлаются иногда отъ набожныхъ прихожанъ. Но во всякомъ случаѣ цѣль одна—прочитать много и скоро, какъ будто для того, чтобъ не уклониться ни на шагъ отъ правила, изложеннаго въ стихахъ Овидія:

...Propera, nec te venturas differ in horas,
Qui non es hodie, cras minus aptus eris.

Приступая съ такими побужденіями къ дѣлу, первенствующій жрецъ береть на свою долю нѣсколько листовъ изъ книжнаго свитка, а прочіе вручаетъ старшему послѣ себя, который тоже дѣлаетъ. Такимъ образомъ листы расходятся по рукамъ всѣхъ присутствующихъ ламъ.

Вдругъ капище оглашается извѣстною апафонсмою: *ламадор итегемой*... и каждый начинаетъ читать доставшійся ему фрагментъ. А кому удастся предварить другихъ окончаніемъ чтенія, тотъ обязанъ помогать отсталымъ; по этому общее дѣло изъ уровня своего никогда не выходитъ. Пусть слова чтецовъ бьютъ только воздухъ; пусть отзываются опѣ эхомъ вавилонскаго языкосмѣшенія: въ понятіи Буддистовъ это

не роняетъ, но выситъ цѣну религіознаго подвига. Ибо предполагается, что звуки, не внятные людямъ, внятны богамъ; и чѣмъ большее сліяніе голосовъ, тѣмъ скорѣе достигаютъ они небесныхъ высотъ и низводятъ оттуда благословеніе.

По окончаніи чтенія, приступаютъ къ отправленію разныхъ обрядовъ, каковы суть: Туйнъ, Аршіанъ и Мандза.

1) Туйнъ составляетъ исключительную принадлежность утренней службы. Для совершенія его, Унзатъ и двое Такильчихъ выносятъ на капищную арену изображеніе неба—толи и бумбу съ сладкою и ароматною водою. Толи держатъ почтительно, едва касаясь окраинъ; жрецы поютъ, селины и кенгере гремятъ. Въ это время одинъ изъ Такильчихъ начинаетъ лить воду изъ бумбы, стараясь, чтобы ни одна капля не капула на блюдо, не оросивши напередъ небеснаго круга. Унзатъ по мѣрѣ орошенія, отираетъ кругъ хадаками разныхъ цвѣтовъ, примѣнительно къ рангу прославляемыхъ боговъ. Оставшаяся за симъ на блюдѣ вода почитается священною—per excellentiam—*бумбейн аршіан*. Ее вкушаютъ, какъ нектаръ, ею мажутся, какъ елеемъ святымъ.

Сосудъ же, вмѣщающій эту воду отличаютъ отъ другихъ жертвенныхъ принадлежностей цвѣтами и павлиными перьями. Не трудно понять, что все дѣйствіе Туйна есть символическое. Буддисты привѣтствуютъ имъ небожителей и какъ бы омываютъ свѣтлый ихъ зракъ послѣ пробужденія, для подвиговъ наступающаго дня. А поелику счастіе быть при подобныхъ представительствахъ рѣдкому достается: то избранные приносятъ благодарную жертву — *ачиту мандалъ*, и тѣмъ довершаютъ исполненіе утреннихъ религіозныхъ обязанностей.

2) Аршіанъ, а равно и Адис-аршіанъ принадлежатъ къ извѣстнѣйшимъ въ Монголіи вещамъ. Самый же обрядъ Аршіана совершается слѣдующимъ образомъ: по окончаніи обычныхъ молитвословій, одинъ, или двое изъ младшихъ ламъ отходятъ къ жертвенному мѣсту и тамъ приготовляютъ Адисъ, т. е. пучки сушенаго вереса съ разными другими травами, и Аршіанъ—воду съ примѣсью молока.

Весь этотъ аппаратъ, или только Аршіанъ безъ Адиса, подносится на блюдахъ участвовавшимъ въ священнодѣйствіи, и они, начиная отъ послѣднихъ до перваго,

духовеніемъ своимъ освящаютъ и воду и траву. А купно съ тѣмъ, принимая нѣчто отъ запаха сихъ веществъ, и сами на себя дуютъ. Чинъ Аршіапа, будучи кратокъ, не лишенъ торжественности, доставляемой пѣніемъ и музыкою. Почему и даютъ ему мѣсто при всѣхъ хуралахъ и гурумахъ. Воду же и траву употребляютъ, какъ духовное врачевство, противу осквернснія и стуженій, претерпѣваемыхъ отъ злыхъ духовъ.

5) Мандза. Это жертва приносимая за живыхъ и умершихъ — *укусун, амидойн прюгемъ*. Она бываетъ утренняя и вечерняя. По прочтеніи Гелупомъ шести предварительныхъ молитвъ, долгъ жертвователей предстать предъ сонмищемъ, сдѣлать обычныя поклоненія, разлить мандзу и подвести ее въ освященныхъ чашкахъ каждому ламѣ. Между тѣмъ Геской (гебгой) является на сценѣ съ монологомъ слѣдующаго содержанія: Свѣтозарные хутукты и хубилганы, прошедшіе море житейской суеты и поприще великаго міра, служащіе спасительнымъ орудіемъ противу трехъ роковыхъ золъ! И вы достопочтенные ламы! воззрите на предстоящихъ предъ вами. Это благотворители: *ыйма, ыйма, перелеп кемекдеку угли-*

гейн эдзет - шу. Принося жертву сію (мандза, дзет, селгеши: питіе, деньги и пр.), они испрашиваютъ вашихъ молитвъ: да будутъ избавлены отъ бѣдъ настоящей жизни, и сподобятся достигнуть совершенства Бодихутуктовъ въ вѣкѣ грядущемъ (98).

Выслушавъ такую рѣчь, жрецы поютъ молитву, держа въ рукахъ чашки и показывая движеніемъ рукъ, что они приносятъ жертву богамъ. Потомъ мандза выпивается, а жертвователи, поклонившись трижды до земли, становятся на колѣни подлѣ ламскихъ сѣдалищъ. Въ это время ширетъ читаетъ молитву и препосылаетъ благословеніе всѣмъ, участвовавшимъ въ приношеніи жертвы.

Отъ вводныхъ сихъ дѣйствій, возвращаются къ общему чину службы. Унзатъ начинаетъ мани татаху, а ламскій хоръ на каждый пропѣтый имъ стихъ отвѣчаетъ особымъ припѣвомъ — *тунжуръ*. Послѣ этого пѣнія, составляющаго одну изъ важнѣйшихъ частей богослуженія, прочитывается благодарственная молитва, и тѣмъ служба кончается. Ламы выходятъ изъ капища въ предшествіи ширета, и ежели благопріятствуетъ погода, или случай, то совершаютъ обхожденіе вокругъ кумирни, а

потомъ уже отправляются во свояси.

Сказанное нами доселѣ даетъ понятіе о частностяхъ хураловъ. Но чтобъ изучить ихъ въ цѣломъ составѣ, чтобъ живо напечатлѣть въ памяти физіономію ихъ, надобно приглядѣться на хуралы во дни великихъ праздниковъ.

Тогда міръ языческій дастъ себя видѣть со всею своею религіозною помпою. Тогда пустынныя окрестности дацановъ превращаются въ позорище; кипятъ народомъ дикимъ, шумнымъ, дающимъ разгулъ всѣмъ страстямъ; костры пылаютъ, кровь животныхъ льется.

Между тѣмъ отъ двора капищнаго далеко несется эхо.—Тамъ гремитъ кенгерге, звучатъ деншики и ганлипы, цаны и сельпины, пронзаютъ слухъ миганъ, лимбо, джуру, шуглу, бискуры, дум-буръ, укыр-буръ и множество другихъ музыкальныхъ орудій (99), не измѣнныхъ типовъ того времени, когда племена и языки, по гласу трубы и *всякаго рода мусикійска*, повергались предъ золотымъ истуканомъ на полѣ Деиръ (Проp. Дан. гл. III).

Реву сихъ орудій не уступаютъ и клики жрецовъ. И когда весь ихъ сонмъ, распо-

ложенный длинными рядами, отливающій пламеннымъ цвѣтомъ страшныхъ одеждъ, находящійся подъ вліяніемъ вакхальныхъ вдохновеній праздпества; когда говорю, возноситъ опъ къ идоламъ молитвенный голосъ свой: то при видѣ этого зрѣлища, душа невольно погружается въ мрачную думу. Мнѣ всегда казалось, будто предо мною тѣ самые жрецы Вааловы и жрецы дубравные, ядущіе трапезу Іезавелпну, которые нѣкогда, по глаголу Пророка Божія, бывъ собраны на гору Кармильскую, пристали около жертвенника, громко вопія:—*Ваале, послушай насъ!... И не бъ гласа, ни послушанія* (3 Цар. XVIII).

СТАТЬЯ XIV.

Обряды.

Къ настоящей статьѣ относимъ тѣ изъ обрядовыхъ дѣйствій, которыя не входя въ составъ хураловъ и завися отъ условій человѣческой жизни, могутъ быть совершаемы всегда и вездѣ, только не въ капищахъ. Дѣйствія эти и разпородны и таинственны.

Но извѣстнѣйшія изъ нихъ, по общеупотребительности своей, суть слѣдующія:

Милангоръ,
Брачные обряды,
Призывъ души,
Искупъ жизни,
Проводы души.

Милангоръ.

Душа, поставленная жребіемъ судебъ на порогѣ земной жизни, видитъ предъ собою четыре моря-*орчилангун далай.* По первому носится колыбель, обуреваемая Адами. По четвертому—гробъ, окруженный лютыми Иргачинами. А два срединныя представляютъ кипучую бездну страстей и болѣзней, соборище альбиновъ, буковъ, лусовъ, оролоновъ, шимпусовъ и подобныхъ имъ существъ. Всѣ эти моря человѣкъ долженъ проплыть; долженъ одолѣть всѣхъ враговъ, прежде нежели достигнетъ безмятежныхъ обителей Нирваны (exemption de la douleur. Burn. p. 590).

Въ видахъ споспѣшествованія на великомъ семъ поприщѣ, совершается обрядъ Милангоръ.

Въ третій день по рожденіи дитяти, сзываются родственники и приглашается Лама. Жрецъ принесши обычныя молитвы, раскрываетъ книгу Джурхейн-лите, и при руководствѣ ея старается опредѣлить отношенія, какія имѣютъ къ рожденію: a) восьми-стихійныя начала—*найман кулил*, находящіяся въ непосредственной связи съ стихійными духами. b) девятицвѣтные знаки—*юсун мынг*, служащіе символами разныхъ предметовъ духовнаго міра. c) Додекада (100), опредѣляющая собою значеніе годовъ, мѣсяцевъ, сутокъ и даже часовъ. d) Седмица дней — *долон гарак*, обыкновенно начинающаяся съ субботы (101) и служащая ближайшимъ указателемъ дней благопріятныхъ и злощастныхъ. e) Суточный отдѣлъ, заключающій въ себѣ 360-ть степеней. f) Господствующія созвѣздія, особенно 25-ти звѣздное-*хорин табун одон*, и другія, могущія имѣть вліяніе на судьбу человѣка.

Опредѣливъ всѣ эти условія, жрецъ торжественно возвѣщаетъ, что по не ложному указанію Дзурхейн лите, рожденіе дитяти послѣдовало (pro exemplo): въ стихіи огня, подъ краснымъ знакомъ, въ годъ тигра, въ мѣсяцъ овцы, въ день вепря, въ часъ дра-

копа; въ сороковомъ отдѣлѣ (муцу) сутокъ; подъ вліяніемъ десятой звѣзды; и потому новорожденному усвояется имя Дмберелъ и пр. Въ этомъ же тонѣ составляется и письменный актъ, для справокъ при разныхъ обстоятельствахъ жизни. За тѣмъ родственники омываютъ дитя Аршіапомъ, а жрецъ читаетъ молитвы и заклинанія по книгѣ пяти боговъ хранителей—*табун сакіапу банзаракца*. Продолжительность такого чтенія опредѣляется достаткомъ хозяина. Ежели онъ богатъ, то Лама каждомѣсячно, въ теченіи года, приходитъ въ юрту и всякой разъ прочитываетъ надъ дитятею по главѣ изъ книги Банзаракца. Вообще же гурумъ этотъ оканчивается домашнимъ праздникомъ, посящимъ исключительное названіе Милангора.

Брачные обряды.

При заключеніи брачныхъ союзовъ—*бырн булгалгейн цаган гурум*, обращаютъ вниманіе сколько на родство (102), столько на стихіи и созвѣздія, подъ вліяніемъ которыхъ родились женихъ и невѣста. И если окажется, что условія рожденій взаимно противоположны, если напримѣръ, въ роковой моментъ на одно лицо дѣйствовалъ

огонь, а на другое вода: то лица такія признаются не могущими имѣть другъ къ другу сочувствія-*сагудал харши* (antipathetici), а потому и бракъ между ними не допускается. Впрочемъ рѣшительные отказы рѣдко бываютъ. Ибо жрецы находятъ возможность къ умилостивленію враждебныхъ духовъ и даже къ примиренію противныхъ между собою стихій. Только семейства, въ пользу которыхъ дѣлаются примиренія враждебныхъ силъ, должны быть готовы на всякое пожертвованіе.

Устранивъ религіозныя затрудненія, приступаютъ къ формальному сватовству—*уге тутхаху*. Родители будущихъ супруговъ сперва дѣйствуютъ чрезъ довѣренныхъ, потомъ сами непосредственно; и вообще безъ согласія невѣсты. Ибо она признается не имѣющею права собою располагать. Ей даже не дозволено видѣть не только жениха, но и никого изъ принадлежащихъ къ его сторонѣ.

Между совѣщающимися о бракѣ первые вопросы обращаются къ лѣтамъ жениха и невѣсты, къ родственнымъ ихъ связямъ, домохозяйству, и другимъ околичностямъ. Но существенность всегда заклю-

чается въ колымѣ, который долженъ быть заплаченъ за невѣсту, и который служитъ краеугольнымъ камнемъ всѣхъ брачныхъ сдѣлокъ.

И ежели не предвидится съ этой стороны затрудненій, даютъ согласіе вести дальнѣйшіе переговоры; приглашаютъ жреца и вмѣстѣ съ нимъ молятся о благоуспѣшіи предпринятаго намѣренія. Читатель да замѣтитъ это обстоятельство: въ отношеніи къ жениху симъ ограничивается весь вѣнчальный обрядъ. Все прочее вић условій религіи. Положивъ такое начало дѣлу, извѣстному подъ фразою *былык табиху*, въ урочный день вторично являются къ родителямъ невѣсты посланцы, или самъ отецъ жениха. Тутъ же долженъ быть и лама. Вошедши въ юрту, становятся на колѣни, дѣлаютъ поклоненіе и приносятъ домашнимъ божествамъ жертву. Она обыкновенно состоитъ изъ кирпичнаго чая, который вмѣстѣ съ хадаками полагается предъ бурханами.

Послѣ сего радушно другъ друга привѣтствуютъ — *мендечилку*, съ соблюденіемъ правилъ этикета. При близкомъ знакомствѣ, при равенствѣ лѣтъ и состоянія, обнимаютъ одинъ другаго — *золгаху*, при дальности

отношеній, ограничиваются взаимнымъ простертіемъ рукъ и легкимъ склоненіемъ головы; при встрѣчѣ старшаго съ младшимъ, первый кладетъ руки на плечи, а послѣдній имѣетъ право коснуться только реберъ старика; а буде старѣйшій находится въ сидячемъ положеніи, то младшій, подошедши къ нему въ полусогбенномъ состояніи, полагаетъ осторожно руки на его колѣни, а тотъ, не трогаясь съ мѣста, отплачиваетъ ему прикосновеніемъ къ плечамъ.

Изливъ чувства радости и благожеланій, садятся вокругъ огня и принимаются за ганзу (трубку), мандзу, кумысъ, тарасунъ и другія сласти кочеваго быта. Среди сихъ развлеченій, задача о колымѣ получаетъ окончательную развязку. Только исполненіемъ условій не спѣшатъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда плательщикъ не богатъ стадами, или когда женихъ и невѣста не созрѣли для брака. Но къ самому бракосочетанію никогда не приступаютъ прежде уплаты колыма во всей условленной полнотѣ, и прежде присылки гостинцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ Сагалъ, или Суп тугелей кургеку, дающихъ поводъ къ сборищу и веселью. Бываетъ же и то, что

обязательныя условія переходятъ отъ одного лица къ другому; а иногда женихъ, проживши съ невѣстою годы и не получивъ дѣтей, отказывается отъ нея и отправляетъ ее восвояси-*туркумдо харигулху*. При сихъ и подобныхъ картинахъ жизни, нельзя не воскликнуть съ Овеномъ:

Heu male diluitur, teneris quod mentibus haesit;
Praesertim durant, quae didicere mala.
Monost. p. 108.

Самый свадебный обрядъ совершается въ юртѣ, принадлежащей отцу женихову. Невѣста приводится подъ покрываломъ, и переступивъ черезъ порогъ, становится, вмѣстѣ съ двумя подругами, на колѣни передъ огнемъ. Жрецъ прерываетъ молчаніе молитвенными воззваніями, на которыя невѣста отвѣчаетъ земными поклонами. Сперва кланяется она трижды домашнимъ богамъ и приноситъ имъ, чрезъ посредство тысяцкаго, хадакъ и другія вещицы. Потомъ кланяется огню — *галдо мургуку*, и бросаетъ въ него кусокъ варенаго бараньяго жиру; тысяцкій же съ своей стороны украшаетъ лентами треножникъ — *тулга*, и тѣмъ воздаютъ должную честь священной стихіи огня. Далѣе слѣдуетъ

длинный рядъ поклоновъ родственникамъ и знакомымъ, старшимъ и младшимъ, ближнимъ и дальнымъ. И на долю каждаго изъ нихъ невѣста бросаетъ по куску жиру; между тѣмъ тысяцкій раздаетъ подарки. А тѣ въ свою очередь превозносятъ ловкость, съ каковою изъ подъ рукъ невидимки вылетаютъ лакомства, и отблагодариваютъ ее подарками. Въ продолженіи всей этой сцены Лама, сидя на почетномъ мѣстѣ, не умолкаетъ и чтеніемъ своимъ даетъ пиршеству характеръ, какъ бы религіозный.

Наконецъ, подруги отводятъ невѣсту въ женихову кущу. Тамъ только снимается съ глазъ ея повязка, чтобы воззрѣть на своего сужепаго. Тамъ, увы! часто однимъ мгновеніемъ разсыпаются всѣ льстивыя мечты и открывается горькая дѣйствительность (103). Впрочемъ для міра нашего это не новость. Подъ кровомъ кущи и въ чертогахъ жребій человѣка одинаковъ. Щастливъ лишь тотъ, кто вѣренъ мудрому правилу:

Quod tibi contigerit, patienter ferre memento:
Nam certum, fieri numine cuncta Dei.

Oven. Ethic. Epig. 39.

Призывъ души.

Буддійская Психологія, допуская въ человѣкѣ двѣ души: матеріальную — *укегеруи*, и духовную, или главную — *эркимсунесуи*, одной изъ нихъ подчиняетъ физическую жизнь человѣка, другой умственную и нравственную; одну поставляетъ въ неразлучной связи съ тѣломъ, другую напротивъ въ соотношеніяхъ случайныхъ и удобопрерываемыхъ.

На основаніи началъ сихъ, Буддисты вѣрятъ, что главная душа можетъ быть похищена у человѣка демонами, можетъ оставлять тѣло и сама, при сильныхъ и печаяпыхъ потрясеніяхъ. Но какъ бы ни случилось это несчастіе, послѣдствія его всегда ужасны. Ибо человѣкъ, потерявъ душу свою, быстро слабѣетъ умомъ и памятію. Его томитъ смертная тоска, мучатъ и повергаютъ въ отчаяніе недуги. Помощь врачебная ему не въ пользу; и лишь священные гурумы подаютъ лучь надежды и утѣшенія.

При сихъ-то обстоятельствахъ совершается обрядъ призыва души—*сунесу дудалга*.

Когда не остается болѣе сомнѣнія, что

душа похищена у большаго Ургачиномъ, то первымъ долгомъ считаютъ умилостивить адскаго бога Чойжила, дабы при помощи его, вызвать похитителя и отобрать душу. Съ этою цѣлію дѣлаютъ изображеніе девяти Ургачиновъ, съ надписаніемъ на оборотѣ имепъ ихъ. Дождавшись полуночи, ургачиновъ кладутъ въ мѣшокъ изъ сырой пестрой кожи, и завязываютъ такимъ же аркапомъ въ девять оборотовъ. Потомъ, парочито избираемые изъ общества девять смѣльчаковъ, окруживъ заключенныхъ ургачиновъ и имѣя каждый въ готовности оружіе, какъ бы для ихъ пораженія, внимаютъ заклинаніямъ, произносимымъ ламою по руководству таинственной книги *Сидилъ*. По окончаніи же заклинаній, одинъ изъ отважнѣйшихъ, схвативъ за арканъ и перекинувъ его черезъ плечо, увлекаетъ мѣшокъ изъ юрты и трижды обѣгаетъ ее въ сопровожденіи толпы, старающейся сколь можно болѣе встревожить духовъ ночи дикимъ воплемъ, стукомъ оружія, звуками трубъ и бубновъ. А когда мѣшокъ съ ургачинами появляется въ преддверіи юрты, его встрѣчаютъ стрѣльбою и поспѣшно выбрасываютъ истукановъ на землю, замѣчая,

какъ они падаютъ—ницъ, или на спину. И тутъ же упадшихъ ницъ раздробляютъ молотомъ; напротивъ лежащіе на спинѣ признаются требующими новыхъ жертвъ. Почему опять кладутъ ихъ въ мѣшокъ и подвергаютъ новымъ усиленнымъ заклинаніямъ, повторяя вмѣстѣ съ тѣмъ и сцену бѣготни. Репетиція эта съ дополнительными къ ней обѣтами, опредѣляемыми книгою Сидилъ, продолжается дотолѣ, пока всѣ иргачины упадутъ ницъ и попадутъ подъ сокрушительный молотъ.

Сокрушенные идолы еще разъ появляются въ мѣшкѣ, и уже болѣе не выходятъ изъ него. Ихъ влекутъ въ пустыню, и тамъ зарывши, полагаютъ подъ черный камень съ надписью, выражающею ту мысль, что хищные духи, бывъ удовлетворены, не станутъ впередъ причинять вреда семейству, ради котораго совершился обрядъ.

За симъ все обѣщанное Иргачинамъ, въ томъ числѣ и бывшія въ дѣлѣ орудія, отдаются совершителямъ гурума.

Но этимъ не всегда полагается конецъ дѣлу. Случается, и очень часто, что больной, понесши всю тяготу издержекъ, не чувствуетъ никакого облегченія. Тогда при-

ступаютъ къ новымъ предположеніямъ о причинѣ гнѣздящагося въ человѣкѣ зла. Являются новые искусники, увѣряющіе, что прежній совершитель обряда не имѣлъ довольной опытности и не соблюлъ всѣхъ предписанныхъ правилъ. И потому семейство больнаго вторично обрекается на совершеніе гурума и подъятіе раззорительныхъ издержекъ.

Иногда же дѣло врачеванія получаетъ такой оборотъ: таинновѣдцы начинаютъ утверждать, что душа больнаго, силою заклинаній и дѣйствіемъ принесенныхъ жертвъ, хотя и освободилась изъ подъ вліянія причиновъ, но не можетъ возвратиться въ тѣло, не находя къ нему дороги; или не хочетъ, пренебрегая бренностію тѣла.

Чтобы помочь этому горю, раскладываютъ вокругъ больнаго лучшую его одежду и все то, чѣмъ наиболѣе дорожитъ онъ и что удовлетворяетъ его вкусу и привычкамъ. Самъ же онъ омывается, окуривается и вообще приводится въ возможно-хорошее и успокоительное положеніе. Тутъ же должны находиться ближайшіе родственники, друзья и пріятели больнаго. И всѣ эти лица въ дѣлѣ призыва души принимаютъ живое

участіе. Они три раза съ важностію обходятъ юрту, и умиленно зовутъ по имени бѣдную скиталыщу—*ире, ире!* умоляя ее такимъ образомъ возвратиться въ тѣло.

Для удобства же къ возвращенію души въ забытое ею, или потерянное жилище, проводится пяти-цвѣтный спурокъ, на протяженіи девяти аршинъ, отъ головы больнаго за дверь юрты.

Во время всей этой операціи жрецъ, облеченный въ священную одежду, читаетъ во всеуслышаніе объ ужасахъ ада и объ опаспостяхъ, какимъ подвергается душа, самовольно отдѣлившаяся отъ тѣла. Наконецъ онъ обращается къ присутствующимъ и къ самому больному съ вопросомъ: *Ире-юприпла ли?* И на вопросъ его всѣ въ одинъ голосъ отвѣчаютъ: *иребей, иребей, иребей!* давая симъ знать, что искомая душа возвратилась, что цѣль обряда достигнута, и больной не замедлитъ придти въ нормальное состояніе. Вслѣдъ за симъ спѣшатъ съ привѣтами и поклонами къ возвратившейся странницѣ, и въ знакъ радости, бросаютъ на больнаго сѣмена. А спурокъ, послужившій проводникомъ для души, свиваютъ (начиная ab extra) въ мотокъ и надѣваютъ боль-

нему на шею, съ тѣмъ, чтобы онъ семеро сутокъ носилъ его не скидая. Всѣ же члены семейства обязуются не только не оскорблять больнаго и не пугать какою либо нечаянностію, но и всячески угождать ему. Это нужнымъ считается для того, чтобъ душа, не привыкшая еще къ тѣлу, не рѣшилась вторично расторгнуть съ нимъ связь и такимъ образомъ подвергнуть жизнь и здоровье пацієнта новой и горшей опасности.

Искупъ жизни.

Когда всѣ средства, принятыя къ исцѣленію больнаго, оказываются не дѣйствительными, и жизнь его находится въ явной опасности, тогда приступаютъ къ совершенію обряда, называемаго искупомъ души— *амин дзолик.*

Совершителями обряда по преимуществу бываютъ ламы Докшитскаго чина. Подъ ихъ руководствомъ дѣлаютъ изъ травы чучелу, одѣваютъ ее въ лучшее платье пацієнта и даютъ ей возможно-приличную позу. За тѣмъ вокругъ чучелы разставляютъ лѣпныя изображенія альбиновъ, буковъ, элье, ады, кульчина, онгоновъ, оролоновъ и всѣхъ тѣхъ духовъ, коп, будучи всегда близки къ чело-

вѣку, любятъ тѣшиться его горемъ и бѣдою. Изображенія эти украшаются чѣмъ можно, а въ особенности аттрибутами каждаго духа. Вмѣсто же жертвъ полагаютъ волоса разныхъ животныхъ, приносимыхъ въ искупъ за душу. Тутъ же долженъ находиться въ полной сбруѣ лучшій конь больнаго, или волъ, дабы изгоняемый духъ могъ безпрепятственно уѣхать въ пустыню.

Сдѣлавъ такія приготовленія и дождавшись глубокой ночи, жрецы приступаютъ къ гуруму. Сперва чтеніе идетъ тихо, духи улащиваются, умаливаются, упрашиваются оставить больнаго и переселиться въ чучелу, взявъ въ придатокъ предложенныя жертвы.—Потомъ, мало по малу, тонъ начинаютъ измѣнять, и тѣмъ побуждаютъ самую чучелу измѣнить свое положеніе: она дѣлаетъ поворотъ и становится личиною къ жрецамъ. Между тѣмъ дѣйствователи, постепенно возвышая гласы свои, доходятъ до неистоваго козлогласованія. Такая же и музыка сопровождаетъ этотъ актъ. А чтобъ болѣе произвесть на зрителей впечатлѣнія, то искуснѣйшій изъ ламъ (каковою репутаціею пользовался въ недавніе годы Лумбумъ) выходитъ во всеоружіи Докшитскомъ на

арену, пляшетъ подъ тактъ бубновъ и другихъ подобныхъ орудій; наконецъ, достигнувъ апогеи изступленія, яростно мечется по всѣмъ направленіямъ юрты, провѣщеваетъ языкомъ Шоіи, уродуетъ и рѣжетъ себя, а иногда и больнаго пронзаетъ ножемъ. И среди фокусовъ такихъ, бросая химическіе составы—*гал дурама*, на очагъ, производитъ пламя, трескъ, дымъ и удушающее зловоніе.

Все это считается нужнымъ для того, чтобы принудить враждебныхъ духовъ оставить въ покоѣ больнаго и переселиться въ чучелу, или уѣхать. И дѣйствительно, хозяинъ не видитъ уже болѣе любимаго копя своего, или вола; но какой духъ уѣзжаетъ на нихъ, про то знаетъ лишь совершитель гурума. Чтожъ касается до чучелы, то ее сожигаютъ вмѣстѣ съ пстукапами въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ жилищъ. А бывшая на ней одежда, равно и всѣ животныя, обреченныя въ жертву, достаются ламамъ.

Подобные гурумы совершаются и при общественныхъ бѣдствіяхъ, съ цѣлію умилостивленія боговъ. Мѣстомъ дѣйствія въ такихъ случаяхъ бываетъ Обо. Близь него дѣлается деревянная статуя—*линга*, пред-

ставляющая собою одного изъ враждебныхъ міру духовъ—*дайду делекейн эдзен*. Статуѣ дается грозный видъ, и она облекается во всѣ воинскіе доспѣхи. А самое Обо и осѣняющія его дерева украшаютъ разными мелочными вещицами, извѣстными подъ общимъ именемъ—*Юсун эрдени дзуилъ*.

За тѣмъ приступаютъ къ обряду. Слѣдуя общему правилу гурумовъ, сперва упрашиваютъ боговъ, особенно Хормусду, а потомъ сыплютъ проклятія на Асури и на все мятежное царство, находящееся, какъ извѣстно, подъ священнымъ Сумберомъ. Въ заключеніе же провозглашается побѣда надъ враждебными духами; представитель ихъ Лигда разстрѣливается-*харбоху*, и погребается на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ выставленъ былъ для позора. А орда, съ своими мангорами, продолжаетъ пировать и веселиться.

Описанный здѣсь обрядъ допускаетъ разныя видоизмѣненія, зависящія отъ обстоятельствъ. Чаще же всего, деревянный истуканъ замѣняется лѣпнымъ изъ теста. А чтобъ фигура эта живѣе представляла гонимаго врага и побѣду надъ нимъ, то наполняютъ ее кровью и потомъ казнятъ, раз-

рѣзывая на части. Въ каковомъ случаѣ и самый обрядъ называется крушеніемъ Лин-ги-*Линга эбделге*. Иногда же, вмѣсто расправы съ Лингою, принимаются за укрощеніе мѣстныхъ духовъ и, по совершеніи обряда—*бумхан такиху*, заключаютъ ихъ въ одномъ изъ Бумхановъ, кои находятся при каждомъ капищѣ и составляютъ родъ малыхъ часовенъ. Въ Бумханахъ сихъ заключенцы содержатся безвыходно круглый годъ, потомъ выносятъ ихъ (simulacra), чествуютъ жертвами и опять на годъ заключаютъ, доколѣ время не наложитъ на нихъ свою руку и не истребитъ слѣдовъ ихъ (104).

Dum certis incerta sequor, rem prodigus omnem
Converti in fumos, et miseros cineres.

Наконецъ къ обрядамъ, имѣющимъ цѣлію избавленіе отъ бѣдъ и напастей, относятся гаданія. И за это дѣло берутся ламы краснаго корня—Дзотчи, Чойжинцы и подобные. Авгуръ прежде всего оглашаетъ адептовъ своихъ тьмою вопросовъ, какъ бы не относящихся къ дѣлу, но нужныхъ въ цѣли гаданія. Въ то же время намѣкаетъ онъ лаконически на разныя мистеріи, касающіяся Демонологіи и тѣхъ способовъ, ко-

торыми мудрецы всегда умѣли пользоваться для узнанія сокровенныхъ таинствъ. Вся же рѣчь приводится къ заключенію въ смыслѣ словъ Кирхера: Deus decem vestimentis indutus, se mundo conspiciendum praebuit. Hoc itaque cognito, cognoscuntur Angeli, cognitis Angelis, nota erunt Astra, notis astris, omnia in visibili mundo producta non latebunt; cognito mundo visibili, notus erit Microcosmus, homo mundi filius (Kircher. in aedip. Aegypt. part. 1. tom. 2. Clas. 4. cap. 19).

Послѣ такого введенія, Авгуръ раскрываетъ книгу судебъ—*удзелун ном*, и она не замедляетъ дать искомый отвѣтъ.

Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ считаютъ нужнымъ прибѣгать къ столикамъ и стрѣламъ. Гадатель, сѣвъ на землю, въ одной рукѣ держитъ книгу, а другую кладетъ на миніатюрный столикъ, къ которому привязана длинная вервь.

Послѣ чтенія, болѣе или менѣе продолжительнаго, столикъ подчиняется вліянію руки. Гадатель, ощутивъ въ себѣ эту силу, выноситъ столикъ изъ юрты, или вѣрнѣе, слѣдуетъ за его направленіемъ доколѣ возможно. Но столикъ, ускоряя собственное движеніе, вырывается изъ подъ руки и мечется въ ту, или другую сторону. Тогда

хватаются за вервь и скачутъ на конѣ во слѣдъ летуна, тщательно наблюдая, куда и какъ обращается опъ и какъ упадетъ.

Но если указанія столика не опредѣлительны, тогда пользуются стрѣлою. Жрецъ ставитъ ее остріемъ на ладонь и слегка придерживаетъ. Между тѣмъ начинаютъ читать. По мѣрѣ чтенія, движеніе стрѣлы ускоряется и она силится вырваться изъ рукъ. Тогда, или свободу ей даютъ, чтобъ полетъ ея открылъ искомую тайну; или заставляютъ ее писать на пескѣ, подобно тому, какъ пишутъ иногда карандаши въ рукахъ Европейскихъ вѣщуновъ.

Не мало и другихъ этого рода вещей проявляется въ сферѣ Буддизма. Но не находя съ своей стороны удобнымъ входить въ сужденіе объ нихъ, оканчиваю настоящее отдѣленіе словами древняго поэта: Ecce antrum Galeni, cuius me vestigia terrent.

Проводы души.

Различные обряды, соблюдаемые при погребеніи умершихъ, извѣстны у Монголовъ подъ общимъ названіемъ Проводовъ души — *сунесу кутулку*. И вотъ условія сихъ проводовъ:

Омывать покойника не дозволено. Но вмѣняется въ обязанность одѣть его прилично, закрыть лицо хадакомъ и положить на правый бокъ, чтобы одна рука могла находиться подъ головою, а другая на бедрѣ. При томъ лѣвая нога должна быть нѣсколько согбенна. Поза эта для Буддистовъ имѣетъ особую важность, и они называютъ ее львиною-*арсалун кетселге*.

Уложивъ мертвеца, зажигаютъ предъ бурханами курительныя свѣчи, и берутся за чтеніе молитвенной книги Дзотбо, которое и продолжается до ближайшаго изъ счастливыхъ дней. По наступленіи же этого дня, приводятъ къ юртѣ осѣдланнаго коня и ставятъ противъ двери съ лѣвой стороны, а человѣкъ, держащій его, садится внутри юрты на цыпочкахъ и перекидываетъ чимбуръ чрезъ лѣвое свое плечо. Символическимъ симъ дѣйствіемъ даютъ знать, что часъ разлуки съ покойникомъ насталъ; и тутъ же приступаютъ къ отпѣванію.

По окончаніи нѣсноиѣній, старшій жрецъ восклицаетъ, *хек, хек, хек*! И вслѣдъ за симъ, нарочито избираемый человѣкъ дотрогивается до (бариху) покойника иногда рукою, а иногда стрѣлою, или другимъ

орудіемъ. Потомъ всѣ выходятъ изъ юрты и садятся на коней; покойника же кладутъ на телегу, или санп.

Шествіе продолжается въ безмолвіи. Провожающіе читаютъ лишь мысленно: *ом, ма, ни, бад, ме, хом.* Пришедши же на мѣсто, назначенное для погребенія, бросаютъ бѣлый войлокъ, длиною около сажени; вколачиваютъ по угламъ его четыре палки; обводятъ по направленію ихъ троекратно вервью и ставятъ на войлокъ жертвенные сосуды съ сѣменами и молокомъ. Вообще здѣсь повторяются, въ маломъ лишь размѣрѣ, всѣ тѣ дѣйствія, о которыхъ говорили мы въ статьѣ о Даданахъ. Разность дѣлаетъ одинъ искупъ земли: ибо покойникамъ достается она очень дорого. Богатый платитъ 81 скотину, человѣкъ средняго состоянія 21, и самый бѣдный не получаетъ ее даромъ. Судя по этому искупу, устроется и весь церемоніалъ службы, съ большею или меньшею торжественностію.

Послѣ искупа, жрецы приступаютъ къ отрѣзу земли, употребляя для сего въ дѣло сперва алтанъ мелекей, а потомъ и всѣ другіе инструменты—*багаджи*. Каждый изъ жрецовъ, обходя три раза войлокъ, прово-

дитъ борозду по землѣ. Между тѣмъ жертвенныя принадлежности разсѣваются и разливаются во всѣ стороны. А четыре малые сосудцы — *бумба даромa*, съ монетами, моржанами и всякими блестящими бездѣлицами — *юсун эрденин дзуйлъ*, зарываютъ по четыремъ угламъ купленной земли.

Въ это время начинаютъ рыть могилу. И доколѣ идетъ работа, Ламы не умолкаютъ. Пѣніе и чтеніе ихъ оживляется звономъ колокольчика: по музыкальнымъ орудіямъ мѣста не даютъ.

Изготовивъ могилу, зарываютъ посреди ея такой же сосудецъ, какіе зарыты и по угламъ. А потомъ уже полагается покойникъ, обращенный лицемъ на западъ солнца.

Возвратясь къ юртѣ, всѣ бывшіе при погребеніи обязуются совершить очищеніе — *сан табиху*. И съ этою цѣлію они, остановившись передъ огнемъ, умываютъ руки теплою водою, надъ раскаленными камнями; потомъ трижды окуриваются и выслушиваютъ очистительную молитву. Тѣмъ тщательнѣе окуривается самая юрта, и она еще до прихода гостей должна быть перенесена на другое мѣсто.

За погребеніемъ слѣдуетъ длинный рядъ поминокъ и жертвоприношеній. У зажиточныхъ людей исправляются опѣ въ теченіе 49 дней, по утру, въ полдень и вечеромъ. А люди съ малымъ состояніемъ обязаны исполнить поминовеніе по крайней мѣрѣ четыре раза: въ 5, 7 и 49-й день. При томъ поставляется за правило, чтобъ первая жертва приносима была за три шага отъ юрты, вторая за шесть и такъ далѣе. Жертвенное животное дѣлится на многія части, и одна изъ нихъ поступаетъ на долю души покойника и сожигается. Остальными частями пользуются жрецы. Сверхъ сего, они же получаютъ по животному за каждый совершенный ими обрядъ и общую благодарность — *ирел абху*, за всѣ подъятые ими при поминкахъ труды.

Сколь ни тяжки эти условія, но семейство радо бываетъ, ежели ими только отдѣлывается отъ своего покойника.

На бѣду не рѣдко выходятъ такіе случаи: тайновидцы, руководимые книгою алтан саба, объявляютъ, что душа покойника, будучи чѣмъ-то не довольна, направила полетъ свой — *чуйку* въ чуждую сторону и тамъ ищетъ сближенія — *дариху* съ

душею избраннаго ею человѣка; или настоятельно требуетъ къ себѣ душу одного изъ родственниковъ своихъ, и ея только переселеніемъ можетъ быть успокоена въ новомъ мірѣ. При роковомъ этомъ объявленіи, начинаются новыя жертвы, новые искупы, обѣты и гурумы, упосящіе на вѣтеръ все добытое вѣковымъ трудомъ. Сцены эти у кого не исторгнутъ вздоха и не заставятъ сказать:

O vita fallax, abditos sensus geris!

СТАТЬЯ XV.

Степени нравственнаго совершенства, которыхъ достиженіе возможно для человѣка.

Обращаемся къ нравственнымъ урокамъ и начинаемъ ихъ ученіемъ о самомъ человѣкѣ.

Чтобы показать нравственное значеніе человѣка и вліяніе на него добра и зла, Буддисты пользуются символическимъ объясненіемъ.

Два дерева, говорятъ они, растутъ въ каждомъ человѣкѣ — одно доброе, другое

злое. У обопхъ деревъ по шести корпей, по десяти вѣтвей — *гишигу*, и по 48-ми тысячь листьевъ.

Корни одного составлены изъ шести радикальныхъ добротъ, а корни другаго изъ такихъ же золъ. Первому вѣтвями служать бѣлыя доблести — *цаган буин*, другому темные грѣхи — *хара нигул*. На первомъ зеленѣютъ листья 48-ми тысячь благихъ стремленій-*номун цокцасъ*, на послѣднемъ такое же число грѣховныхъ поползновеній—*писванисъ*.

При свойствахъ, столь противныхъ между собою, деревамъ этимъ никакъ нельзя расти вмѣстѣ съ равною силою. Но по мѣрѣ того, какъ одно изъ нихъ усиливается, другое начинаетъ чахнуть, одно крѣпнетъ и вѣтвится, у другаго гибнутъ самые корни.

И горе тому, кто не внимая себѣ, довелъ доброе дерево до искорененія! Человѣкъ этотъ нравственно умираетъ: ибо самые тяжкіе грѣхи становятся для него дѣломъ безразличнымъ — *дзапсар-угей нигулъ;* сила ихъ вращаетъ имъ, какъ пылинкою, и безвозвратно увлекаетъ его въ бездну погибели — *аюс тамо*.

Напротивъ, съ уничтоженіемъ въ себѣ

корней злаго дерева, человѣкъ поставляется на той высотѣ, гдѣ безвѣстны, куда не досязаютъ никакія бури житейскаго моря — *сансарун далайнъ*. Онъ занимаетъ мѣсто какъ бы между небомъ и землею; представляетъ въ лицѣ своемъ доблестнаго героя, который низложивъ врага своего, свергъ съ себя яремъ и стяжалъ свободу: *дашни дорагат, эгурге-бен гегеджу уберун тусей-ги олоксан-бой.*

Здѣсь не лишне остановиться вниманіемъ и замѣтить, что послѣднія слова, составляющія всю цѣль предложеннаго поучения, не варварствомъ уже отзываются, но проявляютъ геній достойный лучшихъ временъ Греціи и Рима. И конечно, чѣмъ больше нравственнаго назиданія въ такихъ правилахъ языческаго міра, тѣмъ непреложнѣе глаголъ Великаго вселенныя Учителя: «когда язычники, не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ: то они, не имѣя закона, сами себѣ законъ; они показываютъ, что предписанное закономъ написано у нихъ въ сердцахъ» (Рим. II).

Допустивши же въ человѣкѣ возможность къ достиженію совершенства, при которомъ исчезаетъ самый корень зла,

Буддизмъ старается показать ступени, ведущія на эту нравственную высоту. Вотъ онѣ.

1) Состояніе *Убаши*, иначе Генинъ. Вступившіе въ него сознаютъ нравственную свою порчу и нужду исправленія. Но при недостаткѣ рѣшимости, а тѣмъ болѣе опытности, заботу объ улучшеніи себя ограничиваютъ лишь слабыми попытками и вѣчно влаются между добромъ и зломъ.

Apparent illi virtus hinc, inde voluptas,
Et studet in partes flectere quaeque suas.

2) *Сартаванъ*. Въ этомъ состояніи человѣкъ столько имѣетъ благоразумія, что міръ Сансары теряетъ для него всю прелесть. Онъ смотритъ на него, съ одной стороны посмѣваясь житейской суетности, съ другой—оплакивая ее, какъ неисцѣльное зло. А такимъ образомъ Сартаванъ будто олицетворяетъ собою тѣхъ древнихъ философовъ, о которыхъ сказано:

Defleret mores, si viverit, Heraclites,
Nostraque rideret tempora Democrites.

3) *Сагардагамъ*, иначе *нигенте харин ирекчи*, т. е. совершившій уже единожды, и конечно съ успѣхомъ, путь житейскаго странствованія, и опять возвратившійся на

землю, для дальнѣйшаго усовершенствованія себя и споспѣшествованія въ томъ другимъ. Честность и безкорыстіе суть отличительныя черты Сагардагама.

Wirtute me involvo, probamque
Pauperiem sine dote quaero. *Horatius.*

4) ***Анагамани.*** Сюда принадлежатъ тѣ изъ смертныхъ, которые исполнивъ всѣ лежащія на нихъ обязанности, не имѣютъ уже надобности въ новыхъ перерожденіяхъ—*харин улу ирекчи.* А доколѣ остаются здѣсь, все услажденіе жизни своей заключаютъ они въ стяжаніи мудрости и благочестія.

Nil dulcius est, bene quam munita tenere
Edita doctrinâ sapientum templa serenâ
Despicere.... *Lucret. lib. 1.*

5) ***Архатъ, дашни дароксанъ.*** Это герой, умѣвшій восторжествовать надъ всѣми препятствіями, исторгнуть на пути шествія своего корень всякаго зла и проникнуть въ священныя таинства природы.

Quae natura negavit
Visibus humanis, oculis ea pectoris hausit.
Ovidius.

6) ***Бради-габутъ, уберь-ен бурханъ.*** Взошедшіе на эту высоту видятъ предъ собою отверстыми врата Номовъ, вводятся

въ міръ чудесъ и перераждаются въ существа одной натуры—*гакца чпарту*, съ Буддами (103).

. . . . quem denique in unum
Descendit Deus, atque habitat ipsumque requirit.
Man. lib. 2.

По общимъ симъ началамъ, не трудно предугадать, какимъ путемъ идетъ и куда стремится Буддійская мораль. Впрочемъ просимъ читателя не спѣшить заключеніемъ и ожидать уясненія частностей, которымъ посвящены нижеслѣдующія статьи.

СТАТЬЯ
XVI.

Средства къ нравственному усовершенію.

Гдѣ указуется цѣль, тамъ должны быть и средства. Буддизмъ вѣрный правилу сему, указавши послѣдователямъ своимъ на высокое ихъ предназначеніе, снабжаетъ ихъ не только обычными, но и чрезвычайными (extraordinaria) средствами.

Къ первымъ изъ нихъ относятся: 1) Барамиты (парампта) или правоученіе; 2) Ключь закона; 3) Молитва; 4) Курду; 5) Постъ; 6)

Обѣты. Пункты эти составляютъ предметъ настоящаго разсмотрѣнія.

Барамиты.

Главныхъ барамитовъ шесть, и онѣ объемлютъ собою во всей обширности:

a) Ученіе о дѣлахъ милосердія—*углиге барамитъ.*

b) ученіе о терпѣніи, *кулиценгуй.*

c) — трудженіи, *кичіенгуй.*

d) — воздержаніи, *шакшабат.*

e) — объ аскетизмѣ, *діана.*

f) — умозрѣніяхъ, *билге.*

Начала эти даютъ длинный рядъ правилъ, которыя дробятся чуть не до безконечности. Основанія же всѣхъ дѣленій и подраздѣленій берутся изъ обстоятельствъ матеріальныхъ и формальныхъ, неизбѣжныхъ при каждомъ дѣлѣ. И въ этомъ отношеніи Буддизму не рѣдко удается превосходить самаго себя. Ибо взвѣшивая дѣйствія, сортируя ихъ по родамъ и видамъ, онъ принимаетъ въ соображеніе не только свойство и цѣль ихъ, но также субъектъ, и объектъ, средство и способъ (medium et modus), мѣсто и время. А при толико осторожномъ взглядѣ, нельзя

было не придти къ безошибочному (въ отношеніи къ принятымъ началамъ) заключенію. Въ общемъ даетъ оно такую мысль: для дѣла добраго требуются всѣ условія нравственнаго добра; а чтобъ оказаться дѣлу худымъ, достаточно и того, ежели одно какое либо обстоятельство дурно.

Входить въ объясненія этого тезиса чрезъ посредство цитатъ для насъ не удобно. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто краткой перикопы, надлежало бы писать длинную диссертацію. Однако же чтобъ не оставить дѣла и вовсе бездоказательнымъ, мы излагаемъ здѣсь правила наибольшей важности, служащія для Буддистовъ основаніемъ всего нравственнаго закона.

А поелику правила (закирга) эти имѣютъ двоякую сторону, отрицательную и положительную: то мы покажемъ ихъ съ той и другой стороны.

Въ смыслѣ отрицательномъ (negativo) представляются вниманію человѣка: 1) пять смертныхъ, или неразрѣшимыхъ грѣховъ — *табун дзапсар угей нигул*; 2) пять близкихъ къ нимъ—*шидар табун нигул;* 3) десять черныхъ грѣховъ—*арбан хара нигул.*

1) Грѣхи смертные.

а) Богохульство—*бурхан-шугуди утегерику.*

б) Отцеубійство—*эке ецеге алаху.*

в) Убійство праведника—*даини дароксани алаху.*

г) Дерзость противъ Баньчень-богда, Далай-ламы и вообще противъ перерожденцевъ; особенно когда наглый поступокъ соединенъ съ пролитіемъ хоть одной капли крови ихъ—*тегунчилен ирексену бышеце чисун гарху.*

д) Разлученіе другъ отъ друга тѣхъ, кои посвятивъ жизнь свою на служеніе Богу, связали себя взаимными священными обѣтами—*бурсан хубара-гудон нукури салгагаху.*

2) Грѣхи близкіе къ смертнымъ.

а) Разореніе святилища—*суме субургай-ги эбдеку.*

б) Отнятіе у благочестиваго человѣка средствъ къ дѣланію добра—*сузуктену эди буліаху.*

в) Кощунство надъ людьми Духовнаго сана—*бурсан хубаргу ди дороmджилху.*

г) Разстройство въ дѣлѣ совершенія свя-

щенныхъ обрядовъ вѣры—*дулбе кигет, винейн засаги эбдеку.*

д) Отнятіе у пустынника послѣдняго куска хлѣба—*діанчидон идегени идеку.*

3) Черные грѣхи.

I) *Относящіеся къ тѣлу и проявляемые въ наружныхъ дѣйствіяхъ:*

а) умерщвленіе животнаго — *амитану ами тасолху.*

б) Присвоеніе чужаго — *есе-угуксени абху.*

в) Порабощеніе грубой чувственности—*аригун босо ябодаль-ер ябоху.*

II) *Относящіеся къ слову—келену нигулъ:*

а) Ложь—*худал уге.*

б) Сплетничество—*хоб уге.*

в) Осужденіе—*олкіа уге.*

г) Злорѣчіе—*ширегун уге.*

III) *Относящіеся къ мысли, или сердцу—сеткилун гемъ:*

а) Зломысліе—*хорту сеткил.*

б) Зависть—*хомохолдзаху сеткил.*

в) Презорство—*бургу удзел.*

За таковымъ предостереженіемъ отъ грѣховъ, съ многостороннимъ ихъ объясненіемъ, буддійскій канонъ указываетъ на дѣла

благочестія, могущія вести къ наивысшему совершенству. Въ наставленіяхъ сего рода излагаются обязанности человѣка: къ богамъ, къ людямъ и ко всѣмъ живущимъ въ мірѣ тварямъ, а также и къ самому себѣ. Сущность этой морали мы представляемъ здѣсь, держася, сколько можно, тѣхъ же подраздѣленій, какія допускаетъ Юмъ, а особенно *ике боди мурун дзерге* (т. 1. л. 39 и д.).

Обязанности къ богамъ.

1) О богахъ не иначе разсуждай, какъ съ благоговѣніемъ: ибо гдѣ бы ни находился человѣкъ, онъ всегда предъ очами ихъ— *бурхан ба бодисадо—наронъ думда сагуксан болай.*

2) Какъ всѣ разумныя твари воздаютъ хвалу богамъ, такъ должно и человѣку поступать, прославляя ихъ не только устами, но и дѣлами—*уйлетчу прагу эгешиъ-ер номлаху болай.*

3) Тѣсенъ путь жизни; но кто проходитъ это поприще, долженъ быть въ томъ убѣжденіи, что онъ находится на широтѣ цѣлой вселенной, что существа всѣхъ міровъ смотрятъ на него и взвѣшиваютъ жребій судьбы его.

4) Вотъ образъ, который при мысли о семъ напечатлѣвается въ душѣ мудраго: а) на превыспреннихъ высотахъ, въ точкѣ діаметрально противоположной зрителю—*пет тергуне эмене октаргой дор*, цвѣтетъ священный Бадма липхова. Тамъ свѣтозарный Абида съ четырьмя представителями-(*бын хубилган*) неописанныхъ свойствъ его, сѣдитъ пріосѣняемый облакомъ и окруженный сонмомъ Идам-докшитовъ, Бодисадовъ и Хутуктовъ, Шаравановъ, Брадигабутовъ и всѣхъ боговъ и богинь — *багатор дагинисун чигулган* (106). b) Другую сторону великой картины занимаютъ боги міропра-вители, располагающіеся въ десяти странахъ свѣта—*арбан дзуктор сагуксан*. c) Наконецъ въ ближайшей къ зрителю дистанціи, не далѣе какъ въ девяти локтяхъ отъ его головы, находится восемь престоловъ, на которыхъ сидитъ духовный отецъ-*нигу-цейн бакши*, и всѣ бывшіе и преселившіеся въ Нирвану законоучители – *лама бакши-нар*. Окрестъ же ихъ безконечными рядами тянутся Тенгерины и всѣ прочія шести классовъ существа (107).

5) Представляя въ мысли своей это зрѣлище, такъ надлежитъ разсуждать: ежели

человѣкъ, служа одному богу, получаетъ блага, превышающія мѣру своихъ понятій: то служеніе многимъ богамъ не можетъ не вести его въ безпредѣльную область блаженства — *ниген бурхандор мургебесу, цагласи-гей бши кемекун-бер, тедуй тогатан бурхади сеткиджу мургебесу, ягун угулетеле* (Мур. дз. л. 39)?

6) А чтобъ ограниченность человѣческой натуры не полагала въ дѣлѣ этомъ препятствій, то обращаяся къ богамъ, не должно передѣть и о себѣ самомъ. Единицу своего существа надлежитъ мысленно дробить на безконечное число атомовъ. Ибо ежели человѣкъ, принимаемый за единицу — *гакца бши-бер*, многое можетъ сдѣлать: то чего не сдѣлаетъ онъ, бывши такъ сказать разлитымъ по пространству вселенныя и поставивъ себя такимъ образомъ въ связи со всѣми существами міра?

7) Но и это правило только приближаетъ, а не приводитъ къ цѣли. Должно помнить, что боги суть чистыя существа, а потому кто хочетъ быть угоденъ имъ, тотъ долженъ блюсти въ чистотѣ свой духъ и тѣло и даже самое жилище свое — *орон гыри сайтор арчигат, бши дзарлик*

джирюкену шитугени сайтор делге.

8) Тѣмъ болѣе должна быть чиста самая жертва, приносимая богамъ, а дѣйствія жертвователя благопристойны — *арга дзалигей такили эриджу, токіал удзескулентей уйлет.*

9) А ежели и за симъ ощутятся недостатки, то остается усугублять молитву, благоговѣніе и парить духомъ въ высоту.

10) Всѣ же чувства и дѣйствія должны быть оживотворены надеждою на боговъ: ибо ихъ покровительство превыше всѣхъ покрововъ — *дегеду шикур кемеку-ну, шикур-нугудун эрким болай.*

Обязанности къ людямъ и ко всѣмъ живущимъ въ мірѣ тварямъ.

1) Ревнуя о благопріятныхъ для собственной личности перерожденіяхъ, дѣлай тоже и по отношенію къ другимъ—*бши-бер тедуй тогатан хобильджу, босот-тор ном удзегулкуе дуратхан дзалбариху болай.*

2) Сего мало, будь готовъ и молись о томъ, чтобы тебѣ несмѣтные вѣка перераждаться для спасенія всѣхъ и каждаго — *амитан*

нугудун туса джиргалангун - тола, маши нарин тогосун-луга сацагу галабтор гасалан-еце улу нукчин, сагу кемен, учин дзалбариху болай.

3) Какъ мать бережетъ единственнаго сына, какъ бережешь зеницу ока—*нидуну цецек мету*: такъ береги жизнь всѣхъ тварей—*хамок амитани гамнатогай.*

4) Собственныя вины обличай, а о чужихъ храни глубокое молчаніе — *уберун геми иле гарган, босодон геми амин-дор курбечу нигутогай.*

5) Гдѣ бы ни суждено было проводить тебѣ жизнь, мѣстнымъ властямъ всюду и всегда повинуйся — *орон орону эркедор долдойтху.*

6) Оскорбленія переноси съ терпѣніемъ—*быин-дор хор уйледекчи амитан-дор кулицеку.*

7) Неистовствующихъ укрощай благоразуміемъ—*килен икетени арга-бер теткеку.*

8) Болящихъ утѣшай — *дзоболантан амитани асарху.*

9) Къ несчастнымъ будь сострадателенъ—*джиргалан-еце хагацаксан амитани нигулеску.*

10) Бѣднымъ помогай — *угегу гойлинчин амитани номун углиге-бер хангаху.*

11) Согрѣшающихъ вразумляй благими совѣтами—*килинце икетени ном буиньер теткеку.*

12) Всѣмъ служи, какъ служитъ рабъ своему господину и другихъ правъ въ жизни не ищи-*хамок амитану арат богол мету учигукен дорадо кидзагари бариху.*

Обязанности къ самому себѣ.

1) Всячески бодрствуй надъ собою, чтобъ не дать въ себѣ мѣста дѣйствіямъ, омрачающимъ душу, или тѣло— *мунхарахой туйдукчи ноир-еце арилгахой учиртор инакши чинакши эргицекуй керык.*

2) Смотри на себя, какъ на сосудъ нечистый, сокрушенный и опроверженный— *кирту оёр угей кумуриксен мету саба;* и не только добрыя дѣла, но и самую мысль о добрѣ приписывай помощи вышней и о семъ радуйся, какъ будто нашедши великое сокровище—*буину ачи тусей-ги дуратчу, санги олоксан мету баисун бишилгаху.*

3) Впрочемъ истинную радость не прежде можно ощущать, какъ освободившись отъ

восьми узлищъ грѣховнаго рабства—*найман чилуге угей шу*. А потому (108):

4) Старайся, чтобы почерпнутыя тобою изъ сокровищницы всевышняго Существа знанія, чрезъ посредство твоего воздержанія, выводили тебя изъ состоянія грѣховнаго рабства и поставляли въ состояніе свободы—*Дегедуйн эрдени-ги хуріакан-еце шакшабать—ер чилуге-угей-ги тегчиджу, тегубер чилугетуй-ги насода олою.*

5) А чтобы достигнуть этой свободы, то надобно дѣломъ, словомъ и мыслію — *быи, келе, сеткил,* освобождаться отъ десяти тяжкихъ грѣховъ, истребить въ себѣ корень шести золъ и насаждать въ себѣ шесть барамидовъ и десять добротъ—*арбан цаган буин* (109).

6) Всѣ же заботы и попеченія въ мірѣ должны быть направлены къ одной цѣли—къ достиженію всѣми и каждымъ наивысшаго совершенства—*хамок амитани бурхану боди хутуктор гарагаджу деилсугей кемен хутук гуюху керык.*

Ключь закона.

Буддисты убѣждены, что въ мрачную тайницу вѣры ихъ не иначе можно проникнуть, какъ съ ключемъ закона—*номун*

тулкигуръ. А потому ключь этотъ имѣетъ чрезвычайное значеніе. Въ немъ полагаютъ видѣть сущность всего того, что только содержится въ Ганджур-данджурѣ; имъ начинаются почти всѣ службы и обрядовыя дѣйствія; его основательное знаніе требуется отъ каждаго, идущаго путемъ усовершенія. Ключь этотъ, или точнѣе сказать символъ, состоитъ изъ седми членовъ, писанныхъ на Тибетскомъ, болѣе или менѣе рѣзкомъ языкѣ. Вотъ сущность содержанія ихъ:

1) Все въ мірѣ имѣетъ свое начало, всѣ твари живыя раздѣлены. На классы дѣлятся онѣ, на шесть великихъ степеней. А сонмъ хубилгановъ, священный сонмъ краснъ собою всѣ страны свѣта, всѣ времена: сему я вѣрю.

Адак денджин дзавадан,
Джутбер джайби балдан,
Лама дамба намла,
джапсучіо (110).

2) Я вѣрую и въ Ламъ, вѣрую въ Бога, вѣрую въ законъ,

Ламала джапсучіо,
Санджейла джапсучіо,
Чойла джапсучіо.

3) Въ Идамовъ, Докшитовъ и въ гроз-

ныхъ богинь—*багатор дагинисун чигулган;*

4) Въ четыре начала божественныхъ натуръ —

Само дакджут,
Джачин джаджут,
Нальджур джаджут,
Лапна меджут.

5) Въ Бодисадовъ и Хутуктъ, Шравановъ и Брадпгабутъ, со всѣми прочими отдѣлами боговъ и геніевъ благихъ: я вѣрую и поклоняюсь имъ.

Слѣдующіе за симъ два члена содержатъ молитвенное воззваніе къ богамъ о избавленіи отъ бѣдъ и дарованіи всѣмъ и каждому счастія въ жизни настоящей и будущей.

По посилку все это писано на языкѣ чуждомъ для Монгола: то не трудно понять, какое сокровище знанія находятъ Буддисты паши съ пресловутымъ своимъ ключемъ. Чтобъ помочь этому горю, закопъ дѣлаетъ къ плебеямъ снисхожденіе, дозволяя имъ ограничиваться знаніемъ лишь втораго члена, который по Монгольски такъ читается: *Ламадор итегемой, Бурхан-дор итегемой, Пом-дор итегемой* (111).

Молитва.

Кромѣ молитвъ обычныхъ и опредѣляемыхъ обстоятельствами жизни, въ устахъ и въ сердцѣ истиннаго ревнителя благочестія не должна умолкать молитва, извѣстная въ Буддійскомъ мірѣ подъ именемъ *Джюрган усук мани* и заключающаяся въ шести словахъ: *Ом, ма, ни, бад, ме, хом*, истекшихъ изъ устъ Абиды, при устроеніи судебъ міра (112).

Таинственность словъ сихъ надѣлала хлопотъ ученымъ оріенталистамъ. Ими написаны цѣлыя диссертаціи, сочинень рядъ гипотезъ, начиная отъ скромнаго лотуса, входящаго въ исторію превращеній Шигемуни, до дивнаго Бадма-лишхова, красующагося въ царствѣ Сукавади.

Но весь этотъ трудъ въ очахъ Буддистовъ, въ полномъ смыслѣ-labor improbus. Ибо жрецы, не вдаваясь ни въ какія предположенія, рѣшаютъ задачу очень просто. Но ихъ понятіямъ, Тибетскому реченію:

ом, или *ум* соотв. Монгол. тенгери,
ма . . . . . асури,
ни . . . . . кумун,
бад . . . . . адагус,
ме . . . . . бприт,
хом . . . . . тамо.

Находя такимъ образомъ въ шести словахъ буквальное указаніе на шесть классовъ существъ, т. е. тенгериновъ, асуриновъ, людей, безсловесныхъ тварей, бирптовъ и обитателей преисподняго міра, Буддисты принимаютъ эпигматическую молитву въ смыслѣ воззванія о милости и помощи ко всѣмъ живущимъ, а тѣмъ паче къ богамъ, завѣдывающимъ ими. Въ томъ же смыслѣ предписывается смотрѣть на нее, какъ на сокращеніе закона и на таинство всѣхъ боговъ—*хамок бурхану нигуцейн убадис.*

Второе мѣсто занимаетъ *Мендзем*, молитва, имѣющая примѣненіе ко всѣмъ обстоятельствамъ человѣческой жизни, а равно и ко всему сонму боговъ. На Тибетскомъ языкѣ такъ читается она:

Мик-мет дзейби дерчин джанрей-сек,
Дин мет чимби вамбо джанбіан,
Дудбен малой джомзат санбидак,
Ганджин хайби джукджен дзонхаба,
Луб-сан дакби шабла солбандиб.

Курду.

Курду, или курда есть религіозная принадлежность, которою пользуются Буддис-

ты какъ средствомъ, служащимъ къ облегченію молитвенныхъ подвиговъ. Въ главномъ своемъ видѣ курда представляетъ шестисторонній цилиндръ, расписанный по наружности шестью священными колерами (бѣлымъ, зеленымъ, желтымъ, черпымъ, краспымъ и синимъ) и вращающійся на оси. Ось эта до послѣдней возможности, обвивается, утолщивается бумажпымп свитками, тысящекратно повторяющими двѣ вышеизложенныя молитвы-*Мекдзем*, и *джюрган усук мани*. Въ центрѣ же курды дается мѣсто богу милосердія—Аріаболо. А иногда помѣщаются въ ней и книги молитвеннаго содержанія.

Курда въ такомъ видѣ, по изъясненію *Мани гамбума*, служитъ типомъ Вселенныя. Шесть сторонъ цилиндра указуютъ на шесть классовъ міровыхъ существъ; верхъ его есть символъ міра горняго, а низъ дольняго и преисподняго. По душа всего (essentia rei et anima mundi) сосредоточена около оси, какъ представительницы священнаго *сумбера*.

Итакъ, кто съ благоговѣніемъ вращаетъ курду, тотъ поставляетъ себя въ столь близкомъ отношеніи ко всѣмъ существамъ, что онѣ какъ бы трудятся съ нимъ и для него. Почему двигатель курды справедливо можетъ

назваться Heros Naturae, in quo omnia coëlestia et terrestria, velut in parvo sumulacro, concurrunt.

При участіи же толико могущественномъ, нельзя не быть дѣйствію великимъ. Оборотъ курды равенъ тысячамъ молитвъ. А ежели вращаются тутъ и священныя книги, то польза становится сугубою. Въ такомъ случаѣ одинъ кругооборотъ замѣняетъ собою весь трудъ прочтенія книгъ.

Кромѣ цилиндрической, есть курда вѣтренная-*салкин*. Это не больше, какъ разноцвѣтный лоскутъ, исписанный молитвою и поставляемый въ видѣ флюгеря на юртахъ, могилахъ и другихъ мѣстахъ, имѣющихъ почетное значеніе.

Наконецъ въ захолустьяхъ Сибирскихъ можно видѣть лопатки мелкаго скота, испещренныя письменами. Это своего рода Курду (*). Лопатки развѣшиваются подлѣ дороги, или поперегъ ея, на такой высотѣ, что палкою, или бичемъ не трудно ихъ достать. И если прохожій дѣйствительно прикоснулся къ нимъ: то предполагается, что душа, обитавшая въ животномъ, получитъ облегченіе, и путь переселеній сокращается для нея.

(*) Вещей этого рода и значенія собственное названіе есть Дарцукъ.

Постъ.

Постъ занимаетъ почетное мѣсто между средствами, служащими къ нравственному усовершенію. И хотя времена постовъ не установлены, однакожъ всѣ обязуются (кромѣ малыхъ и старыхъ) поститься по крайней мѣрѣ единожды въ годъ, соблюдая при томъ шакшабаты, или постническія правила, изложенныя въ книгѣ *манин чого*.

Готовящіеся къ подвигу — *нумней сакиху, Шакшабат хураху*, собираются въ одномъ изъ зданій — *манин урге*, какія обыкновенно находятся при каждомъ капищѣ. Здѣсь постники выслушиваютъ очистительную молитву, потомъ омывшись и переодѣвшись, проводятъ ночь со всякою чинностію и въ глубокомъ молчаніи.

По утру является жрецъ, преподаетъ наставленія и всѣхъ клятвенно обязуетъ воздерживаться отъ черныхъ грѣховъ. За тѣмъ постники поступаютъ въ распоряженіе Бакши, избираемаго изъ сонма Ламъ и представляющаго въ лицѣ своемъ Духовнаго отца, предъ которымъ позволительно каждому раскрывать свою совѣсть. Впрочемъ нѣтъ закона, положительно обязывающаго къ исповѣди.

При такихъ моральныхъ направленіяхъ, постники могутъ въ первый день единожды вкушать пищу. Почему день этотъ почитается какъ бы полу-постнымъ — *джорба*. Но на другой день, въ собственномъ смыслѣ постный — *мацок*, не дозволяется ни ѣсть, ни говорить, ни даже слюну глотать. А движенія и всѣ положенія должны быть строго соглашены съ Шакшабатами; должно также терпѣливо выслушивать три раза въ день длинныя поученія и повторять клятву на воздержаніе отъ грѣховъ. Ночь же подвижники проводятъ болѣе въ бодрствованіи и молитвѣ, нежели въ отдыхѣ. На третій день дозволяется принять пищу, по примѣру перваго дня; но не прежде, какъ по прочтеніи Ламою молитвы на разрѣшеніе пищи и самыхъ устъ — *ама негеку*.

Такой подвигъ, сопровождаемый переходомъ отъ поста къ полу-посту и обратно, требуетъ для совершенства своего 16 дней, или восьми пумпеевъ. И кто совершилъ его, тотъ получаетъ полное отъ грѣховъ разрѣшеніе: Totius anteactae vitae maculas eluit.

Что жъ касается до слабыхъ и не могущихъ почему либо выдержать 16-ти дневное затворничество со всѣми условіями аске-

тизма : то законъ, снисходя къ человѣческой слабости, позволяетъ имъ ограничиваться однимъ пумпеемъ, или же подкрѣплять себя въ полупостные дни питьемъ маидзы (родъ чая). Къ тому постящимся даютъ чрезъ каждые двое сутокъ по чашкѣ настоя изъ имбиря, корицы, шафрана и другихъ ароматическихъ травъ и корней. Напитокъ этотъ называется *дзутан*, и онъ для постниковъ тоже, что нектаръ для безсмертныхъ обитателей Олимпа.

Здѣсь не лишне замѣтить, что расходы, коихъ требуетъ содержаніе постниковъ, часто приходящихъ огромными толпами, относятся на счетъ Дацановъ, а иногда и частныхъ благотворителей. При достаточныхъ же Дацанахъ, на прим. Анинскомъ, Цугульскомъ, Гусино-озерскомъ и др. содержатся *мунку пумпей* и *мунку хуралъ*; т. е. постоянныя гостинницы для постниковъ и богомольцевъ, съ необходимымъ обеспеченіемъ. Конечно обеспеченіе это не велико, но важно то, что пришлецъ не имѣетъ нужды стучаться у воротъ и вопить языкомъ Гиппократа:

Da tegmen Hippocrati, namque frigeo
Totusque contremisco.

Обѣты.

Къ настоящей статьѣ мы не относимъ ни тѣхъ обѣтовъ, которые составляютъ непзбѣжное условіе Ламскаго званія — *дулбейн санвар*; ни тѣхъ, кои завися отъ случайностей и ограничиваясь единовременными какими либо подвигами и жертвами, входятъ въ категорію Барамитовъ и Шакпабатовъ, и должны быть понимаемы въ смыслѣ частныхъ добродѣтелей.

Мы даемъ здѣсь мѣсто обѣтамъ, опредѣляющимъ собою все значеніе жизни подвижника; обѣтамъ, подъ бременемъ которыхъ можетъ человѣкъ изнемогать, но не оставлять ихъ.

Si desint vires, tamen laudanda est voluntas,
Hac ego contentos auguror esse Deos.

Въ разрядъ этотъ входятъ *Шимпанца* и *Діанчи*.

Шимпанца.

Буддизмъ, соединивъ съ званіемъ Сакиласанваръ, званіе дѣвственниковъ, не почелъ нужнымъ установлять особые разряды подвижниковъ этого рода; но подвижницы, или собственно говоря, *дѣвственницы* допущены. Ихъ-то и надлежитъ разумѣть подъ словомъ *Шимпанца*.

Чинъ посвященія въ Шимпанцы не разнится отъ Ховаратскаго. За то и по рангу своему онѣ равны Ховаракамъ; носятъ одинаковую съ ними одежду желтую, или красную, и обязуются, по примѣру всѣхъ освященныхъ, имѣть бритую голову.

Кромѣ цѣломудрія, постъ и молитва вмѣнены Шимпанцамъ въ главное правило жизни. Впрочемъ коллегіальнаго жительства законъ не назначаетъ для нихъ. И потому труженицы витаютъ въ кругу родства и племени своего, руководясь правиломъ:

Si te delectant aeternae premia vitae
Magna quidem, nec te terreat ergo labor.
Oven. Monost. Ethica.

Діанчи.

Въ иныхъ отношеніяхъ поставляется Діанчи. Званіе это, въ строгомъ смыслѣ Анахоретское, возлагаетъ на подвижника всѣобязанности пустынножителя—*унемлекуйн мурь-ер ябочки*, или по крайней мѣрѣ безпріютнаго скитальца, водимаго любовію къ ближнему—*инагункин мурь-ер ябочки*.

Палестра, указуемая Діанчи, начинается отреченіемъ отъ міра и убѣжденіемъ въ суетности всего земнаго:

Quod omnia somnia, lusus, abusus et lis,
Et picta sint pompae et vis.

За тѣмъ, онъ долженъ обогатить себя уроками мудрыхъ и изученіемъ жизни и дѣяній, доблестно подвизавшихся въ пустыняхъ. Наконецъ, воспріять непоколебимую рѣшимость жить и умереть одинокимъ скитальцемъ.

По водворепіи же въ пустынѣ, Діапчи обязуется: 1) не имѣть инаго пріюта, кромѣ горъ и вертеповъ — *хада чилугар гыр кику*; 2) не носить иной одежды, кромѣ священной — *ломту хубцат-еце босо хубцат эмеску-гей*; 3) самыхъ лютыхъ враговъ считать своими друзьями — *хортон дайсупар пукур кику;* 4) хладпую землю имѣть вмѣсто ложа, и жесткой камень вмѣсто возглавія — *кулду чилогупи дерелеку, куйтуп газарар дебиткер кику*; 5) въ жилые домы не входить—*ханан гыр-то ороху-гей;* 6) умерщвлять плоть свою обузданіемъ пяти чувственныхъ пожеланій — *табун кусел,* вытекающихъ изъ пяти чувствъ — *унгу, дагун, унур, алтан, курелцекуй*; 7) вести непрестанную борьбу съ пятью родами искушеній, порождаемыхъ пятью стихійными началами,

непосредственно дѣйствующими на человѣка и силящимися поработить его; 8) молиться; пусть звѣрь разверзаетъ пасть свою, или змія жалитъ пяту; пусть рушатся и падаютъ надъ головою скалы, или воды грозятъ потопленіемъ: Діапчи не должепъ прерывать начатую молитву, ни даже измѣнять молитвеннаго своего положенія ([113]); 9) поститься и постяся, съ каждымъ днемъ усиливать строгость воздержанія, доколѣ обезсиленная и умерщвленная плоть позволитъ духу выдти на широту, и насладиться, среди бурнаго океана жизни, покоемъ Алціопы.

Alcedo medio quieta ponto
Ova parturit incubansque pullos
Excludit teneros, fovetque, donec
Nisus insolitos sciant volandi:
Queis mens integra, criminisque pura est,
Exsultant medios vel inter hostes ([114]).

СТАТЬЯ.

XVII.

Чрезвычайныя средства къ нравственному усовершенію.

Буддизмъ, возложивши на адептовъ своихъ яремъ барамптовъ и шакшабатовъ,

требуя отъ нихъ знанія и дѣятельности, терпѣнія и мужества, самъ приведенъ былъ къ вопросу: довлѣютъ ли человѣческія силы къ исполненію многосложныхъ его обязанностей? При сознаніи же врожденой человѣку немощи, нельзя было иначе отвѣчать, какъ указаніемъ на *мистеріи*, или чрезвычайныя средства.

И мы должны предварить читателя, что мистеріи эти въ сферѣ Буддизма почти тоже, что у Кабалистовъ врата вѣденія—porta intelligentiae, съ откровеннымъ чрезъ нихъ Сефиротическимъ небомъ. Ибо Буддисты вѣрятъ, что чрезъ мистеріи ихъ отверзаются врата помовъ, человѣкъ вводится въ міръ чудесъ, поставляется въ общеніи съ богами.

И сообразно толико высокому понятію: а) нетерпимымъ признаютъ всякое присутствіе сторонняго лица, особенно же иновѣрца, при своихъ таинодѣйствіяхъ; б) строго возбраняютъ открывать профанамъ что либо касающееся до таинствъ; в) достоинство совершителя таины—*ачиту ундесун Лама* (honorifici ordinis sacerdos), такъ возвышаютъ, что самое имя его становится священнымъ; и только въ часъ предсмертный могутъ адепты произнести оное.

Все сказанное, кромѣ общаго приложенія къ ламскому чину—*сакил санваръ*, какъ источнику всякаго освященія и таинственности, относится: къ Луп-абишикъ, Джапанъ, Абіагарпи-ванъ, Мидор-дзогпи ванъ.

Луп-абишикъ.

Луп-абишикъ, иначе Пип-бошикъ (manubrium, seu operis regimen), совершается съ цѣлію дарованія права, или благословенія на чтеніе священныхъ книгъ, на духовныя пѣснопѣнія, врачеванія и тому подобныя религіозныя упражненія.

Потребность Луп-абишика выгекаетъ изъ чисто нравственныхъ началъ.

Какъ гибнетъ мотылекъ — *эрбекей*, прельщенный красотою огня, какъ уловляется серна-*гуросу*, обманутая лукавымъ голосомъ *(бискурь-ер)* охотника: такъ бываетъ и съ человѣкомъ, когда, надѣясь на себя, пренебрегаетъ онъ уроками другихъ; когда опытность старцевъ не имѣетъ для него цѣны. Человѣкъ этотъ есть жертва всѣхъ заблужденій.

A sene consilium quaeras: prudentia rerum
Est illis, sine qua curia quaeque perit.

Oven. Epigr.

Утверждаемый на сихъ умозаключеніяхъ, Лун-абишикъ совершается такимъ образомъ: старѣйшій жрецъ—Шпрету, принявъ приглашенія отъ членовъ своея паствы, ищущихъ духовнаго просвѣщенія, приказываетъ имъ дѣлать нужныя приготовленія. Потомъ въ назначенный день является въ сонмѣ избранныхъ и, по обычномъ возношеніи жертвъ и моленій, со властію наставника—*бакши*, и въ приличной званію своему позѣ, начинаетъ читать книгу, таинства которой предположено раскрыть адептамъ. Чтенію книги сопутствуютъ, разнообразятъ и оживляютъ опое замѣчанія, поясненія и нравственные уроки. А дабы немощь плоти не могла смежить очей и ослабить ревность тружениковъ, то стараются слѣдовать предусмотрительному правилу Анакреона:

Πίωμεν οὖν τὸ οἶνον
Τὸν τοῦ καλοῦ Λυαίου,
Σὺν τῷ δε πίνειν ἡμὰς
Εὔδουσιν ἀι μερύμναι.

Когда же пройдена книга до послѣдней іоты, ученики подносятъ Бакши благодарную жертву—*ачи мандалъ;* а сами получаютъ отъ него благословеніе и письменное свидѣтельство, съ самымъ точнымъ указа-

ніемъ на совершившійся Луп-абишикъ.

Послѣ чего люди эти имѣютъ право формально пользоваться пріобрѣтенными знаніями; но передавать ихъ другимъ возбранено. Одни Ламы и готовящіеся къ ламству не знаютъ ограниченій.

Джананъ.

Какъ Луп-абишикъ принимается въ смыслѣ благословенія, такъ Джананъ, или Ново въ смыслѣ сближенія съ богами—сближенія, простирающагося до того, что душа рада бы навсегда покинуть земную свою оболочку и вознестись къ родному ей лону вѣчности:

Ex ipso aeternitatis gremio decerpta
Nil opis externae cupiens
Ex alta mortalia despicit arce. *Claud.*

Къ участію въ таинствѣ допускаются оба пола, только не моложе 15-ти лѣтъ. Собравшись въ нарочитомъ мѣстѣ, усаживаются рядами на землѣ, подражая сколь можно въ позахъ своихъ тому идолу, котораго избрали своимъ патрономъ. За тѣмъ, испытавшій уже на себѣ дѣйствіе, жрецъ облачается во все голубское одѣяніе, прикрываетъ голову ваншоемъ и садится на воз-

вышенной каѳедрѣ. По правую руку ставятъ жертвенникъ со всѣми его принадлежностями, а впереди столикъ съ чашею, жезломъ, колокольцемъ, дамарою, очиромъ и другими аттрибутами Шигемунія.

Готовящіеся къ таинству дѣлаютъ по чину поклоненія и подносятъ жрецу *мандалъ*, съ приложеніемъ къ нему монетъ и разныхъ вещицъ.

Мандалъ устрояется такъ, что за нимъ тянутся вервью хадаки, привязанные одинъ къ другому (115). Это нужно для того, чтобъ участники таинства могли касаться хадака въ то самое время, когда Мандалъ будетъ держимъ жрецомъ.

Прикоснувшіеся становятся духовными дѣтьми жреца, а онъ ихъ духовнымъ отцемъ—*нигуцейн бакши*.

Пока все это происходитъ, чтеніе и пѣніе не умолкаютъ. Въ пѣсняхъ прославляется Шигемуни и тотъ Богъ, для котораго совершается таинство. Не забываются и другіе боги, а равно и самъ совершитель обряда—*ачиту ундесун Лама*: ибо и въ его честь поются гимны.

За окончаніемъ пѣснопѣній, Ачиту Лама, не измѣняя своей недвижимости и

являясь вдохновеннымъ, обращается къ собранію съ высокопарною рѣчью, имѣющею такой смыслъ:

Внимайте словамъ премудрости! Счастіе, которымъ боги надѣляютъ васъ, есть удѣлъ немногихъ. Недосязаемо царство Суковади, но вы теперь близки къ преддверію его. Тѣсно соединена душа съ тѣломъ: но подъ могучимъ вліяніемъ таинства, она готова выдти изъ тѣла на три шага, чтобы сблизиться съ существами міра горняго, чтобы насладиться лицезрѣніемъ Тенгериновъ и Бради-габутовъ, Шаварановъ и Бодисадовъ, и даже верховныхъ Буддъ. Умѣйте же воспользоваться благомъ симъ. Обратитесь дѣломъ, словомъ и мыслію—*быи, келе, сеткил*, къ священному таинству. Сосудъ тѣла и души нечистый, сокрушенный, опроверженный обратите въ сосудъ достойный вмѣщать въ себѣ сокровища боговъ. Пребывайте въ томъ убѣжденіи, что жизнь наша—сонъ, а смерть—путеводительница къ счастливѣйшимъ перерожденіямъ. Всѣ чувства ваши да погрузятся въ эту бездну судебъ.

Наставленіемъ симъ оканчивается первый актъ таинственнаго обряда. А переходомъ ко второму служитъ приношеніе благодар-

ственной жертвы, состоящей изъ плодовъ и сѣмянъ—*уре тарiалунъ*, и сопровождаемой гимномъ.

Въ это же время, нарочитые изъ ламъ заботятся объ удаленiи всѣхъ лишнихъ людей отъ шатра на такое разстоянiе, чтобъ ни одно слово, ни одинъ звукъ не могли быть слышимы имъ. Инiцiатовъ же приводятъ въ возможную стройность, требуютъ отъ нихъ благоговѣйнаго молчанiя и неподвижности, простирающейся до того, что самые глаза не должны быть переводимы, но постоянно обращены къ собственному носу.

По водворенiи же тишины, и когда все собранiе представитъ изъ себя недвижимыхъ истукановъ, Ачиту упдесуп Лама унылымъ гробовымъ голосомъ запѣваетъ пѣснь на исходъ души. Мало по малу, къ нему пристаютъ и прочiе Ламы. Итакъ составляется хоръ, терзающiй душу; мертвящiй чувства.

По мѣрѣ приближенiя финала, возрастаетъ сила плачевнаго тона, и наконецъ переходитъ въ припѣвъ, многократно повторяющiйся, въ смыслѣ слѣдующаго стиха:

Mortis honos est scire mori, vitaeque beatae
Exitus est testis, qui sine labe fuit.

Вдругъ все замолкаетъ и раздается го-

лось Ачиту-ламы: *хек, хек хек!* Сила слова сего есть обаятельная. Подъ ея таинственнымъ вліяніемъ всѣ инпціаты, и только они, падаютъ въ обморокъ и замираютъ. Они могли бы и вовсе умереть, если бы не была подаваема имъ скорая помощь. Но это предусмотрѣно. Ховараки и Ламы, заранѣе приготовленные, не теряя ни минуты, принимаются таскать людей изъ шатра, брызжутъ водою въ лице и обливаютъ голову; а чуть проявится жизнь и чувство, заставляютъ больнаго произнести: *га-га-га*. И если это удалось, опасность считается минувшею.

Не излишне здѣсь замѣтить, что скорое возвращеніе къ самосознанію принимается за добрый знакъ. Напротивъ медлительное и трудное возстановленіе силъ приводитъ къ заключенію о жалкомъ недостоинствѣ человѣка и объ отчужденіи его отъ даровъ таинства. Почему и не дозволяется таковымъ участвовать въ дѣйствіяхъ толикой важности.

Бываютъ также дебелыя натуры, на которыхъ первое *хек* не дѣйствуетъ съ потребною силою. Въ такомъ случаѣ повторяются припѣвы вмѣстѣ съ хекомъ, и человѣкъ отдаетъ безусловно дань таинству.

Не потому ли это, что вѣра въ непобѣдимую силу *хека* господствуетъ надъ нимъ?

Но отъ какого вліянія и ухищренія ни зависѣлъ бы описанный фактъ, только Ламисты убѣждены, что Хутуктою и подобными ему святошами произнесенное слово *хекъ* можетъ всякаго умертвить, равно какъ слово *га* живитъ и воскрешаетъ. Мы съ своей стороны не станемъ опровергать ни того, ни другаго.

Плоды *Джапана* многоразличны: 1) подвижнику обѣщается отпущеніе прежнихъ грѣховъ; 2) онъ признается умершимъ для настоящей жизни и перешагнувшимъ въ область безсмертныхъ боговъ; 3) онъ свободенъ отъ страха смерти: ибо гдѣ бы ни застигнутъ былъ ею, боги дѣятельно защищаютъ его, или не обнуяся принимаютъ въ свои обители. И конечно тѣмъ же манеромъ, какъ нѣкогда принятъ былъ имп герой древняго міра — доблестный Ромулъ.

Впрочемъ, поелику при совершеніи Джапана, всегда имѣется въ виду одно какое либо божество: то плоды таинства естественно зависятъ отъ этого патрона, и судя по его силѣ, бываютъ большими или мень-

шими. А потому каждый пиціатъ начинаетъ подвигъ своіі Джапапомъ Абидѣ, какъ отцу боговъ. За тѣмъ обращаются уже къ прочимъ бурханамъ. А кому удалось совершить многіе Джапапы, тотъ успокоиваетъ себя мыслію, что грѣхи его, отъ перваго до послѣдняго, изглажены и путь къ счастливымъ перерожденіямъ открытъ; "пли, говоря языкомъ Платоппческаго ученія, человѣку тому: Ἀδαμαντίνως δεῖ δη ἐιν ἀδου ἰέναι, ὅπως ἀν ἦ καὶ ἐκεῖ ἀνέκπληκτος ὑπὸ πλούτων τε καὶ τῶν τοιούτων κακῶν. Plat. de republ. L. x. p. 619.

Абіагарин-ванъ и Мидор-дзогин-ванъ.

Сказали мы, что *Джанапъ* не можетъ быть отправленъ многимъ Бурханамъ вмѣстѣ. Напротивъ, при совершеніи Абіагарин и Мидор-дзогин-вана, постоянно имѣется въ виду весь сонмъ боговъ, цѣлый Олимпъ буддическаго міра. Въ этомъ отношеніи объ послѣднія службы сколько не походятъ на Джанапъ, столько съ другой стороны сходствуютъ между собою.

Но чтобы дать понятіе и о разности, существующей между ними, должны мы предувѣдомить читателя, что какъ въ Тибет-

скомъ, такъ и въ Монгольскомъ священномъ кодексѣ, т. е. въ Ганджур-данджурѣ, одпѣ мѣста писаны на обыкновенномъ книжномъ языкѣ, другія же на *Али-Гали-Чулинчіе*, языкахъ извѣстнымъ подъ общимъ именемъ: *тарнин-келе*; и писанное на послѣдпихъ языкахъ почитается таинственнымъ въ высшемъ смыслѣ (per excellentiam). Ибо языки эти крайне мало извѣстны, и для Буддистовъ они тоже, что были іероглифы для поклонниковъ Аписа.

Теперь обратимся къ предмету статьи. Когда избраннымъ слушателямъ, съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ, прочитываются, объясняются лишь тѣ мѣста закона, кои писаны на обыкновенномъ книжномъ языкѣ, тогда дѣйствіе получаетъ названіе *Абіагарин-вана*, и на совершеніе онаго требуется сорокъ дней. Но ежели чтенію и толкованіямъ дана такая обширность, что ни *Али-Гали*, ни *Чулинчіе* не дѣлаютъ изъятія: въ такомъ случаѣ обрядъ переходитъ въ Мидор-дзогин-ванъ и требуетъ для себя уже не сорока, а шестидесяти дней.

Многое въ свою очередь требуется и отъ совершителя. Онъ долженъ совмѣщать въ

себѣ благочестіе съ духовною опытностію, знаніе Шигемуніанской вѣры, во всѣхъ ея подробностяхъ, съ основательнымъ знаніемъ священныхъ языковъ. Къ тому человѣкъ этотъ долженъ быть *Хутукту*, или по крайней мѣрѣ *Хубилганъ*, съ неоспоримыми правами на совершеніе таинствъ и съ самыми положительными доказательствами своихъ перерожденій.

А какъ люди такого значенія за рѣдкость встрѣчаются даже и тамъ, гдѣ колыбель Буддизма: то легко судить, сколь необыкновенное явленіе представляютъ собою Абіагарцъ и Мидор-дзогчи-ванъ въ странахъ, подобныхъ Сибири. Въ Монголіи нашей, даже преданія не сохранилось о бывшихъ въ ней когда либо Ванахъ. И по всей вѣроятности ни одинъ изъ Вановъ не былъ тамъ совершенъ до 1842 года.

Въ этотъ же счастливый для Буддизма годъ явился, какъ бы изъ другаго міра, изъ Срединной Имперіи таинственный пришлецъ, называвшійся *Лу-дунъ* (изъ племени Хорчитскаго). Вскорѣ обратилъ онъ на себя вниманіе религіозными, врачебными и другими познаніями. Но не легко было рѣшить—кто онъ? Ученѣйшіе изъ ламъ запя-

лись этимъ вопросомъ; взвѣшивали. опредѣляли всѣ обстоятельства времени и мѣста и наконецъ признали аксіомою, что Лудунъ есть Хутукту, прошедшій рядъ славныхъ перерожденій, а въ настоящемъ періодѣ жизни своей, подвизающійся по волѣ судебъ, для возстановленія Шигемуніева закона во всей его чистотѣ.

За гаданіями и вычисленіями, столь благопріятствовавшими пришлецу, не замедлили представить и фактическіе доводы. Ибо явились глашатаи, трубившіе повсюду, что Лу-дунъ перешагнулъ р. Селенгу, тогда какъ спутники его заботились о переправѣ; что страшныя высоты Цохонды (лобной горы), Бинде, Мунку-Сардыка и другія подобныя мѣста посѣщаются имъ среди глубокой почи, для развлеченія послѣ дневныхъ занятій; что самые мощные и злѣйшіе духи безсильны противъ Лу-дуна.

Такія сказанія и тысячи анекдотовъ потокомъ влекли къ нему кочевую орду. Обаянію не было мѣры. Оно до того возросло, что не взирая на лютость Февральской въ Сибири зимы, рѣшились приступить къ совершенію въ обледенѣломъ капищѣ сороко-дневнаго Абіагарпи-вана.

Мѣстомъ дѣйствія избранъ былъ *Цугольскій* дацанъ, находящійся въ Нерчинскомъ округѣ при р. Ононѣ. Тамъ Лу-дупъ, въ качествѣ Хутукты, торжественно явился на сценѣ.

Дальнѣйшій разсказъ беремъ изъ словъ самовидца, имѣвшаго терпѣніе находиться при Ванѣ во всѣ сорокъ дней и выслушивать уроки великаго учителя. При томъ единожды навсегда замѣтимъ здѣсь, что этому почтенному и наблюдательному человѣку (116) обязаны мы наибольшею частію интереснѣйшихъ свѣденій, которыми дорожатъ ламы, какъ зѣницею ока, и которыя посему ускользали отъ наблюдательности самыхъ тщательныхъ изслѣдователей Буддизма.

Приготовляясь къ Абіагарпп-ванну, болѣе всего заботились объ устроеніи посреди капища Джинхора, т. е. огромнаго (не менѣе кубич. сажени) жертвенника. Джинхоръ покрывали шелковыя четырехъ священныхъ цвѣтовъ ткани, исписанныя 360-ю именами боговъ,—представителей четырехъ корпеи. На Джинхорѣ находились жертвенныя принадлежности во всей ихъ полнотѣ и стройности; а возлѣ, колоссальныя для Хутукты

кресла—*банримту ширеге*, и столъ для орудій, которыми пользуются боги, какъ отличительными знаками своего достоинства, а иногда и ратуютъ имп, по примѣру Юпитера и Марса (117).

Послѣ приготовленій сего рода, подъ благопріятнѣйшимъ вліяніемъ созвѣздій, жрецы, въ священныхъ одеждахъ, отправились всѣмъ сонмомъ своимъ къ жилищу Хутукты.

Это былъ смиренный шатеръ, не въ дальнемъ разстояніи отъ капища. Легіонъ жрецовъ приближался къ нему тихо и безмолвно, безмолвствовалъ и народъ. Стонала лишь земля подъ гнетомъ народныхъ массъ.

Но вотъ завѣса поднялась,—и все пришло въ восторженное движеніе. Гандумы и Бискуры, Кенгерге и Дудармы, Селинны и Гаплины, сливаясь съ голосомъ многихъ сотней Ламъ и тысячей народа, громовымъ эхомъ отозвались на пространствѣ Цугольской пустыни и возвѣстили о торжественномъ шествіи Хутукты на великій подвигъ Абіагарин-вана.

Хутукту явился въ полномъ Гелунскомъ облаченіи съ ваншоемъ на головѣ. По прибытіи въ капище, сдѣлалъ онъ обычныя поклоненія бурханамъ, трижды (по теченію

солнца) обитель Джинхоръ и сѣлъ на приготовленномъ для него мѣстѣ. Жрецы спѣшили принять благословеніе и поднесли отъ всего собранія просительную жертву-*гюлтейн мандалъ*, съ благоговѣйнымъ подъятіемъ рукъ и всенароднымъ поклоненіемъ.

Рядъ сорока-дневныхъ бесѣдъ Лу-дупъ началъ импровизацією: о важности дѣйствія, къ которому приступаютъ слушатели, о необходимости вниманія, терпѣнія и многихъ другихъ добродѣтелей, безъ которыхъ не возможно человѣку воспользоваться всею благотворностію священнаго Абіагарип-вана, наконецъ о плодахъ сего таинства, заключающихся преимущественно въ примиреніи съ богами и въ правѣ пользоваться ихъ атрибутами, при тѣхъ обстоятельствахъ жизни, когда обыкновенные способы признаются не достаточными къ отраженію зла.

Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ своихъ Лудупъ держался строгой послѣдовательности, переходя отъ одного корня къ другому, отъ исторіи старшихъ боговъ къ младшимъ. Разумѣется, тутъ не было недостатка въ нравственныхъ приложеніяхъ, особенно когда представлялся случай распространиться въ похвалу Буддизма.

Собранія для этой цѣли, со всею торжественностію встрѣчь и провожаній Хутукты, происходили каждодневно по три раза. Но при вечерней службѣ, допускаемы были изъятія въ пользу почетныхъ лицъ, обращавшихся къ Хутуктѣ съ прозьбою объ избавленіи ихъ отъ злыхъ духовъ и другихъ злополучій.

Въ такомъ случаѣ, ночь посвящалась на совершеніе разнаго рода гурумовъ, и въ особенности Докджура.

Объ обрядовомъ дѣйствіи, извѣстномъ подъ симъ именемъ и направляемомъ противу безпокойныхъ Онгоновъ, Буковъ и прочихъ, говорили мы въ своемъ мѣстѣ. А здѣсь замѣтимъ лишь то, что касается до Цугольскаго дѣйствователя.

Пусть читатель мысленно перенесется въ страны Даурскія, на утесистые берега Онона; пусть вообразитъ, что предъ нимъ одинокое капище и необозримая пустыня. Здѣсь среди мрака зимней ночи, является таинственное существо, озаряемое лишь блуждающими огнями. Въ рукѣ его червленный копьевидный *Докджуръ*; его руйджинъ, додъ-икъ, ваншой, типъ одеждъ Іаннія и Амврія (2 Тим. III), блещутъ серебромъ,

бряцаютъ тысячью позвонковъ; унылая пѣснь его потрясаетъ душу и, кажется, духи горъ и долинъ внимаютъ ей, выглядывая изъ пещеръ исполинскими тѣнями.

Но никто не смѣетъ приблизиться къ дивному Хубилгану: ото всѣхъ отдаленъ онъ завѣтною чертою. Цѣлая орда, слившись въ одну массу, сомкнутая въ кольцо змѣею, цѣпенѣя стоитъ предъ нимъ и покорствуетъ его манію.

Пусть, говорю, вообразитъ все это читатель, и онъ постигнетъ, сколь велико было обаяніе толпы при докшитскихъ таинствахъ (Noctua geniorum sacra).

Ордынцы готовы были лизать персть Лу-дуна. Особенно при томъ актѣ, когда произнося заклинанія— *докбо*, выполняетъ онъ подъ топы музыки дѣйствіе цам-харайху (родъ пляски); потомъ входитъ внутрь горящаго шатра и тамъ, со всею ловкостію магика, вызываетъ на брань духовъ, борется съ ними и попираетъ ихъ вмѣстѣ съ Доклжуромъ своимъ.

Восторгъ народный обращался тогда въ изступленіе. И пустыня стократно оглашалась кликами, подобными тѣмъ, какими нѣкогда привѣтствовали Самаряне изумлявъ-

шаго ихъ волхва: *Эне-ину бурхану ике агога кущун мун;* это великая сила Божія (Дѣян. 8)! Такъ—

Rumor rumores, errores parturit error,
Ut nivis exiguus crescit eundo globus.

За симъ Буддистамъ нашимъ оставалось лишь доказать, что они достойные сыны великаго бакши — dignum patella operculum. И въ видахъ сихъ рѣшились взяться за сооруженіе Лхамойн—Гандоя.

Этотъ Лхамойн—Гандой представляетъ самое затѣйливое произведеніе языческаго міра.

На подвижныхъ, довольно высокихъ устояхъ строятъ квадратный амвонъ (въ поперечникѣ 4 саж.) съ 4-мя ступенями, изъ которыхъ каждая имѣетъ слишкомъ два фута въ вышину и до семи въ ширину. По угламъ нижняго яруса и въ центрѣ верхняго, ставятъ столбы, высотою до 28 футовъ, и скрѣпляютъ ихъ между собою, на данныхъ разстояніяхъ, тремя рядами перекладинъ, оканчивающихся звѣздчатыми фигурами. Такая же фигура ставится и на вершинѣ центральнаго столба. Въ этомъ видѣ придвигаютъ зданіе къ капищу, дабы предъ лицемъ всѣхъ боговъ взяться за его украшеніе.

Гандоїй оснащиваютъ на подобіе корабля. И какъ спасти, такъ и столбы обвѣшиваютъ шелковыми четырехъ священныхъ цвѣтовъ матеріями, стараяся при томъ, чтобъ подъ флагами сими совершенно исчезали изъ виду всѣ другія части зданія. На пирамидальномъ же основаніи даютъ мѣсто лѣпнымъ изображеніямъ, представляющимъ всѣ виды существъ, начиная отъ человѣка. Тутъ же полагаются и жертвенныя вещи, посвящаемыя богамъ.

Блистающій такою роскошью, Гандоїй служитъ символомъ и какъ бы одушевленнымъ представителемъ Сумбера и четырехъ главныхъ тибовъ міра. По отношенію же къ богамъ, составляетъ онъ съ одной стороны искупъ, пріемлемый ими въ удовлетвореніе злыхъ духовъ, на основаніи заключеннаго съ ними условія чрезъ посредство Шигемуніи; съ другой-ручательство, что они не попустятъ духамъ причинять народныя бѣдствія, и это на цѣлыхъ пять сотъ лѣтъ!

Подъ вліяніемъ такихъ понятій о Гандоѣ, исчезала для Буддистовъ огромность разстояній между Опономъ и Леною, между Саянскимъ и Яблоновымъ хребтомъ. Буряты и Тунгусы отовсюду неслись къ Цу-

гольскому дацану и въ пустынныхъ его окрестностяхъ представили зрѣлище, достойное самаго Аммона, не только Лу-дупа(118).

Съ наступленіемъ дня, долженствовавшаго положить конецъ Абіагарин-вану, вѣнчая его всесожженіемъ, ревъ трубъ не умолкалъ, жрецы суетились, народъ не сводилъ глазъ съ Гандоя и жаждалъ хурала.

Но характеръ докшитскаго празднества не позволялъ приступить къ обряду прежде склоненія дня къ почи. И потому не ранѣе, какъ около трехъ часовъ по полудни, началась служба.

Шествіе изъ капища открывали грозные Докшиты, коихъ личины, въ числѣ десяти, несены были на длинныхъ шестахъ. За Докшитами слѣдовали Ламы всѣхъ ранговъ, со всѣми аттрибутами ихъ званія; наконецъ явился и Хутукту.

Обошедъ съ обычною торжественностію вокругъ Гандоя, принявъ ото всѣхъ привѣтствіе и поклоненіе, началъ онъ съ высоты сѣдалища своего великую жертвенную службу поменклатурою существъ горняго міра. Всѣ они приглашались къ жертвѣ и посредничеству. Обрядъ этотъ, называемый бѣлымъ—*цаган гурумъ*, продлился до ночи;

и не смотря на то, что былъ чуждъ гласованіи и кликовъ, произвелъ глубокое впечатлѣніе, ибо опытный жрецъ, сознавая всю важность правила: si vis me flere, dolendum est tibi,—успѣлъ показаться столь набожнымъ, что у зрителей, при молитвенныхъ его воззваніяхъ, невольно исторгались слезы.

Едва окончился первый актъ службы, начали спаряжаться ко второму. Приготовленія состояли въ подборѣ огромнаго числа людей для несенія колоссальнаго Гандоя,—въустроеніи шпрентъ, оружеиосцевъ и стрѣлковъ, въ зажженіи костровъ, факеловъ и Китайскихъ огней, наконецъ, въ перемѣнѣ Хутуктою одеждъ Шигемуніанскаго обряда на докшитскія.

Теперь все принимало иной видъ, все отзывалось тревогой: ибо надлежало имѣть дѣло уже не съ мирными, а съ злыми духами. Самъ Лу-дунъ не скрывалъ своего смущенія. Голосъ его дрожалъ, глаза сверкали; во всѣхъ движеніяхъ его обнаруживалась таинственная борьба. Къ довершенію картины, ночная буря, бушуя яростно, давала случай думать, что даже стихіи принимаютъ участіе въ дѣлѣ Іхамойи-Гандоя

и, за одно съ Хутуктою, стараются духовъ тьмы извлекать изъ глубокихъ ихъ жилищъ.

Подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній, начался черный обрядъ—*хара гурум*, чтобы на долго оставить по себѣ у кочевой орды громкую память. За изступленнымъ экзорцизмами стали раздаваться свисты Ганлина, за Ганлиномъ гремѣли кенгерги и гамшины. Далѣе неслись отовсюду клики и вопли, стрѣльба и бряцаніе и все то, что только можетъ служить къ умноженію смятеній и ужаса.

Для людей, въ таинства не посвященныхъ, дѣйствія эти могли показаться вакхическими; но онѣ до іоты соглашены были съ мудрыми наставленіями *Сундоя*. А потому-то и сила обряда дѣйствовала побѣдоносно. Духи (по увѣренію жреца) стремглавъ неслись къ Гандою, хотя и знали, что ихъ ожидаетъ тутъ не честь и не радость.

Лу-дупъ, отбросивъ первое смущеніе, укорилъ и обличилъ многихъ изъ духовъ за проступки ихъ противъ Буддизма; потомъ напомнилъ всему сонму объ условіяхъ, которыя издавна, для пользы человѣчества, постановлены между могущественными богами и членами темнаго царства([119]); указалъ имъ

на предстоящій Лхамойн-гандой, какъ на великую жертву, долженствующую служить достаточнымъ искупомъ; а въ заключеніе ото всѣхъ представителей требовалъ честнаго слова, что они, до истеченія опредѣленнаго срока, не станутъ ничего затѣвать на общую бѣду тѣхъ странъ и лицъ, отъ имени которыхъ приносится Лхамойн-гандой.

Но какъ существа эти не любятъ стѣснять себя обязательствами, то Лу-дупъ, видѣвши упорство ихъ, прибѣгъ къ угрозамъ и къ помощи Докшитовъ. Тогда бѣдные духи должны были покориться необходимости и принять Гандой въ качествѣ искупа.

Послѣ сдѣлки толпо славной, обрядъ достигалъ своей цѣли. Оставалось лишь передать Гандой въ распоряженіе новыхъ его властителей. А потому данъ былъ сигналъ къ общему движенію. Толпы народа, какъ бурный потокъ, устремились къ колоссу, подняли его на рамена свои и потянулись съ этимъ беремницемъ въ пустыню на Западъ отъ капища.

Зритель случайнаго шествія дивнаго, кто бы ты ни былъ, очамъ и слуху станешь ли вѣрить, что не мечта, не привидѣнье передъ тобой? — Въ часъ полунощный, среди ну-

стыни, цѣпью безконечной тѣни кружатся. Вихри и бури вслѣдъ ихъ текутъ. Гробъ исполина всѣ провожаютъ и долгъ послѣдній ему отдаютъ. Но вотъ онъ воспрянувъ, столпъ огненный представилъ изъ себя и прахомъ своимъ пустыню усѣялъ, потомству чтобъ сказать:

Pendentes agimus vitas in littore mortis:
Tam prope mors vitae est, quam prope margo mari.
Una fere res est homini mors vitaque, sicut
Efficiut unum Terraque et Unda globum!

Epigr. Ov. p. 102.

Таковъ былъ конецъ Ихамойн-гандоя и вмѣстѣ Абіагарпи-вана. Участники обрядовъ не могутъ нахвалиться своимъ счастіемъ. Они увѣрены, что теперь для нихъ открыты почти всѣ врата мудрости и обезпечена самая дальная будущность.

Съ наступленіемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, сцена, подобная Цугольской, повторена была въ гуспно-озерскомъ дацанѣ, чрезъ совершеніе тѣмъ же пресловутымъ Лу-дупомъ *Мидор-дзогчи-вана*. Къ тому на долю Гуспно-озерцевъ досталпсь ристаніе и игры, какъ бы для увѣренія, что отъ велпкаго до смѣшнаго одинъ лишь шагъ.

СТАТЬЯ XVIII.

Награды и наказанія по смерти.

Всѣ средства, о которыхъ говорили мы, ведутъ къ одной цѣли—въ царство Сукавади. Но къ сожалѣнію, царство это такъ высоко, что на пути къ нему малѣйшая пылинка есть уже тяжкое бремя, могущее остановить полетъ самой бодрой души; и такъ свѣтозарно, что надобно быть свободнымъ отъ всякаго грѣха, снабженнымъ всѣми добродѣтелями чтобы войти въ него.

А потому, зная глубокую испорченность человѣческой природы, скорѣе слѣдовало бы отказаться отъ надежды видѣть когда либо обители блаженства, нежели стремиться къ нимъ, если бы Буддизмъ не ограждалъ своихъ приверженцевъ особыми условіями.

Мы говоримъ о перерожденіи и переселеніи душъ — παλιγγενεσις καὶ μετεμψυχοσις,—этихъ мощныхъ двигателяхъ буддійскаго міра. Они зиждутъ вѣру Буддиста, даютъ направленіе

его нравственности и питаютъ сладкою мечтою, что душа его, рано или поздо, должна будетъ, дѣйствомъ пресельничества, отрѣшиться отъ всего земнаго и стать на высшей степени требуемаго отъ нея совершенства.

Лѣствица такого восхожденія, при безконечномъ разнообразіи нравственныхъ состояній, не можетъ не быть разнообразною. Съ другой стороны, она не лишена и начала единства, непосредственно зависящихъ отъ единства человѣческой природы, и той цѣли, къ которой ведется человѣкъ. На сихъ-то началахъ останавливаемъ теперь вниманіе.

Разумной душѣ нельзя оставаться въ состояніи неопредѣленномъ. А чтобъ получить назначеніе, душа должна отправляться въ міръ духовъ. Они же и провожаютъ ее туда. И обыкновенно, являясь къ пресельницѣ въ часъ разлуки ея съ тѣломъ, невольно даютъ ей замѣтить взаимное между собою различіе.

Одни имѣютъ видъ грозный, другіе прелестный; одни сыплютъ ласкательства и обѣщанія, другіе едва удостоиваютъ взглядомъ. Но горе душѣ, которую лесть прельщаетъ. Злые искусители—*ургачии* совращаютъ ее съ пути и заставляютъ платиться

вѣковымъ страданіемъ за слѣпое къ нимъ довѣріе.

Напротивъ, если душа умѣла побѣдить искушеніе, то мнимо грозные, но существенно добрые духи — *помун сакигулсан*, беруть ее подъ свое покровительство и препровождаютъ къ богу милосердія Аріаболо, который въ свою очередь старается представить ее Эрлик-Номун-хану, для суда.

Роковой судъ надъ грѣшною душей продолжается сорокъ дней, при участіи Аріаболо и всѣхъ тѣхъ боговъ, которымъ душа паиболѣе благоугодила. Впрочемъ во всякомъ случаѣ, рѣшеніе участи зависитъ отъ самаго Номун-хана.

Онъ тщательно разсматриваетъ меморію дѣлъ души; наконецъ ставитъ ее предъ зеркаломъ—*гечен толи*, способнымъ отражать въ себѣ, со всею вѣрностію, не только внѣшнія формы, но и самыя сокровенныя свойства. Познанная такимъ образомъ, а равно и сама себя познавшая, душа выслушиваетъ приговоръ, и въ слѣдъ за тѣмъ, силою судебъ, увлекается на одинъ изъ путей, ведущихъ изъ дворца Номун-хана: во адъ и къ мытарствамъ, въ міръ перерожденій и въ царство Сукавади. Картина всѣхъ этихъ

мѣстъ стóитъ того, чтобъ на нее взглянуть.

Адъ.

Адъ—*тамо* дѣлится на двѣ части, разительно одна другой противоположныя. Въ одной половинѣ горитъ вѣчный огонь, въ другой царствуетъ хладъ и тьма. Въ одной мгновенно отъ жара горы таютъ какъ воскъ, въ другой отъ холода разсыпаются опѣ въ прахъ.

Главныя части подраздѣляются на 16 отдѣленій (120). Во главѣ ихъ стоитъ *Аюстамо* — ужасный адъ, или геенна, предназначенная для виновныхъ въ смертныхъ грѣхахъ; за геенною слѣдуетъ пять узилищъ, гдѣ томятся виновные въ грѣхахъ близкихъ къ смертнымъ; остальные же отдѣлы занимаются учинившими грѣхи черные.

Каждое изъ сихъ отдѣленій, сообразно цѣли, имѣетъ свою особую характеристику. Но общій ихъ типъ нигдѣ такъ не выражается, какъ въ Аюс-тамо.

Не легко однакожъ найти терминъ, который бы соотвѣтствовалъ значенію толико замѣчательнаго, по ужасамъ своимъ,

мѣста. Море ли это огненное, или вулканъ, вѣчно бушующій? Печь ли горящая огнемъ неугасающимъ, или жерло бездны, дымъ котораго восходитъ до неба?

Итакъ, пусть читатель самъ выбираетъ любое названіе, а мы только опишемъ предметъ.

Люс-тамо содержитъ восемдесять тысячь квадратныхъ миль. Огражденъ онъ желѣзными стѣнами и наполненъ массою расплавленнаго чугуна—*хаилаксан ширемс*. Въ этой массѣ, непрестанно влаемой силою огня, носятся грѣшники, то погружаясь до дна, то всплывая на поверхность. Къ довершенію ужаса, тѣла страдальцевъ, при каждомъ погруженіи, сгараютъ до костей, а съ каждымъ всплывомъ, возраждаются, чтобы опять горѣть и опять родиться для новыхъ мученій! Гдѣ же, спросятъ, конецъ этому процессу? Онъ за безчисленнымъ рядомъ вѣковъ. Ибо продолжительность мученій опредѣляется мѣрою, содержащею 8 кубич. саж. гунжита (родъ коріандра), зерна котораго вынимаются изъ сосуда чрезъ сто лѣтъ по одному.

Случается, что несчастные, завидѣвъ издали отверстое жерло, стремглавъ мчат-

ся къ нему въ чаяніи избавленія. Но увы! Мнимое отверзтіе есть только зіяніе бездны. И адъ, посмѣявшись надъ узниками, съ ревомъ и клокотомъ сжимаетъ предъ ними пасть свою, прилагая такимъ образомъ къ ужасамъ мукъ новые ужасы отчаянія.

Сказанное имѣетъ приложеніе и къ прочимъ 15-ти отдѣламъ ада, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что мученія въ пяти ближайшихъ къ Аюс-тамо—вдвое, а въ остальныхъ десяти отдѣлахъ—втрое легче и короче. Всѣ же вообще мучилища—*тамойн орон*, находятся въ средоточіи земли и составляютъ собою страшное царство Чойжила, наиболѣе извѣстнаго Монголамъ подъ именемъ Эрлик-номун-хана ([121]).

Мытарства.

Мытарства предназначены для очищенія тѣхъ грѣховъ, которые входятъ въ категорію слабостей — *писванис*. А поелику человѣческихъ слабостей 48 т., то и мытарства раздѣлены на такое же число.

Одинъ изъ нихъ расположены въ ярусахъ земли — *долон данхор*, на пространствѣ между адомъ и міромъ перерожденій; почему и называются переходными, или срединны-

мп—*дзагурдейн гасаланту хабцагай.* Въ отношеніи къ душѣ, проводимой ими, составляютъ они истинно скорбный и тѣсный путь. Бѣдная странница не только обременяется здѣсь тяжкими злоключеніями, но даже принуждена бываетъ въ питку вытягиваться, чтобъ пройти сквозь какіе либо термопилы.

Другія мытарства, находясь въ мѣстахъ таинственныхъ, похожи на Армидины сады, гдѣ все изумляетъ, все располагаетъ къ покою и радостямъ. Обаяніе этихъ мѣстъ тѣмъ сильнѣе, что душа видитъ здѣсь предъ собою тѣ самые предметы, которые нѣкогда льстили ея самолюбію и питали въ ней чувственность, встрѣчается съ старыми друзьями и пріятелями, готовыми ко всякимъ услугамъ.

И вотъ она думаетъ забыть тысячелѣтнее горе и освѣжиться у тихо журчащаго ручейка. Но что жъ? Вмѣсто кристальнаго ручья, находитъ гнѣздо шипящихъ змѣй; простираетъ руку къ другу—и обнимаетъ чудовище; хочетъ укрыться подъ тѣнью деревъ—и падаетъ на горящіе угли. Словомъ, убійственнымъ метаморфозамъ нѣтъ мѣры, нѣтъ числа.

Все это работаютъ стихійные духи—

шилпусы, поставленные въ мѣстахъ сихъ въ качествѣ карателей за злоупотребленіе внѣшними чувствами. Они умѣютъ лукаво проводить душу изъ одного мытарства въ другое, манить, пугать, тѣшить и дѣлать ее жертвою всякаго коварства; доколѣ наконецъ обезсиленная потрясеніями, но вмѣстѣ и очищенная, погружается она въ мертвое безчувствіе, чтобъ воспрянуть уже за предѣлами мытарствъ, въ мірѣ перерожденій.

Перерожденіе и переселеніе душъ.

По началамъ буддійской психологіи, души раздѣляются на *вещественныя* и *духовныя*. Вещественныя зарождаются вмѣстѣ съ тѣломъ подъ вліяніемъ теплоты и влаги—*дзуген дулаган-еце*, дѣйствуютъ механически на условіяхъ соотношеній (combinationum) частей цѣлаго, и съ разрушеніемъ его уничтожаются. Таковы души насѣкомыхъ—*цохо хорхой*.

Напротивъ того, духовной натуры души, не имѣя ничего общаго съ матеріею, вселяются въ тѣла изъ внѣшняго міра и, руководясь закономъ ума своего, совершаютъ вѣковѣчный круго-оборотъ перерожденій—

эргин туруку, харин иреку, и преселе-ній—*хубильджу туруку*.

Не потому однакоже, чтобъ это была первоначальная воля судебъ, но злоупотребленіе сдѣлало благородную душу принуждённою терпѣть и перерожденія въ сферѣ человѣчества, и преселенія въ сферѣ низшихъ существъ, далеко не соотвѣтствующихся достоинству.

Самые же пути указуются Чойжиломъ, на основаніи законовъ правды, до того неизмѣнныхъ, что каждому человѣку, вникнувъ въ состояніе души своей, очень не трудно предугадать будущій свой жребій.

Такъ, самонадѣятельнымъ и гордымъ—*найданой, омок*, готовится томительная бездѣйственность въ области Тенгериновъ, а потомъ уничиженіе среди людей. Злонравные—*урин*ъ, неминуемо должны отправиться къ мятежному Асури. Ненасытные корыстолюбцы-*харамъ*, увидятъ себя въ образѣ чудовищнаго Бирита и станутъ, подобно тантalу, томиться голодомъ и жаждою, сидя на берегахъ Океана. Лѣнивыхъ и неразсудительныхъ ожидаетъ неизбѣжность преселенія въ тѣла безсловесныхъ тварей—*адагусъ*. Изувѣры и всѣ развращенные серд-

цемъ—*тачіангой*, не могутъ избѣжать участи Ергачиновъ, Шимпусовъ и подобныхъ имъ существъ. Тоже должны испытать на себѣ и послѣдователи черной вѣры, а тѣмъ болѣе Шаманы.

Переходы такіе достаются, какъ видимъ, на долю порабощенныхъ грубой чувственности. Но ежели человѣкъ умѣлъ обезсилить въ сердцѣ своемъ корень зла и насадить въ немъ доброе сѣмя, въ такомъ случаѣ ведется онъ путемъ счастливыхъ перерожденій—*джигаланту турулъ*, поднимаясь выше и выше на высоту нравственнаго совершенства. Ступени этого восхожденія многочисленны; но вотъ важнѣйшія изъ нихъ:

1) Рожденіе въ правой вѣрѣ—*шаджиту уг думда туруку*, стоящее въ противоположности съ рожденіемъ въ области невѣрія—*заха кушигун орондо туруку*.

2) Рожденіе безъ недостатковъ душевныхъ и тѣлесныхъ—*эркетен буритку*.

3) Рожденіе, сближающее съ мудрыми наставниками—*ачиту Лама-луга учирху*.

4) Рожденіе, дающее возможность слушать уроки закона—*ном соносху*.

5) Рожденіе, способствующее человѣку

къ изученію закона и ко внѣдренію его въ сердцѣ—*ойндорь-ен токтогаху.*

6) Рожденіе, коимъ отстраняются препятствія въ дѣлѣ исполненія законовъ вѣры—*тегунчилен уйлетку.*

7) Рожденіе, поставляющее на степени вождя и учителя истины-*босот тор унеи удзегулку.*

8) Рожденіе, отстраняющее собою всѣ преткновенія и дающее человѣку возможность пребыть до конца жизни свободнымъ отъ всякаго грѣха-*уйлейн эцус есе буругудаху.*

Счастливъ, кто взошелъ на эту высоту: онъ превыше житейскихъ превратностей, и есть прямой наслѣдникъ царства Сукавади.

Una salus servire Deo est: haec gaudia sola
Vera puta, quorum gloria finis erit.

Царство Сукавади.

Выше замѣтили мы, что царство Сукавади, иначе *Девадженин орон*, слишкомъ далеко отъ земли. Разстояніе это опредѣляется трех-тысячною великою тысячею заміроваго пространства-*гурбан мина, ике минган иртынцуйн цана* (122).

Однакожъ и при такой отдаленности, зем-

пой нашъ міръ не перестаетъ быть видимымъ. Представляемое имъ зрѣлище всегда предъ очами небожителей. Но какое это зрѣлище! Людскія жилища являются чѣмъ-то похожимъ на змѣиное гнѣздо—*хорто могойн егур мету*. Вся земля носитъ образъ геенны, дымъ и пламя которой, усиливаемые непрестанно токомъ дѣлъ человѣческихъ, поднимаются до неба и нисходятъ до послѣднихъ глубинъ земля — *долон дапхор газарун-доро*.

Картина такихъ ужасовъ допущена не безъ цѣли. Показывая небожителямъ превосходство ихъ состоянія, она порождаетъ въ нихъ чувство самодовольствія и благодарности къ богамъ. И это чувство постоянно усиливается въ нихъ по мѣрѣ того, какъ познаютъ они цѣну райскаго блаженства.

Въ преддверіи царства Сукавади, душу привѣтствуетъ (*менделеку*) благоухающій цвѣтокъ—*бадма линхова*, столь прелестный, что при одномъ взглядѣ на него нельзя не забыть всѣхъ житейскихъ бѣдъ и испытаній. А ежели душа принесла съ собою въ горній міръ хотя тѣнь какой либо слабости, то бадма линхова развертываетъ предъ нею

дивные свои листья и, принявъ ее въ нѣдра свои—*куйсуту дотора*, даетъ ей возможность очиститься, облагоухаться и вполнѣ созрѣть во всѣхъ совершенствахъ, или точнѣе сказать, переродиться, подобно Фениксу, который какъ извѣстно:

Confectus senio se mittit in ignem
Ut propriis iterum pullulet exequiis.

Обновленную душу встрѣчаютъ служебные духи—*такилут тенгерин* и, принявъ ее съ радостными кликами, провождаютъ къ подножію престола, поддерживаемаго восемью львами—*найман арсаланту тапцану-эмеле*, и тѣмъ выше возводятъ ее, чѣмъ болѣе она очищена.

Возсѣдающій на престолѣ Абида, узрѣвъ пресельницу, виспосылаетъ ей слово своего утѣшенія и назначаетъ мѣсто, сообразное съ ея достоинствомъ:

Huc omnes pariter venite capti,
Quos fallax ligat improbis catenis
Terrenas habitans libido mentes;
Hic erit vobis requies laborum,
Hic portus manens placida quiete,
Hic patens unum miseris asylum

Boët. lib. 3. Mat.

Впрочемъ случается, что нѣкоторыя ду-

ши, для общаго блага—*хамок амитану тусейн-тола*, не останавливаясь долго на указанной имъ степени блаженства, возвращаются вспять и начинаютъ новый рядъ перерожденій въ лицѣ такихъ особъ, каковы Банъчень-богдо, Далай-лама и всѣ Хутукты. Явленія эти, не подходя подъ общее правило, составляютъ собою чрезвычайное изъятіе. Ибо души такихъ перерожденцевъ не принадлежатъ міру, но служатъ для него свѣтилами и постояннымъ органомъ волп боговъ, проходя путь жизни своей virtute duce, comite fortuna.

Здѣсь оканчиваемъ мы изслѣдованіе о Буддійскомъ вѣроученіи. Ибо углубляться въ дальнѣйшія каверны его мистерій, или парить въ высоту метафизическихъ созерцаній, вслѣдъ за Индѣйскими мудрецами, считаемъ дѣломъ чуждымъ для цѣли своей, да и не безопаснымъ. Слишкомъ смѣлые и дальніе полеты, куда бы ни направлялись они, намъ кажутся всегда близкими къ приключеніямъ Икара и Фаетона.

Icarus et Phaëton dum magna capescunt,
Occidit hic flammis, ille peremtus aquis.

СТАТЬЯ XIX.

Борьба Буддизма съ Шаманствомъ и характеръ послѣдняго.

Ежели вѣрить книгѣ Улигеруп далай, то Шаманство въ періодѣ послѣдняго изъ пятисотныхъ перерожденій Шигемунія (т. е. за тысячу лѣтъ до Р. Хр.) было всеобщею религіею, имѣло писанный законъ и многія магическія книги; а представители этой вѣры Шаманы, держа въ рукахъ своихъ ключь къ таинствамъ природы—mysteriorum et secretorum, дивили свѣтъ метаморфозами и всякаго рода чудеспостями (123).

Съ ними-то долженъ былъ бороться Шигемуни. И онъ, въ качествѣ посланника отъ верховнаго Будды, объявилъ себя противникомъ всѣхъ послѣдователей Черной вѣры—*хара шаджинъ*. Однакожъ, стараясь приводить ихъ въ послушаніе Буддійскаго закона, достойнымъ цѣли своей средствомъ признавалъ только милость и правду, даръ слова и чудесъ. И мудрѣйшіе изъ людей сами притекали къ нему, чтобъ озариться

свѣтомъ его ученія и стать на пути счастливѣйшихъ перерожденій.

Первымъ мѣстопребываніемъ сонма избранныхъ сихъ была прекрасная область божественнаго хана, въ лѣсахъ которой витаетъ птица Галиндига—*бурхану хагану болгасун-даки галиндига шибугуну герыяту модону ойдор орошиксан бой.* Ханъ этой области, по имени Об-гамби, принадлежалъ къ числу ревностнѣйшихъ послѣдователей Шигемунія и царски покровительствовалъ Буддизму. Но младшій братъ его представлялъ собою жалкую жертву ослѣпленія. Шаманы окружали его, тѣшили, морочили и дѣлали изъ него, что хотѣли.

Об-гамби, истощивъ всѣ средства ко вразумленію заблудшаго, рѣшился наконецъ вывести Шамановъ на позоръ и показать ничтожество ихъ предъ великимъ Тойномъ Годомою (такъ назывался Шигемуни, явившись въ періодъ послѣдняго перерожденія своего). Впрочемъ мысль царева оставалась въ глубокой тайнѣ, а призыву во дворъ его данъ былъ весь характеръ гостепріимства.

Первенствомъ распоряжался ханскій братъ, и потому Шаманамъ досталась честь явиться прежде другихъ и занять почет-

нѣйшія мѣста. Шигемуни не могъ не замѣтить и не изобличить этой дерзости. Онъ гнѣвно взглянулъ на Шамановъ—и что же? Всѣ они заколебались, какъ былинки, и мгновенно очутились за дальнѣйшими рядами, бывъ отброшены туда невидимою силою. Столь необычайная катастрофа, совершившаяся надъ шестью стами человѣкъ, всѣхъ изумила, только не Шамановъ. Привыкши изъ дѣтства къ оргіямъ, люди эти разсуждали по своему. Имъ казалось, что Шигемуни, хотя и не кстати, по воспользовался ихъ оплошностію и произвелъ потѣшный фокусъ. Разсуждая же такимъ образомъ и оградивъ себя экзорцизмами — *былгс, тулгу, керык, дзарик*, Шаманы ринулись сквозь ряды для занятія прежнихъ мѣстъ. Но духъ Пюона вѣрно забылъ на эту пору о своихъ кліентахъ. Ибо порывамъ ихъ не соотвѣтствовалъ успѣхъ дѣла. Жалкіе ратоборцы принуждены были покориться необходимости, оставивъ славу побѣды за Шигемуніемъ.

Послѣ трагической сцены, все пришло въ должный порядокъ, и гости начали умывать руки, какъ требовалъ того обычай. Тѣмъ нужнѣе это было для Шамановъ послѣ

бѣдоваго съ ними приключенія. И они спѣшили къ водѣ, чтобъ омыть поношеніе и устудить языкъ свой. Что жъ случилось?

Вода будто окаменѣвала, когда Шаманъ прикасался къ сосуду. При всѣхъ усиліяхъ, капли нельзя было добыть ни для умовенія, ни для утоленія жажды. Наконецъ къ довершенію позора, Шаманамъ среди великолѣпнаго пиршества пришлось еще и голодовать. Ибо подносимыя имъ блюда улетали отъ нихъ такъ быстро, что гостямъ симъ не удавалось даже перстомъ коснуться лакомыхъ снѣдей, коими пресыщались Шигемуписты. Такія мистификаціи довели несчастныхъ до изступленія. Они сидѣли окаменѣлые, недвижимые и представляли въ лицѣ своемъ живой образъ Оролоновъ.

Хапъ Об-гамби отъ души радовался, что предположенная имъ цѣль вполнѣ достигнута. Не только братъ его, но и всѣ вельможи презрѣли черную вѣру и обратились къ вѣрѣ желтой. А Шаманамъ ничего болѣе неоставалось, какъ бѣжать отъ общаго посмѣянія и втайнѣ придумывать средства къ поправленію дѣла.

И когда убитые горемъ, сидѣли они въ пустынѣ—*аглакчи орондор*, къ нимъ явил-

ся легіонъ Шимусовъ съ предложеніемъ услугъ и вмѣстѣ съ требованіемъ новыхъ обязательствъ на неограниченную темпому царству покорность. Шамапы охотно согласились. И тутъ же изъ среды ихъ избраны были шесть представителей, которые, кромѣ личныхъ достоинствъ, имѣли то важное предъ прочими преимущество, что принадлежали къ знаменитымъ родамъ, умѣвшимъ искони хранить и возращать шесть господствующихъ въ мірѣ золъ.

Вожди эти, принявъ въ распоряженіе полчища Шаманистовъ и сопутствуемые Шимусами, пробрались въ мѣстопребываніе Тоїна Годомы и напали на него. Тогда представилось ужасное зрѣлище. Земля тряслась подъ ногами Годомы, вокругъ него стихіи бушевали; градъ и перуны сыпались на главу его, и цѣлый адъ боролся съ нимъ. Но все было напрасно! Годома стоялъ твердынею и посмѣвался:

Saeviat atque novos moveat fortuna tumultus.
Quantum hinc imminеat?

Однакожъ Шамапы и тѣмъ были довольны, что Шигемунисты остались въ бездѣйствіи. Обстоятельство это, ободривъ ихъ, дало имъ смѣлость обратиться къ Об-гамби съ прозь-

бою, дабы Шигемуни побуждепъ былъ вступить въ публичное состязаніе съ представителями черной вѣры. Об-гамби, питая глубокое уваженіе къ Шигемунію, предоставилъ собственной его волѣ—принять, или отвергнуть предложеніе. И оно было принято.

Тогда начались приготовленія, и всѣ были увѣрены, что Шаманству готовится роковой ударъ, подъ тяжестію котораго должно оно пасть и исчезнуть навсегда. Каково же было общее изумленіе, когда пронеслась вѣсть, что Шигемуни, и съ нимъ 1200 Гелуповъ бѣжали, не дождавшись дня, назначеннаго для состязаній, и скрываются въ Вайсали, области Хана Лизей ори? Шаманы не шли, а мчались за бѣглецами, оглашая путь побѣдными кликами. Туда же отправился и самъ Об-гамби, дабы узнать причину столь страннаго поступка.

Между тѣмъ Шигемуни повторилъ ту же исторію и въ Вайсали. По убѣжденію Лизей ори, сперва показалъ онъ готовность вступить съ Шаманами въ состязаніе, потомъ измѣнилъ своему слову, и за день до срока ушелъ *(отбай)* въ Гоосамбиръ къ хану Одіану. Изъ Одіанова же царства от-

правился въ Барапзу, а потомъ въ Тигисарп, Варпасопъ, Габалпкъ и далѣе (124). Такимъ образомъ, переходя изъ страны въ страну, отъ одного парода къ другому, и достигнувъ Садарвасуп болгасупа, гдѣ владычествовалъ ханъ Гегегенъ плагукчи (добропобѣдный), Шигемуни рѣшился приступить къ развязкѣ Горгіева узла. Да и время было объ этомъ подумать: ибо съ каждымъ днемъ сколько терялъ Буддизмъ, столько выигрывало Шаманство.

Однажды приглашенъ будучи въ общество хановъ, прибывшихъ въ Садарвасопъ болгасунъ (и это случилось въ первой четверти Бѣлаго мѣсяца—*хобирун теригун сарейп шигендо*), Шигемупп послѣ сытнаго обѣда, находясь въ наилучшемъ расположеніи духа, воткнулъ въ землю зубочистку свою—*шигдуп чигечилур*, и опа, къ общему удивленію, мгновенно разцвѣла и представила огромное вѣтвистое дерево—*табун дзегун бер*, обремененное множествомъ разныхъ плодовъ. Плоды эти всѣхъ восхищали и всѣ, кромѣ Шамановъ, наслаждались ими.

Слава толико дивныхъ дѣлъ. а ихъ было пятпадцать (125), не могла безмолвствовать.

Она гремѣла повсюду и всѣхъ приводила въ восторгъ и удивленіе. Ханы и народъ спѣшили на поклоненіе къ великому Хутуктѣ и сопровождали его до самой области Бурхан-хана Об-гамби. А тутъ явились къ нему два знаменитые Тенгерина—Хормузда и Асури, и явленіемъ своимъ осязательно доказали, что самъ Будда принимаетъ участіе въ дѣлахъ Шигемунія.

Но Шаманы ни на что не обращали вниманія. Увлекаемые злымъ рокомъ, они настаивали на томъ, чтобъ сразиться съ Шигемуніемъ, и дерзновенно выступили на поле брани, въ числѣ шести сотъ тысячъ человѣкъ.

Въ это время Шигемуни возлегалъ на львиномъ *(арсалангун)* сѣдалищѣ, имѣя возлѣ себя, въ качествѣ ассистентовъ и совѣтниковъ, Асури и Хормузду. Прочія же лица, въ томъ числѣ и ханы, заняли мѣста въ почтительномъ отдаленіи, и всѣ, отъ перваго до послѣдняго, хранили глубокое молчаніе, надѣясь видѣть и слышать небывалыя въ мірѣ состязанія. И этого тѣмъ больше надлежало ожидать, что Мангари, Кедегетуба, Букун-еце илагуксанъ и другіе представители Шаманства считались пер-

вѣйшими діалектиками — *маши угулекчи болбай.*

Но случилось то, чего никто не ожидалъ. Шигемуни, не удостоивъ Шамановъ ни словомъ, ни взглядомъ, рѣшилъ участь ихъ однимъ мановеніемъ руки. Ибо едва коснулся онъ сѣдалища своего, оно потряслось и вмѣстѣ съ тѣмъ раздался дикій голосъ, похожій на ревъ слона; вышелъ изъ земли огонь и явились геніи, которые, въ видѣ грозныхъ богатырей, бывъ предводимы самимъ Очирвани, ринулись на Шамановъ и стали поражать ихъ. Несчастные искали спасенія въ бѣгствѣ. Но рѣка преградила имъ пути, и такимъ образомъ погибель ихъ сдѣлалась почти всеобщею. Изъ шести сотъ тысячь уцѣлѣло всего двѣсти Шамановъ. И они-то, разсѣявшись по міру, послужили орудіемъ къ сохраненію тѣхъ темныхъ понятій о черной вѣрѣ, кои до нынѣ удерживаются ея послѣдователями.

Легенда эта, при всѣхъ вымыслахъ, омрачающихъ ее, даетъ видѣть ту истину, что распространеніе Буддизма, порожденнаго въ Индіи, сопровождалось кровавою борьбою съ Шаманами. И Шигемунистамъ не разъ приходилось искать убѣжища и

защиты въ разныхъ странахъ. Но по мѣрѣ того, какъ властители подчинялись вліянію новаго вѣроученія, положеніе Шаманистовъ дѣлалось затруднительнѣе. Преслѣдуемые огнемъ и мечемъ, одни изъ нихъ принуждены были уступить силѣ, другіе разсѣялись и вмѣстѣ съ тѣмъ стали разсѣвать заблужденія свои, гдѣ и какъ могли.

Выводъ нашъ находитъ основаніе въ самомъ существѣ шаманской вѣры. Извѣстно, что область этой вѣры нѣкогда была очень обширна. Да и нынѣ послѣдователи Шаманизма находятся между Манжурами, Монголами, Тунгусами, Калмыками, Якутами, Чукчами, Татарами, Остяками, Чувашами, Черемисами, Вотяками, Киргизами и разными другими мелкими племенами, не исключая островитянъ Восточнаго океана. Взаимная племенъ сихъ разность конечно велика: но характеръ держимаго ими шаманства почти одинаковъ. Догматы и обряды, преданія и повѣрья носятъ типъ тождества, оттѣняваемый лишь частными условіями жизни каждаго народа. А такое единообразіе вѣтвей не служитъ ли доказательствомъ единичности корня?

Шаманизмъ, допуская во вселенной дѣй-

ствіе двухъ началъ—добраго и злаго, признаетъ себя обязаннымъ служить тому и другому; и единичную въ существѣ своемъ идею о Божествѣ развѣтвляетъ и доводитъ до чудовищнаго политеизма. У Монголовъ процессъ этой догматики выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ:

Между божествами первое мѣсто занимаетъ Тенгери, какъ источникъ жизни и всякаго добра. Впрочемъ не легко опредѣлить первоначальное значеніе слова тенгери и соединяемое съ нимъ понятіе. Мы держимся той мысли, что слово Тенгери, въ смыслѣ Шаманскаго, равно какъ и Буддійскаго вѣроученія, имѣетъ гораздо больше приложенія къ духамъ, обитающимъ въ дольнемъ и горнемъ мірѣ, нежели къ видимому и вещественному небу. Мнѣніе свое основываемъ на томъ, что эпитетъ Тенгери прилагается къ тысячамъ недѣлимыхъ, начиная съ Хормузды.

И то очевидно, что Тенгерины представляютъ собою олицетвореніе небесныхъ явленій, силъ природы, стихій и даже человѣческихъ страстей. Таковы напримѣръ: 1) Багаторъ (или Батырь) тенгери, геній храбрости, 2) Дайсун тенгери—покровитель

войны, 3) Кисаган (кисанъ)—защитникъ и податель побѣды, 4) Дзолъ дзаягачи—богиня дарующая дѣтей и пекущаяся о ихъ счастіи и здоровьѣ.

Сюда же относятся и Иреп юсун сульде девяносто девять геніевъ, господствующихъ надъ горами, рѣками, лѣсами, пустынями, звѣрьми, и проч. Шаманисты считаютъ Сульде сколько храбрыми, столько и внимательными. Почему въ пашѣвахъ шаманскихъ всего чаще слышится слѣдующій монологъ;

Иреп юсун тенгери
Иренкуй бугудугер сонсоктун:
Алтай ханъ, Кунтей ханъ
Керелен гол, Ханган ханъ
Мунку ханъ. . . .
Онон, бальджин орхон тулейн
Эдзет хамок бугудугере иреткуй та.

то есть:

Девяносто девять Тенгериновъ! внимайте словамъ нашимъ! Алтай ханъ, Кунтей ханъ.... вы, владычествующіе повсюду, поспѣшите къ намъ!

Духи входящіе въ эту категорію дѣлятся на благодѣтельныхъ и злыхъ—*цаган, хара дзугун тенгери.* И первые изъ нихъ,

будучи по натурѣ своей добрыми, ни въ какомъ случаѣ не возбуждаютъ опасенія. Они и являются лишь тамъ, гдѣ нужна ихъ помощь и услуга. Напротивъ послѣдніе—*хара дзугун тенгери*, какъ естественно злые, питаютъ всегдашнюю вражду не только къ людямъ, но и къ самому небу. Ихъ-то Шаманизмъ боится и вмѣняетъ въ главнѣйшую обязанность укрощать злобу ихъ жертвами и молитвами.

Посл общее имя Читкуровъ, существа эти дѣлятся на многіе виды, запечатлѣнные тѣмъ же типомъ, какой выражается и въ Буддійскомъ духословіи.

Замѣчательнѣйшіе изъ класса Читкуровъ суть слѣдующіе:

1. Эльс; онъ является въ видѣ коршуна, который, сидя на дикомъ конѣ, впустивши когти въ гриву, стрѣлою мчится по горамъ и степямъ. Явленіе Эльс имѣетъ двоякое значеніе:—готовящійся къ шаманству видитъ знаменіе своего призыванія; а человѣкъ обыкновенный предвѣстіе злополучія.

2. Ада, видимо невидимо носится въ пустыняхъ среди жилищъ; пугаетъ людей, возбуждаетъ крамолы и самыя междоусобныя страсти.

3. Албинъ,—существо шутливое. Шатаясь по дебрямъ и распутіямъ, дѣлаетъ окликн, зажигаетъ ложные огни, представляетъ фантастическіе виды, и всѣмъ этимъ вводитъ людей въ обманъ, сбиваетъ съ толку и заставляетъ блуждать.

4. Кульчинъ. Это страшилище принимаетъ на себя разные виды и тѣшится, что являясь, гдѣ его не ожидали, наводитъ на человѣка ужасъ.

5. Букъ. Онъ принадлежитъ къ числу домовыхъ и, поселившись въ юртѣ, не дастъ покою ни днемъ ни ночью. Впрочемъ Шаманы умѣютъ выгонять его.

Среднее между добрыми и злыми Тенгеринами мѣсто занимаютъ Онгоны. Подъ симъ именемъ разумѣются души людей, которые прославившись въ жизни добрыми или злыми дѣяніями, не прервали и по смерти прежнихъ своихъ отношеній къ міру и продолжаютъ дѣйствовать то во вредъ, то въ пользу живыхъ. И тѣ изъ нихъ, которые приняли злое направленіе, наносятъ повѣтрія, причиняютъ тяжкія болѣзни, губятъ дѣтей, изнуряютъ скотъ; словомъ, они бичь того племени, среди котораго водворились.

Побужденіемъ же ко всему этому слу-

жить для злыхъ Опгоповъ сколько старая ихъ привычка жить на бѣду людямъ, столько и жалкое ихъ положеніе. Ибо, будучи отягчены массою злодѣяній, они лишены возможности переселяться въ другой міръ и принуждены скитаться по міру въ теченіи тысячелѣтія.

Но чья именно душа и какимъ опгопомъ сдѣлалась, это въ состояніи опредѣлить только Шаманъ. Его же дѣло разлпчать Опгоповъ и даже изгонять ихъ изъ человѣка и изъ жилищь.

Не лишне замѣтить здѣсь, что Опгопами всего чаще дѣлаются души Шамановъ. И перечень ихъ, распѣваемая при обрядахъ, составляетъ безконечный гимнъ.

Обрядовая часть шаманства даетъ видѣть съ одной стороны мертвенную пустоту, съ другой гласованіе и кличь, выражающія духъ и характеръ Докшитскаго чина.

Рожденіе дитяти и нареченіе ему имени сопровождается домашнимъ праздникомъ. Но если опасаются за жизнь ребенка, то призываютъ Шамана. И онъ, совершивш кырык-дзарикъ и возліяніе, поставляетъ на почетномъ мѣстѣ свой Абагалдей, т. е. уродливую личину, составляющую принад-

лежность служебнаго шаманскаго наряда. Доколѣ Абагалдей этотъ находится въ Юртѣ его чествуютъ и умащаютъ; а долгъ Шамана навѣдываться о здоровьѣ ребенка и исправлять при немъ обязанности жреца, магика и врача. Когда же дитя благополучно достигнетъ одполѣтняго возраста, Абагалдей берется назадъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для Шамана учреждается пиръ: ему дается конь, одежда и, что всего важнѣе, почетный титулъ найджи,—т. е. благонадежнаго.

Здѣсь не лишне замѣтить, что бѣдныя семейства, во избѣжаніе разсчетовъ съ Шаманомъ, Абагалдей его замѣняютъ изображеніями онгоповъ, развѣшиваемыми по стѣнамъ юрты въ войлочныхъ сумочкахъ. Во главѣ ихъ обыкновенно ставятся дѣлаемые изъ черной овчинки, кожаные идолы—эмегельджи, или хан-заягакчи.

При совершеніи брачныхъ союзовъ, религія Шаманская проявляется въ поклоненіи огню, чтимому подъ именемъ галохан-эке, или Ут-галай ханъ, совершаемомъ точно такъ, какъ совершаютъ оное и Буддисты. Все прочее даетъ видѣть въ себѣ лишь житейскій разсчетъ. Заплативъ колымъ, женихъ

вступаетъ въ права мужа часто безъ всякихъ формальностей. Въ свою очередь и жена, по возвращеніи колыма, считается независимою. Или дѣло такъ устроивается, что мужъ передаетъ ее другому, и получаетъ отъ него былыкъ, т. е. даръ. Словомъ здѣсь допускаются всевозможныя перемѣны, безъ малѣйшаго вниманія не только къ правиламъ нравственнымъ, но и къ самымъ условіямъ семейнаго счастія.

Тѣмъ мрачнѣе преселеніе Шамаиста въ вѣчность. Никто не смѣетъ сказать ему слово утѣшенія: ибо всѣ убѣждены, что умирающій идетъ въ царство тьмы, въ страну нуждъ и лишеній. И при этомъ жалкомъ убѣжденіи, надѣляютъ отшельника еще за живо, пищею, одеждою, оружіемъ; такія же снадобья посылаютъ къ умершимъ родственникамъ и знакомымъ. И все это, при мертвенномъ безмолвіи, или же при завываніи Шамана, кладется въ могилу.

Покойникамъ чаще всего даютъ сидячее положеніе. Но Орогоны, Карагасы и другіе изъ Шаманистовъ, кои могутъ располагать собою, не стѣсняясь узаконеніями, придерживаются стариннаго порядка. Они дѣлаютъ особой формы ящики и, положивъ трупъ,

ставятъ ихъ на подмосткахъ въ лѣсахъ и дебряхъ. Кто встрѣчался въ Сибири съ этими некрополисами, тотъ знаетъ, сколь тяжкое чувство порождаютъ они.

Шаманы во всякомъ случаѣ погребаются на горахъ и утесахъ. Тамъ дѣлаютъ для нихъ пещеры, или гроты, складывая ихъ изъ валежнаго камня. Усадивъ Шамана, входъ въ пещеру закладываютъ на глухо. Оставляютъ лишь малый просвѣтъ, куда глядится фигура Шамана во всѣхъ его доспѣхахъ. За первымъ симъ актомъ, протягиваютъ веревку—*дзеле*, отъ одного дерева къ другому и развѣшиваютъ на ней бубенъ, лукъ, котелъ и всякой хламъ, бывшій въ употребленіи у покойника. Послѣ сего обводятъ вокругъ могилы девять разъ принадлежавшаго Шаману коня и убиваютъ его. Иногда конь этотъ отпускается на волю, и тогда становится достояніемъ пустынныхъ Тенгріевъ и Опгоновъ.

На дорогѣ противъ шаманскаго кладбища, или чиндана, накладывается куча камней—*барица, улу*, для напоминанія о покойникѣ. Шаманистъ, завидѣвъ барицу, становится на колѣни, и приложивъ пальцы правой руки ко лбу, дѣлаетъ нѣсколько по-

клоповъ и приноситъ жертву—*таилга*. Таилгу эту можетъ составить всякая бездѣлица отъ нитки и до конскаго волоса.

Къ прочимъ обрядовымъ дѣйствіямъ даютъ поводъ шаманистамъ обстоятельства жизни общественной и частной. И всѣ они входятъ въ категорію шаманскаго служенія.

Служеніе это раздѣляется на обыкновенное и случайное. Но ни то, ни другое въ своихъ подробностяхъ опредѣлено быть не можетъ. Ибо шаманизмъ ни о чемъ столько не заботится, какъ о покровеніи глубокимъ мракомъ религіозныхъ своихъ дѣйствій. Да и самъ не въ состояніи дать въ нихъ отчета, будучи лишенъ всякой письменности и оставаясь подъ руководствомъ слѣпыхъ своихъ вождей.

Банзаровъ, природный Монголъ-ламистъ, получившій университетское образованіе, и потомъ взявшійся писать inauguralem dissertationem о шаманствѣ, кажется, могъ бы проникнуть въ недоступныя для другихъ таинства Черной вѣры. Но и онъ скользитъ по поверхности разсматриваемаго имъ предмета, усвояетъ ему вовсе чуждыя для него правила ламы Варзадары и повторяетъ ска-

запія другихъ, безъ малѣйшихъ справокъ съ дѣломъ и опытомъ.

При такой скудости пособій къ изъясненію Сибирскаго шаманства, обращаемся къ сказаніямъ о. Іакиноа и послушаемъ, что говоритъ онъ о шаманскомъ служеніи, совершаемомъ въ Пекинѣ, во дворцѣ Государыни и въ шаманскомъ капищѣ.

«Обыкновенное служеніе раздѣляется на ежедневное и ежемѣсячное. Первое совершается каждое утро въ третьемъ и четвертомъ часу, и вечеромъ въ тѣ же часы..... Обрядъ утренняго служенія такой: на столѣ предъзанавѣсомъ ставятъ изображеніе трехъ онгоновъ, три блюдца съ куреніями, три чарочки съ водою и три тарелки съ хлѣбцами. Шаманка парасцѣвъ читаетъ молитву, сей акомпанируютъ на гитарѣ и балалайкѣ. Потомъ закрываютъ изображеніе духовъ, приводятъ свинью и затворяютъ храмъ. Шаманка опять читаетъ молитву, по окончаніи которой берутъ жертвенную воду и вливаютъ ее въ ухо свиньи. Послѣ того выпустивъ кровь изъ животнаго, раздѣляютъ его на части и варятъ. Приготовленное мясо Шаманка ставитъ на столъ и читаетъ окончательную молитву.

При вечернемъ служеніи, ставятъ на столъ передъ огопами пять блюдцевъ съ куреніями, пять чарочекъ съ чистою водою и хлѣбное. Шаманка, опоясавшись поясомъ съ бубенчиками, поетъ гимнъ и прискакивая бьетъ въ бубенъ, ей подъигрываютъ на литаврѣ и деревянномъ камертонѣ въ тактъ. По троекратномъ совершеніи обряда, читаетъ молитву передъ Огопами. По окончаніи молитвы, гасятъ курепія огонь въ фонаряхъ, закрываютъ печь, гдѣ варилось мясо и опускаютъ занавѣсъ. Присутствующіе выходятъ изъ храма и дверь затворяется. Оставшаяся тамъ Шаманка читаетъ молитву на распѣвъ, потрясая бубенчиками, ей подъигрываютъ на литаврѣ и камертонѣ. По четверократномъ совершеніи этого обряда, поднимаютъ занавѣсъ, отворяютъ дверь храма, зажигаютъ фонари, уносятъ мясо и снимаютъ изображенія Огоповъ.» Прочіе обряды служенія походятъ на описанные; только при нѣкоторыхъ прибавляютъ жертву изъ сарочинскаго пшена, а жертвенное мясо вѣшается въ сосудѣ на вѣху.

«Ежегодно совершается большое жертвоприношеніе весною и осенью, при водруженіи шаманской вѣхи. Изображенія Оп-

гоповъ, чествуемыхъ во время утренняго служенія, переносятъ изъ дворца Государынп въ главное капище. Передъ этимъ временемъ эвпухъ отправляется въ округъ Цпиджу и тамъ въ горахъ срубаетъ ель, длинною въ двадцать футовъ, въ поперечникѣ пять дюймовъ, съ десятью рядами сучьевъ. Эту вѣху водружаютъ передъ входомъ въ круглый храмъ. Во время жертвоприношенія, протягиваютъ, отъ вѣхи до висящаго внутри храма занавѣса, три веревочки, на которыхъ развѣшиваютъ бумагу, а на вѣху ставятъ флагъ. Жертвоприношеніе совершается обыкновеннымъ порядкомъ.»

«Кромѣ этихъ служеній, отправляются еще жертвоприношенія въ началѣ каждаго изъ четырехъ временъ года; моленіе Онгонамъ о ниспосланіи счастья, омовеніе онгоновъ и проч.»

«Въ новый годъ, въ полночь на первое число, ханъ совершаетъ поклоненіе Онгонамъ во дворцѣ ханши, а потомъ идетъ съ князьями и вельможами Манжурскаго племени въ шаманское капище, гдѣ покланяется небу, дѣлая три колѣнопреклоненія съ девятью поклонами въ землю (Чит. Китай въ Гражд. и Нрав. состояніи).»

Къ сказанію сему присовокупимъ, что Сибирскій Шаманизмъ, будучи достояніемъ бѣдныхъ и странствующихъ племенъ, далекъ отъ того, чтобы удовлетворять условіямъ постоянной и правильной службы. Храмомъ служитъ ему Обо, жертвенникомъ земля, жертвенными принадлежностями всѣ роды животныхъ, всѣ снѣди и вещи. Къ тому Шаманизмъ этотъ столь же дикъ, сколько дика самая природа, среди которой живетъ онъ и дѣйствуетъ. Сотни брошюръ писаны объ этомъ предметѣ, о всѣхъ шаманскихъ празденствахъ, оргіяхъ и фокусахъ. Одно лишь обстоятельство забываемо было, или мы не имѣли случая читать о немъ: это объ обрядахъ, соблюдаемыхъ при производствѣ въ Шаманы. Почему рѣшаемся теперь восполнить такое упущеніе.

Шаманисты утверждаютъ, что человѣкъ, берущійся за шаманское ремесло, долженъ имѣть внутреннее къ тому призваніе и особое душевное настроеніе, которое называютъ *уг-гарбулъ*. Признаками же таковой настроенности духа почитаются: частые обмороки, дичаніе, изступленіе, и вообще характеръ мрачный, задумчивый и нелюдимый. Замѣтивъ свойства сіи въ ребенкѣ, родители

приглашаютъ наиболѣе извѣстныхъ по своей опытности Шамана, или Шаманку—*буге удаган*, а иногда и нѣсколько такихъ лицъ и, при посредствѣ ихъ, стараются умилостивить духовъ жертвами и моленіями.

Жертвенное животное, бывъ избрано по указанію Шамана, украшается разными привѣсками и цвѣтами. Потомъ совершаютъ жертвенный обрядъ, состоящій преимущественно въ томъ, что животное заживо отдается духамъ, подвергается мученіямъ и наконецъ убивается (126). Голову животнаго не отдѣляютъ, а кожу вѣшаютъ на деревѣ, не разрѣзывая брюшины. Кости же, по снѣденіи мяса, собираютъ съ большимъ тщаніемъ и сожигаютъ.

Весь этотъ обрядъ, изъ какого бы числа животныхъ онъ ни состоялъ, есть только приготовленіе къ настоящему посвященію въ Шаманы, отлагаемому на нѣсколько лѣтъ. Въ продолженіи ихъ, адептъ обязуется теоритически и практически изучать не только служебный чинъ, но также терапію и всякаго рода фокусы. Сверхъ того, обязуется принесть девять жертвъ—*юсун чипар кику*, особо установленнымъ порядкомъ. Именно:

Выбираютъ въ лѣсу такое мѣсто, гдѣ

бы березы представляли собою правильную аллею, или же насаждаютъ ее своими руками не въ дальнемъ разстояніи отъ улуса. При чемъ за правило поставляется, чтобъ на каждой сторонѣ находилось по девяти березъ, въ томъ числѣ двѣ, вѣнчающія собою аллею, должны быть значительной высоты и симъ послѣднимъ усвояется почетное названіе *эке, эцеге модо*—мать, отецъ дерево. Всѣ же вообще дерева украшаются девятью родами *(юсун хошуту)* лѣсныхъ животныхъ, начиная отъ бѣлки до соболя.

Вслѣдъ за симъ Шаманъ, облекшись въ полный служебный нарядъ и надѣвъ такой же на своего ученика, беретъ его за руку и начинаетъ бѣгать съ нимъ вокругъ деревъ, дѣлая прыжки и напѣвая. Потомъ ловко вспрыгиваетъ онъ на вершину высокой березы, и становится въ нарочито приготовляемомъ уступѣ, похожемъ на гнѣздо—*ечур*. Въ новой позиціи Шаманъ усугубляетъ метанія и крикъ,—чему долженъ подражать и ученикъ, стоя на вершинѣ другой березы.

Уставъ Шаманскій требуетъ, чтобы сцена эта повторялась девять дней сряду; по

по причинѣ сопряженныхъ съ нею хлопотъ и издержекъ, ограничиваютъ ее тремя днями, въ каждый изъ девяти урочныхъ годовъ.

Послѣдствія же обряда не всегда бываютъ одинаковы. Если ученикъ понятливъ и ловокъ, то онъ мало по малу принимается за ремесло своего наставника. Въ противномъ случаѣ дается мѣсто заключенію, что духи чѣмъ либо не довольны, и потому родители отказываются отъ дальнѣйшихъ хлопотъ, или ученика сдаютъ на руки опытнѣйшему.

Новый манторъ восполняетъ упущенія, учащаетъ гурумы, умножаетъ жертвы и молитвенныя къ духамъ воззванія, и такимъ образомъ успѣваетъ привести ученика къ желаемому совершенству.—Тогда въ послѣдній разъ учитель и ученикъ взлѣзаютъ на заповѣдныя березы. И первый изъ нихъ, вращаясь во всѣ стороны на верхушкѣ дерева, возвѣщаетъ языкомъ оракула, что опредѣленные къ изученію таинствъ Шаманизма, годы протекли, жертвенные обряды исполнены, Тенгріи и Онгоны умилостивлены; и при помощи ихъ, такой-то оказался вполнѣ способнымъ къ прохожденію многотруднаго Шаманскаго служенія. Почему

и вводится въ права и обязанности Шамана. Слова эти повторяютъ всѣ присутствующіе Шаманы, давая тѣмъ знать, что и они принимаютъ участіе въ дѣлѣ поставленія и утвержденія. За тѣмъ юный Шаманъ импровизируетъ гимнъ въ честь своего наставника, благодаритъ его и клятвенно обѣщается пребыть до конца жизни въ сыновнемъ къ нему послушаніи. А въ заключеніе раздаются клики, соединяемые съ гуломъ шаманскихъ бубновъ и сопровождаемые играми и пиршествомъ.

Мы сказали, что новопоставленный Шаманъ обязуется оказывать сыновнюю покорность своему мантору. Обязательство это бываетъ исполняемо въ самомъ строгомъ смыслѣ. Ибо и при жизни его и по смерти, ученикъ не называетъ иначе своего учителя, какъ отцемъ (или матерью, если то была Шаманка). Пищу и питье не прежде вкушаетъ онъ, какъ принесши ему нѣчто въ родѣ жертвы. При чемъ обыкновенно, бросая въ сторону, гдѣ предполагается чествуемая особа, или духъ ея, произносятъ слѣдующій монологъ: *цок хадейн халют, бутейн бурхачул цум бугудугере куртектуй*.... т. е. цари горъ, духи долинъ,—

всѣ купно пріимите жертву, приносимую вамъ!

Да и при всякомъ начинаніи, особенно же при успѣшномъ совершеніи какого либо предпріятія, имя наставника воспоминается съ благоговѣніемъ, и духъ его въ молитвенныхъ призываніяхъ ставится на ряду съ благодѣтельными Онгонами и Тенгріями. И горе тому, кто хотя единожды не исполнитъ этого долга. Ибо раздраженный Онгонъ не принимаетъ никакихъ извиненій, и только множествомъ жертвъ можетъ быть примиренъ съ оскорбившимъ его человѣкомъ. Средствъ же противу такой напасти очень не много. Шаманизмъ рекомендуетъ лишь одно развѣшиваніе онгоновъ по стѣнамъ юрты, дабы они, находясь постоянно передъ глазами, служили напоминателями должныхъ къ нимъ отношеній.

Не желая вдаваться въ дальнѣйшія подробности, заключимъ статью указаніемъ на перевороты, которые испыталъ шаманизмъ въ періоды не слишкомъ далекіе отъ нашего времени и во всякомъ случаѣ имѣющіе стократно больше достовѣрности, нежели тѣ, о которыхъ говорили мы выше,

на основаніи свидѣтельствъ элдеб-улигеруи далай.

Буря, подъятая Исламомъ, отозвалась страшнымъ потрясеніемъ среди ордъ Турецкаго и Татарскаго племенп, отъ Кавказа до Урала. Бѣдные Шаманы всюду принуждены были уступать мѣсто неумолимымъ муллам̀ъ. И конечно не многіе бы изъ нихъ, особенно въ Сибири, пережили XVII столѣтіе, еслибъ духъ Христіанской терпимости не положилъ конецъ насиліямъ. Исторія фанатическихъ дѣйствій Кучума болѣе всего ручается за справедливость такого взгляда.

Другое пораженіе испытали Шаманы отъ Буддистовъ. Событія этого коснемся мы въ своемъ сочиненіи. Но тамъ рѣчь наша ограничена будетъ періодомъ господства Россіи надъ Сибирью. Между тѣмъ какъ борьба шаманства съ буддизмомъ объемлетъ цѣлый рядъ вѣковъ.

Восточный Туркестанъ и Китай, первые подпали вліянію индійскихъ проповѣдниковъ, пробиравшихся мало по малу чрезъ Гималай.

Успѣхи сихъ дѣятелей были очень значущи. Ибо исторія Монгольскаго народа, въ отдѣленіи о Южныхъ Гуннахъ подъ

336 годомъ свидѣтельствуетъ (127), что въ царствованіе государей Шп-лэ, Шп-ху и Цзун-чжипа, дворъ, а съ нимъ и аристократія, слѣпо преданы были Буддизму. Ламы пользовались высокимъ уваженіемъ, капища множились, злоупотребленія возрастали, а древняя религія страны, запечатлѣнная типомъ шаманства, теряла свое значеніе и падала.

Сенатъ Китайскій, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, рѣшился представить вниманію Государя, сколь не сообразно съ древними обычаями служеніе новымъ иноземнымъ духамъ. И представляя это, необходимымъ признавалъ предписать всѣмъ князьямъ и всѣмъ чиновникамъ, чтобы никто не смѣлъ входить въ монастыри, для поклоненія и жертвъ. Гуиновъ же, вступившихъ въ монашество, всѣхъ возвратить въ прежнее состояніе.

На представленіе Сената послѣдовало отъ Шп-лэ такое рѣшеніе: «я родился за границею и пріобрѣлъ владычество надъ Китаемъ. Относительно жертвоприношеній приличнѣе слѣдовать собственнымъ обыкновеніямъ: почему какъ Китайцамъ, такъ

и Гупнамъ, желающимъ почитать Фо, позволяется это».

Послѣ Тогин-Тимура, шаманство начало было возвращать прежнюю свою силу. Ибо не только народъ, но и хапскій дворъ въ эту эпоху смотрѣлъ на ламъ, какъ на виновниковъ государственныхъ бѣдствій.

Но при Даян-ханѣ, Буддизмъ опять восторжествовалъ, благодаря преимущественно усердію вѣрныхъ своихъ служителей Наиджи-тойна и Дзап-бандиды.

Ревнители сіи, въ качествѣ Далай-ламскихъ проповѣдниковъ, преслѣдовали Шамановъ, сожигали опгоповъ и споспѣшествовали къ изданію узаконеній, которыми шаманство не только стѣснялось, но и подавляемо было.

Такія бѣды, постигшія Китайскую Монголію, не могли не отзываться и въ сопредѣльной съ нею Монголіи Россійской.

Но благое Провидѣніе, все опредѣляющее мѣрою, числомъ и вѣсомъ, не попустило коварству и кознямъ льщенія простертись далѣе предѣловъ, положенныхъ имъ. А какъ и когда это совершилось, то увидимъ изъ слѣдующей статьи.

СТАТЬЯ

XX.

Вторженіе Буддизма въ Сибирь и укорененіе его въ оной.

Буддизмъ не есть слишкомъ давнее на почвѣ Сибирской насажденіе. И трудно объяснить, какъ могъ онъ оставаться чуждымъ для Сибири, проникнувши въ среднюю Азію и въ самую Монголію за многіе предъ симъ вѣка. Не взаимная ли вражда сосѣднихъ народовъ, не внѣшнія ли войны и внутреннія междуусобія, отгонявшія всякую мысль о преобразованіяхъ, не скитальческій ли бытъ Сибирскихъ ордъ и всегдашняя готовность къ переселеніямъ, — были причиною, что Ламизмъ долго, долго не находилъ себѣ пріюта даже въ Дауріи, сопредѣльной съ Китайскою Монголіею и сближенной съ резиденціею Ургинскаго Хутукты?

Какъ бы то ни было, но преданіе говоритъ, что Буряты всего болѣе отдѣлывались отъ навязчивыхъ Ламъ предлогомъ невозможности исполнять въ скитальческомъ

быту обязанности такой вѣры, которая обрядами своими привязуетъ человѣка къ одному мѣсту.

Наконецъ ревнители Буддизма съумѣли рѣшить эту задачу и примириться съ условіями быта народнаго, держась пословицы:

Si Leonis exuvium non sufficit, adde vulpinum.

Lisander.

Начали устроять кумирни въ кибиткахъ, удобоперевозимыхъ и такъ обставленныхъ, что онѣ походили и на аптеку и на капище; служили и для молитвы и для лѣченія.

Сдѣлавъ же этотъ шагъ сближенія, подъ прикрытіемъ Эскулапіевой тоги, уже не трудно было подвигать дѣло впередъ. Число пришлыхъ Ламъ, въ качествѣ лѣкарей, стало возрастать съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ и вліяніе Буддизма на народъ.

Изъ многихъ Бурятскихъ и Тунгусскихъ родовъ въ Забайкальскомъ краѣ, первою жертвою обаянія былъ родъ Цонгольскій и среди его свито первое гнѣздо Ламизма. Событіе это относится къ 1741 году, когда Пунцукъ добился старѣйшинства надъ Ламами, съ званіемъ Ширета.

Правительство изъ собранныхъ въ то время свѣденій съ изумленіемъ увидѣло, что

за Байкаломъ, какъ изъ бездны, возникли 11-ть капищь со 150-ю Ламами.

Crocodilus ab ovo

Crevit minimo brevi stupendus.

И потому воспрещено было всякое дальнѣйшее размноженіе Ламизма. Не смотря на это, лѣтъ черезъ пятнадцать (1756) оказалось уже 324 Ламы. Но и это былъ только цвѣтъ, а ягоды оставались впереди.

Мы сказали, что въ главѣ возраставшаго Ламства явился прежде всѣхъ Пупцукъ, съ званіемъ и властію Ширета. Преемникъ пупцуковъ Заяйга, не довольствуясь правами предмѣстника своего, началъ домогаться достоинства Бандиды, которое и успѣлъ получить въ 1764 году.

Кажется, что это допущено было въ тѣхъ видахъ, чтобъ прекратить отношенія здѣшнихъ Буддистовъ къ чужеземному Хутуктѣ. Впрочемъ, какія причины ни руководили бы въ дѣлѣ этой реформы, только Сибирскій ламизмъ получилъ чрезъ нее самостоятельность и новыя силы, не замедлившія проявиться въ достойной себя дѣятельности. Ибо чрезъ десять послѣ сего лѣтъ, уже насчитывалось не 324, а 617 Ламъ.

Особенно число ихъ стало возрастать съ

тѣхъ поръ, какъ Галдапъ, вторый изъ Ламъ по старшинству, водимый честолюбіемъ, сдѣлался независимымъ отъ Заяйги, собралъ особую жреческую касту и основалъ въ родѣ раскола, отдѣльное управленіе.

Тогда обѣ соперничествующія стороны—Цонгольская и Гусиноозерская, для поддержанія своего авторитета и для большинства голосовъ, паперерывъ старались увеличивать массу своихъ приверженцевъ и всѣхъ тѣхъ орудій, кои могли способствовать къ достиженію цѣлей.

Въ такомъ положеніи находились дѣла до 1808 года. Въ этомъ же году, съ жизнію Цонгольскаго Бандида-хамбы Кеторкоя, борьба партій прекратилась сосредоточеніемъ власти въ лицѣ Гусиноозерскаго Хамбо-ламы, которая и до нынѣ за нимъ остается.

Возсоединенный Ламизмъ, не бывъ тревоженъ внутренними раздорами, принялся съ сугубою ревностію за обычное дѣло своей пропаганды. Бѣдные Шаманисты всюду были преслѣдуемы. Ни лѣса, ни горы не укрывали ихъ отъ мести Ламъ, цѣлыми стадами рыскавшихъ по всему Забайкалью и даже въ окрестностяхъ Иркутска.

Само Христіанство ощутило тяготу ихъ вліянія. Изъ язычниковъ никто почти не рѣшался принимать Св. Крещеніе, боясь Ламскаго прещенія. Да и тѣ изъ нихъ, которые прежде крещены были, не имѣли покоя. Ихъ гнали, тяготили всѣми мѣрами. И потому семейства новокрещенныхъ представляли странное и грустное смѣшеніе. Дѣти росли идолопоклонниками, имѣвши родителей—Христіанъ. Отцы и матери, бывши Христіанами, таили свою вѣру и выдавали себя за язычниковъ, чтобъ только не попасть въ когти Ламамъ.

Къ довершенію зла, взгляды на Ламизмъ мѣстнаго въ Сибири Начальства не всегда отличались дальновидностію. Были годы, въ которые выходили открытыя предписанія въ пользу Буддійской пропаганды; и этотъ, contra ius et fas, распорядокъ, такую силу права пріобрѣлъ въ понятіи Ламъ, что дѣйствія ея до нынѣ ощущаются, хотя обстоятельства слишкомъ измѣнились.

Господу споспѣшествующу, готово и все прочее, подъ вліяніемъ мудрыхъ правительственныхъ распоряженій, премѣниться къ лучшему. Однакожъ наблюдатель событій не долженъ забывать:

Quae praebet latas arbor spaciantibus umbras,
Quo posita est, primum tempore, virga fuit;
Tunc poterat manibus summa tellure revelli:
Nunc stat in immensum viribus aucta suis.

Ovid.

Въ 1822 году вновь обращено было наблюдательное вниманіе на Буддизмъ и онъ оказался имѣющимъ 2532 ламъ при 19 кумирняхъ, и охватывающимъ двѣ трети инородческаго въ Восточной Сибири населенія. Такое преспѣяніе чуждаго пришлеца многихъ заставило призадуматься. Стали убѣждаться, что необходимы новыя условія ограниченій, и купно съ тѣмъ начался рядъ предположеній. Вотъ ихъ послѣдовательность ([128]):

1) Въ 1825 году, Управленіе Сибири полагало принять за штатное число 20 капищь, и 293 Ламъ; остальные же Ламы обращались въ сверхштатные.

2) Въ томъ же году, составленъ новый штатъ, по которому при 20 кумирняхъ допускалось 516 Ламъ.

3) Командированный (въ 1830) Б. Ш...., не удовлетворясь штатомъ 1825 года, составилъ свой собственный, замѣчательный по чрезвычайному увеличенію жреческой касты,

должествовавшей состоять изъ 600 штатныхъ и 1,400 сверхштатныхъ Ламъ. Гипотеза эта не осуществилась.

4) Въ слѣдъ за тѣмъ, вопросами объ ограниченіи числа Ламъ и кумирень и объ изысканіи средствъ къ пресѣченію ламайскихъ злоупотребленій занималея бывшій Сибирскій Комитетъ, и съ этою же цѣлію посыланъ былъ, по распоряженію Ген. Губернатора Руперта, чиновникъ У....

5) Въ 1842 году, дѣломъ симъ озабочивалось Иркутское Общее Губернское Правленіе. И составленный опымъ штатъ полагалъ допустить существованіе 34 кумирень, съ 580-ю Ламами. Но и этотъ штатъ не получилъ законной силы.

Замѣчательно, что по свѣденіямъ, собраннымъ въ помянутомъ году, оказалось въ Восточной Сибири 120,035 душъ муж. пол. исповѣдующихъ Шигемуніанскую вѣру и 5,545—Ламъ; то есть масса послѣднихъ, въ то самое двадцатилѣтіе, когда дѣятельно изыскиваемы были средства къ ихъ ограниченію, болѣе чѣмъ удвоилась.

6) Наконецъ въ 1848 году, посланъ былъ въ Восточную Сибирь чиновникъ Л...., съ обязанностію изслѣдовать средства къ луч-

шему устройству Ламайскаго духовенства. Чиновникомъ симъ составленъ Уставъ, о которомъ извѣстно мнѣ лишь то, что онъ находился на разсмотрѣніи Сибирскаго Начальства.

Только-кратно повторявшіяся изслѣдованія не могли не доставить самыхъ точныхъ и подробныхъ о Ламизмѣ свѣденій. И Исторія конечно найдетъ въ нихъ богатые для себя матеріалы. Но мы должны ограничиться не многими данными, къ которымъ приводятъ современныя наблюденія, доступныя для каждаго.

Въ категорію эту включаемъ слѣдующіе вопросы: какъ организуется сонмище Ламъ, гдѣ способы къ ихъ существованію; на какой степени стоятъ они въ отношеніи къ умственному и нравственному образованію?

Буддійскій канонъ и Гражданскіе законы, заключающіеся въ извѣстномъ Монгольскомъ уложеніи, требуя отъ Ламъ жизни безбрачной, назначая имъ пребываніе въ монастыряхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ, чтобы принимаемы были въ духовное званіе не иначе, какъ съ вѣдома и дозволенія Начальства, по выбору и усмотрѣнію дѣйствительной надобности, и подъ непремѣн-

нымъ условіемъ собственнаго желанія со стороны пріемлемаго.

Но Сибирскій Ламизмъ и не думалъ никогда объ исполненіи подобныхъ правилъ. Для него была въ виду лишь цѣль, и къ ней стремился онъ, попирая всѣ законы.

Видѣли мы, какъ чудовищно возрастала жреческая каста. Не менѣе странепъ и способъ, къ которому въ дѣлѣ этомъ прибѣгаютъ ревнители.

Ламы, усвоя себѣ таинственныя знанія, не отказываются при удобныхъ случаяхъ заглядывать въ свитки судебъ. И по не ложному указанію кабалистики своей, опредѣляютъ, что и кому служитъ къ счастію и что готовитъ неминучую бѣду. Вещь, признанная прозорливцемъ за неблагополучную, не можетъ безъ гибельныхъ послѣдствій оставаться не только въ домашнемъ употребленіи, но даже и въ чужія руки поступитъ. А потому надлежитъ считать большимъ одолженіемъ, когда Лама, желая добра владѣльцу, беретъ его вещь и уноситъ, для истребленія извѣстнымъ ему способомъ.

Подобной мистификаціи подвергаются и лица. Чтобъ отвратить случившееся, или

грозящее несчастіе, Ламы обрекаютъ дѣтей, по своему усмотрѣнію, въ духовное званіе. Дѣлаютъ это и при самомъ рожденіи, увѣряя родителей, что жизнь и счастіе новорожденнаго и даже цѣлаго семейства зависитъ отъ исполненія таковой воли боговъ. Для непослушанія и возраженій здѣсь нѣтъ мѣста. Напротивъ приличіе и долгъ обязуютъ къ безусловному принятію спасительнаго предложенія и къ учрежденію обильной трапезы, не щадя ни овновъ, ни тельцовъ.

Водясь сими правилами, Ламизмъ вербуетъ, гдѣ хочетъ. Умножаетъ свои легіоны, и въ тоже время обезпечиваетъ себя отовсюду. Ибо чѣмъ больше семействъ, связуемыхъ съ ними узами родства, тѣмъ выгоднѣе для него. Въ нихъ находятъ Ламы тайныхъ своихъ агентовъ, чрезъ нихъ склоняютъ общее мнѣніе въ свою пользу и становятся грозными для своихъ противниковъ.

Все это, увеличивая значеніе капищныхъ служителей, поставляетъ ихъ въ состояніи до того выгодномъ, что надлежитъ только явиться Ламѣ въ какой нибудь улусъ, и лучшая сикера, тучнѣйшія яства, со всѣми угодьями, будутъ къ его услугамъ.

Но пришлецъ сего рода, хотя изъ послушанія ничѣмъ не препебрегаетъ, ни отъ чего не отказывается; однакожъ онъ представляетъ изъ себя существо безстрастное, чуждое всякой привязанности къ земному и пекущееся единственно о блаженномъ перерожденіи и достиженіи царства Сукавади. Набожная рѣчь его всего чаще склоняется къ сужденію о житейскихъ опасностяхъ, о необходимости ограждать себя священными талисманами и обезпечивать, на всякій случай, нужными снадобьями, разумѣется, наполняющими узлы вѣщупа. И подъ вліяніемъ только назидательныхъ размышленій, дорогой гость успѣваетъ сбыть съ рукъ товарецъ и отправляется въ дальнѣйшій путь (129).

Къ способамъ симъ, изыскиваемымъ смышленостію каждаго, присоединяются иные, имѣющіе видъ законности. Сюда относится право совершать хуралы, или годичные и мѣсячные праздники, коштомъ прихожанъ, пользоваться знатною частію достоянія, остающагося послѣ умершихъ, получать мзду за лѣченіе, за исправленіе требъ, за отгнаніе демоновъ, повѣтрій и всякихъ злощастій.

Въ обрядовыхъ сихъ дѣйствіяхъ не рѣдко принимаютъ участіе сотни Ламъ. Тогда начинается у нихъ поперемѣнное чтеніе и непрерывное пированіе на счетъ врачуемаго зла. Не спрашивайте о томъ, какъ смотрятъ на эти явленія обитатели кущей. Суровая Сибирь сдѣлала ихъ ко всему равнодушными; а больше всего, научила руководствоваться правиломъ мудрости: Patienter ferendum, quod necesse est.

При такомъ образѣ жизни, жизни скитальческой, меркантильной, безотчетной, жречество въ отношеніи нравственности своей никогда не шло въ уровень даже съ народными массами. *Да ямы и піемы, утре бо умремъ:* вотъ сущность его морали, не говоря о частностяхъ, въ которыя не входимъ мы, предоставляя трудъ этотъ другимъ, имѣвшимъ случай поближе разсмотрѣть картины степной жизни.

Впрочемъ, въ дѣлѣ этомъ не должно быть строгимъ судіею, памятуя святую истину: *Еда объемлютъ отъ терніа грозды, или отъ репіа слоквы* (Мо. VII)? Притча сія тѣмъ болѣе имѣетъ приложенія къ Ламизму, чѣмъ менѣе касалось его во всѣ вѣка образованіе. Извѣстно, что предназначаемые

въ Ламы ничему не обучаются въ школахъ методически. А частные педагоги умѣютъ передать лишь элементарное ученіе, и онымъ ограничиваютъ весь кругъ знаній будущаго Ламы.

Конечно, какъ вездѣ, такъ и здѣсь есть свои исключенія. Но тѣмъ не измѣняетъ колорита своего общность, покровенная густымъ мракомъ.

Порядокъ вещей, о коемъ говорили мы, не могъ быть терпимъ при нынѣшнемъ во всѣхъ частяхъ благоучрежденіи. И потому законы противупоставили преграду злу, допущенному временемъ.

Въ смыслѣ шигемуніанскихъ правилъ, Ламамъ поставлено въ непремѣнную обязанность имѣть жительство при Дацанахъ и не иначе отлучаться изъ оныхъ, какъ по дѣламъ службы и притомъ всегда съ вѣдома Шпрета.

Къ содержанію ихъ указаны приличные способы и дарованы земли: хамбо-ламѣ пять сотъ десятинъ, а прочимъ членамъ въ меньшихъ количествахъ, сообразныхъ съ ихъ званіемъ.

Въ отвращеніе старыхъ злоупотребленій, строжайше запрещается преслѣдовать Ша-

манскую вѣру и привлекать въ свою не только Христіанъ, но и шаманистовъ.

Наконецъ, въ составѣ ламскаго духовенства отсѣчены излишества и положенъ для него штатъ, соотвѣтствующій требованіямъ.

Представляя здѣсь таблицу сего штата, мы оставляемъ Буддизмъ съ искреннимъ ему желаніемъ *достигнуть* не перерожденія и преселеній, о которыхъ мечтаетъ онъ нынѣ въ суетѣ ума своего: но *въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія* (Еф. IV).

ШТАТЪ ЛАМАЙСКАГО ДУХОВЕНСТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

№	НАИМЕНОВАНІЕ ДАЦАНОВЪ.	Дацаны.	Суме.	Число приложанъ обоего пола.	Хамба.	Ширетуй.	Ламы.	Бандіи.	Итого.
1	Гусиво-озерскій . . .	1	17	4136	1	1	7	1	10
2	Цонгольскій	1	11	6625	»	1	12	1	14
3	Джидинскій	1	16	5113	»	1	9	1	11
4	Ацайскій	1	9	921	»	1	2	1	4
5	Сортольскій.	1	3	2279	»	1	3	1	5
6	Гыгетуевскій	1	4	1690	»	1	2	1	4
7	Учотоевскій	1	6	1170	»	1	2	1	4
8	Булгумурскій	1	17	2473	»	1	4	1	6
9	Аракиретуевскій . . .	1	2	2554	»	1	4	1	6
10	Чогагуетаевскій . . .	1	11	3035	»	1	5	1	7
11	Кударинскій.	1	2	3666	»	1	6	1	8
12	Пройскій.	1	10	2503	»	1	4	1	6
13	Янгасинскій.	1	4	3705	»	1	6	1	8
14	Ходонскій	1	3	6400	»	1	12	1	14
15	Аннинскій	1	4	5813	»	1	11	1	13
16	Туггалгатаевскій . . .	1	4	4864	»	1	9	1	11
17	Агинскій.	1	»	10622	»	1	19	1	21
18	Ацагатскій	1	1	3305	»	1	5	1	7
19	Чиндановскій	1	9	3089	»	1	5	1	7
20	Хохюртаевскій . . .	1	»	3698	»	1	6	1	8
21	Эгитуевскій	1	4	5250	»	1	9	1	11
22	Цугилинскій	1	1	5410	»	1	15	1	17
23	Цулгинскій	1	1	2105	»	1	3	1	5
24	Гуннинскій	1	»	1067	»	1	2	1	4
25	Токчинскій	1	»	919	»	1	2	1	4
26	Хожиртаевскій . . .	1	1	896	»	1	2	1	4
27	Тарбагатаевскій . . .	1	1	898	»	1	2	1	4
28	Бырцулскій	1	1	1240	»	1	2	1	4
29	Ольхонскій	1	»	1710	»	1	2	1	4
30	Баргуанскій	1	2	3426	»	1	6	1	8
31	Кыренскій	1	»	2695	»	1	4	1	6
32	Болакскій	1	»	7937	»	1	14	1	16
33	Боргальтаевскій . . .	1	»	2709	»	1	5	1	7
34	Аларскій	1	2	7972	»	1	13	1	17
	ИТОГО .	34	146	124917	1	34	216	34	285

СТАТЬЯ

XXI.

о врачебномъ искусствѣ у Ламъ.

Разсматривая Буддизмъ, не разъ замѣчали мы, что по обычаю преемственно переходящему чуть ни отъ временъ Гога и Магога, съ званіемъ Ламы соединялось и соединяется званіе врача. А потому не лишне будетъ показать основанія, на которыхъ врачи эти зиждутъ свою теорію и практику.

Основными и непзмѣнными указателями Ламской медицины служатъ книги:

Шаджотъ—Анатомія.

Джаджотъ—Патологія.

Ман-а-джотъ — Физика.

Чимейджитъ—Фармакологія.

Іхантоб-чим бо—Терапія.

Шаджотъ смотритъ на человѣка окомъ древнихъ поэтовъ, какъ на существо Divino semine natum (Ovid. in Metam.), находитъ въ немъ соединеніе всѣхъ стихій, всѣхъ силъ природы—*джурган дзуйл, хамок амитани убур дагаи шингекчи*, и въ этомъ смыслѣ называетъ его сосудомъ вселенныя

и какъ бы микрокосмомъ—*иртынцуйн саба*. Потомъ анализируя, допускаетъ въ немъ: a) Тысячу составовъ — *минган муцу*; b) пять главныхъ внутреннихъ частей—*табун цулу*, относя сюда сердце, печень, легкое, почку и селезеньку; c) 360 сухихъ и кровоносныхъ жилъ, кои, соединяясь въ трехъ пунктахъ тѣла, дѣлаютъ три узла—*гурбен курду*, у горла, пупка и крестца; d) двѣнадцать главныхъ кровоносныхъ венъ *судасу*, начинающихся и оканчивающихся у ручныхъ кистей; e) пять замковъ—*табун онису*, изъ которыхъ каждый служа хранителемъ того, или другаго чувственна-го органа, оказываетъ столь могучее вліяніе, что при малѣйшемъ потрясеніи своемъ приводитъ подчиненное ему чувство въ ослабленіе и даже мертвитъ его. Наконецъ по словамъ Шаджота, въ тѣлѣ человѣческомъ находятся и такія части, кои могутъ быть проколоты и разрѣзаны безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій. Частямъ симъ усвоено названіе безразличныхъ, или среднихъ между бѣлыми и черными—*хара цагану дзапсар*; и одне изъ сихъ предполагаются ниже грудной перепонки, а другія въ ручныхъ мякотяхъ. Впрочемъ не всѣмъ адеп-

тамъ открываютъ эту анатомическую тайну. Въ разумъ ея вводятся лишь избранные изъ Ламъ краснаго корня. Ту же глубину проникать стараются и ловкіе Шаманы, съ обычною въ ремеслѣ своемъ цѣлію.

Ближайшее къ Анатоміи мѣсто въ курсѣ Ламской медицины занимаетъ Паѳологія—*Джаджотъ*. Наука эта, допуская въ человѣкѣ семь высшихъ и низшихъ силъ—*долон тамиръ*, поставляетъ ихъ въ зависимости отъ тѣла: omnes vires et facultates materialibus organis, ex quibus humanum corpus constat, subiectas esse, iisque regi et gubernari. Главнымъ же дѣятелемъ и оффиціною признается желудокъ. Въ немъ обработываются всѣ жизненныя начала, тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ правильнѣе совершается процессъ пищеваренія. Правильность же эта сопряжена со многими условіями. Особенно требуется, чтобы количество принимаемой пищи никогда не превосходило сорока двухъ глотковъ, составляющихъ собою мѣру достаточную къ наполненію двухъ третей желудка. А часть остальная всегда должна быть свободною, для правильнаго обращенія соковъ, перехода ихъ въ первы и перерожденія въкровь, тѣло, кожу, кости и мозгъ.

По поелику законы діеты рѣдко соблюдаются, и человѣкъ вопреки имъ еще въ утробѣ матерней подвержепъ бываетъ разнымъ уклоненіямъ отъ предначертаннаго природою порядка, по этому жизнь паша опутывается болѣзпями, какъ бы пѣкою сѣтью. Съ самымъ рожденіемъ уже приносимъ мы три недуга—вѣтры, жёлчь зеленую и желчь желтую—*кей*, *шара*, *бадага*.

Къ пимъ время и обстоятельства прибавляютъ множество другихъ недуговъ, такъ что въ общей сложности своей представляютъ они 404 главныхъ вида и 1250 частныхъ.

Изъ числа сихъ болѣзней, 101 зависитъ отъ вліянія злыхъ духовъ, и потому для уврачеванія своего требуетъ не вещественныхъ, а духовныхъ средствъ, или гурумовъ. Далѣе, 101 исцѣляется діетою. безъ всякихъ медицинскихъ пособій; 101 имѣетъ нужду въ правильномъ пользованіи и уступаетъ только силѣ и искуству терапіи: наконецъ 101 признается рѣшительно не исцѣльною.

Приступая къ пользованію, обращаютъ вниманіе па глаза, языкъ, пульсъ (130) и другія проявленія физической въ человѣкѣ

дѣятельности, а особенно на душевные и тѣлесные припадки, предшествовавшіе послѣднему недугу. Потомъ стараются опредѣлить—не имѣетъ ли болѣзнь характера смѣшеннаго. И ежели это хотя гадательно усмотрѣно, то врачь поспѣшаетъ дать лѣкарство, опредѣляющее свойства болѣзни (indolem morbi determinans), и оно рѣшаетъ вопросъ въ отношеніи ко всѣмъ дальнѣйшимъ пріемамъ.

Впрочемъ главная порма лѣченія никогда не теряется изъ виду. Держась ея, врачи позволяютъ себѣ увеличивать сложность лѣкарствъ, по мѣрѣ сложности, найденной въ болѣзни, особенно при лѣченіи острыхъ, застарѣлыхъ и удоборазвиваемыхъ недуговъ. Въ случаяхъ такихъ, одинъ составъ (микстура) можетъ вмѣщать до 60 элементовъ, изъ которыхъ наибольшая часть обыкновенно достается на долю опаснѣйшаго недуга, а части остальныя, идучи съ постепеннымъ уменьшеніемъ въ пропорціяхъ своихъ, происходятъ до единицы.

Лѣкарства берутся изо всѣхъ царствъ природы, особенно изъ растительнаго (131). Дѣйствительнѣйшими же и по преимуществу служащими in meliorem salutis humanae

usum, признаются растѣнія Индіи, Тибета и Китая. Ихъ степные врачи (medicastri) имѣютъ подъ рукою, ими и пользуются, опираясь въ дѣлѣ своемъ лишь на время и опытъ. Да и гдѣ искать имъ другихъ опоръ, когда Химія и Антропологія для нихъ не существуютъ; Физика inculturae zizaniis graviter defaedata est; Ботаника ограничена номенклатурою травъ и указаніемъ на проявленіе ихъ силъ въ данныхъ случаяхъ; Астро[illegible]логія, питая суевѣріе, a veritatis plano ad invia et a[illegible]via curiositatum declinat.

Къ довершенію сихъ очерковъ, укажемъ на способы лѣченія, предлагаемые упомянутою выше руководительною книгою *Лхантэб —чимбо*. Способы эти даютъ вѣрное понятіе о значеніи Ламской медицины и сами по себѣ не лишены интереса. Такъ—

1) При худосочіи и въ упорныхъ ревматизмахъ предписывается *тугона*, или прокавствія. Операцію совершаютъ слѣдующимъ образомъ: дѣлаютъ изъ травы плотный трутъ, толщиною въ палецъ, и прилѣпляютъ его къ больнымъ мѣстамъ, употребляя для этого клейкій растительный составъ. Потомъ зажегши трутъ, операторъ принимается сверху дуть съ соблюденіемъ

того правила, чтобы горѣніе сопровождалось влагою и прохлажденіемъ. И ежели онъ искусенъ, то больной, во время операціи, даже при многихъ тугопахъ, не только не чувствуетъ боли, но даже погружается въ сладкій сонъ. По совершеніи прижоги въ желанномъ размѣрѣ, вливаютъ на горящіе угли свѣжее коровье масло, и даютъ больному напюхаться газовъ. За тѣмъ стараются поддерживать нагноеніе ранъ, въ продолженіи большаго, или меньшаго срока. Но далѣе ста сутокъ срокъ этотъ никогда не восходитъ. Лучшимъ же средствомъ къ отвращенію безвременнаго закрытія ранъ признается сырой скотскій мозгъ.

2) Въ сильныхъ горячкахъ и первномъ разслабленіи, чаще всего употребляется способъ, извѣстный у Монголовъ подъ названіемъ *халимлаху*. Больнаго окутавъ теплою кожею, чуть снятою съ животнаго, оставляютъ въ покоѣ. И ежели дѣйствіе благопріятно, то въ самое короткое время, кожаныя пелены, теряя свою жизненность, чернѣютъ и покрываются зеленью, а больной чувствуетъ облегченіе. Впрочемъ весь успѣхъ, особенно при первномъ разслабленіи, получается лишь при повторительныхъ опы-

тахъ и съ соблюденіемъ того условія, чтобъ животное, кожу котораго употребляютъ въ дѣло, само полно было жизни и здоровья, и презобпловало тукомъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно помогать противъ мѣстнаго воспаленія, а равно противу сжатія членовъ, требованія медицины вдаль не простираются. Довольнымъ считаютъ обвязать больное мѣсто брюшною жировою кожицею, какого бы ни было животнаго; и тѣмъ ограничиваютъ попеченіе о больномъ. Способъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ *себесулку*.

3) Для пользованія страждущихъ чахоткою—*мынгирь*, берутъ трехлѣтняго козленка и, ejecto stomacho, цѣлкомъ варятъ его въ молокѣ, герметически закупоривши котелъ. Потомъ процѣживаютъ отваръ и поятъ имъ больнаго съ примѣсью кумыса. Лѣкарство въ этомъ видѣ называется Чпндарулалга.

4) Къ тому же роду лѣченія принадлежитъ и способъ *илегелку*, употребляемый при пораженіи человѣка сокровеннымъ недугомъ. Выпимаются изъ животнаго (чаще всего изъ барана) трепещущія внутренности и съ возможною поспѣшностію располагаются на тѣлѣ больнаго такъ, чтобы сердцу

его противулежало сердце животнаго, легкимъ—легкое и проч. Кромѣ того вырѣзывается изъ грудины *керсень* и съ кожею кладется на столъ. Часть эта, какъ содержащая въ себѣ много жизненности, способна служить указателемъ времени, потребнаго для омертвенія изъятыхъ изъ животнаго внутренностей, и потому со стороны медикастра на нее обращается особое вниманіе. Омертвѣлыя внутренности погружаются въ теплую воду на какую нибудь четверть часа. А за тѣмъ подвергаютъ ихъ тщательному разсмотрѣнію, ища въ нихъ рѣшенія вопроса о болѣзни пацієнта. И вопросъ рѣшается тѣмъ, что на внутренностяхъ животнаго находятъ ясные отпечатки поврежденныхъ въ человѣкѣ частей, и такимъ образомъ получаютъ возможность безошибочно судить объ опасности и врачевать сокровенное зло.

5) Когда человѣкъ укушенъ сомнительнымъ животнымъ и угрожается гидрофобіею, то въ продолженіи седми дней наблюдаютъ, не явился ли у него на макушкѣ головы красный волосъ. Волосъ этотъ считается опаснѣйшимъ признакомъ, и потому чуть замѣченъ онъ, немедленно вырываютъ его,

и самое мѣсто прижигаютъ раскаленнымъ желѣзомъ. Но когда предосторожность эта упущена изъ виду и слѣды водобоязни начали проявляться, тогда наука Ламская указуетъ одно лишь вѣрное къ спасенію человѣка средство—вести его, хотя-бы-то окованнаго, въ лѣсъ и особенно къ горѣ Адоголигун ундуръ, изъ которой вытекаетъ рѣчка Адоголикъ, впадающая въ Ононъ, не по далеку отъ Гуджиртайской кумирни. На горѣ кладутъ мясо и другія приманки для птицы, называемой *Гоилакъ*. Птица эта съ галку величиною, перья у нея черныя, а носикъ и лапки красныя, голосъ имѣетъ звучный. Ее-то стараются увидѣть и дать возможность больному услышать голосъ ея. И если это удастся, то опасность отъ укушенія считается минувшею. Бѣшенство быстро проходитъ, и больной возвращается во свояси здоровымъ. Но при неудачѣ поисковъ и при невозможности дать больному слышать голосъ таинственнаго Гоилака, усиливаются отыскать хоть перо его, или экскрементъ. И нашедши то, или другое, окуриваютъ ими больнаго, а порошокъ изъ нихъ примѣшиваютъ къ его пищѣ.

Сказаніе это много даетъ вопросовъ. Но

мы, вмѣсто совопрошеній, желали бы, чтобъ любознательнѣйшіе изъ ученыхъ открыли слѣды, откуда и какъ породилась вѣра въ дивную силу Гоплака противу страшной идрофобіи. Древніе болѣзнь эту причисляли къ классу morborum astralium, и полагали, что она всего легче можетъ вылѣчиваться numine astrorum aspirante (Ioh. Christ. Col. sephir. p. 3). Такъ не здѣсь ли начало путешествій въ горы для исканія помощи несчастнымъ Гидрофобамъ?

6) При упадкѣ всѣхъ силъ въ человѣкѣ, за лучшее лѣкарство признается Джень-шень. Корень этотъ, вывозимый изъ Манжуріи, пріобрѣлъ въ Китаѣ высокое о себѣ попятіе и покупается тамъ чуть ни на вѣсъ золота. Принимаютъ же его гранами, разводя въ теплой чайной водѣ.

Дальнѣйшее объясненіе ламской терапіи было бы въ цѣляхъ нашихъ трудомъ излишнимъ. Ибо и приведенныхъ примѣровъ достаточно для правильнаго о ней понятія. Желающій же основательно изучить область этой науки, можетъ найти не скудныя къ тому пособія въ разныхъ изданіяхъ.

Но къ какимъ источникамъ ни разсудилъ бы обратиться изыскатель, совѣтуемъ ему

не спѣшитъ своими умозаключеніями. Страненъ и грубъ Буддійскій эмпиризмъ, но онъ запечатлѣнъ печатію вѣковъ, онъ выдерживалъ судъ безконечнаго ряда поколѣній. Ему въ тысячѣ случаевъ воздавалась дань уваженія, особенно же воздается дань благодарности отъ тѣхъ племенъ, кои бывъ разсѣяны на пространствахъ отъ Тибета до Сибири, отъ береговъ Ганга до Лены, видятъ только въ лицѣ Брамиповъ и Ламъ своихъ цѣлителей и то орудіе, чрезъ которое: Medicamenta, quae (dicente antiquissimo illo M. Herophilo) Deorum immortalium manus sunt, quotidie ad salutarem effectum diriguntur.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.

Не лишне припомнить здѣсь, что предки Аттиллины скитались на берегахъ Енисея; Ханъ Дизавулъ принималъ Юстиніанова сановника Земарха въ долинахъ Алтайскихъ; послы Иннокентія IV и св. Людовика ѣхали къ наслѣдникамъ Чингисхана мимо Байкала; отецъ Александра Невскаго падалъ ницъ предъ Гаюкомъ въ окрестностяхъ Амура. См. Истор. Госуд. Россійск. Т. IX стр. 336—7, изд. 1834 г.

2.

Уральскія горы въ старинныхъ лѣтописяхъ называются: Югорскими горами, Великимъ хребтомъ, Югорскимъ каменемъ. Фишер. ч. 1. стр. 60—61.

3.

О Черемисахъ упоминается и въ Нестеровой лѣтописи. «А се суть нніи языцы, иже дань дають Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва».

4.

На Сѣверо-Востокѣ Европы жилища Самоѣдовъ начинаются у города Мезеня. Любопытныя свѣденія какъ о Самоѣдахъ, такъ и о другихъ Финскихъ племенахъ содержатся въ журналѣ Мин. Вн. дѣлъ за 1853 г., въ изданномъ отъ Глазунова въ 1799 г. описаніи обитающихъ въ Россіи народовъ, и въ изданіи Владимира Ислаина въ 1847 году: *Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту.*

5.

Старинное названіе Енисея Кемъ. И полагаютъ, что у верховья этой рѣки преимущественно находились кочевья Киргизовъ, доставшихся въ удѣлъ Толаю, четвертому сыну Чингисхана. Ист. Сиб. Фин. 1. 56.

6.

Любопытное и ученое разрѣшеніе вопроса: кто были Татары XIII вѣка? представляетъ покойный синологъ о. Іакинѳъ въ запискахъ о Монголіи 1. 281—4. Предѣломъ Татарскихъ жилищъ въ Восточной Сибири служитъ Енисей. За Енисеемъ же являются Татары какъ поселенцы, и число ихъ въ Иркутской Губерніи не превосходитъ трехъ тысячъ душъ.

7.

Обращеніе Якутовъ къ Христіанству началось въ годы завоеванія Сибири. Но окончено оно въ недавнее время. Послѣ протоіерея Григ. Слѣпцева, наиболѣе способствовали успѣху обращенія, учрежденныя около 1840 года, Духовныя миссіи, съ двумя походными церквами—Благовѣщенскою и Николаевскою.

8.

Камчатская экспедиція, въ которой участвовалъ Степ. Крашенинниковъ, снаряжена была въ 1733 году. Во главѣ ея находились С. П. Академіи Наукъ Профессоры Гмелинъ, Миллеръ и Делиль де Лаброіеръ. Свѣденія, касающіяся до этой экспедиціи, обстоятельно изложены въ полномъ собраніи ученыхъ путешествій по Россіи, изданномъ С. П. Академіею Наукъ въ 1818 году.

9.

Названіе Курильскихъ усвоется всѣмъ островамъ, которые, начиная съ Южной оконечности Камчатскаго полуострова, тянутся до самой Японіи. Другая подобная имъ гряда между 53 и 56 гр. сѣв. широты и между 158 и 176 гр. запад. долготы отъ Гринвича, составляетъ отдѣлы Алеутскихъ, Андреяновыхъ, Лисьихъ и друг. острововъ Сѣверо-Западной Америки. Кто желаетъ по-

знакомиться съ сими дальними окраинами Русскаго царства, тому полезно будетъ прочесть изъ Собранія ученыхъ путешествій по Россіи т. 1. главу 9-ю, а также записки П. Веніаминова, и записки Фл. Капит. Головкина о приключеніяхъ его въ плѣну у Японцевъ съ 1811 по 1813 годъ. Притомъ замѣтимъ, что на всѣхъ помянутыхъ островахъ, въ 1852 году, число жителей изъ Русскихъ, Креоловъ, Алеутовъ, Колошей, Чугачей и Курильцевъ простиралось до 9.452 душъ, по свѣденіямъ сообщеннымъ чрезъ Москов. Вѣдомости 1853 г. въ № 50.

10.

Камчатскій полуостровъ, при занятіи его Россіянами въ 1697 году, имѣлъ жителей не менѣе десяти тысячъ, какъ можно заключать по разсчету ясачнаго сбора и по церковнымъ росписямъ того времени. Къ такому же заключенію приводитъ и донесеніе Архимандрита Іоасафа Хотунцевскаго. Онъ писалъ, что по прибытіи въ Камчатку, въ 1745 году, найдено имъ тамъ крещеныхъ Камчадаловъ 6,067 чел. Самъ крестилъ 1,719, да Нижнеколымскимъ Священникомъ Иваповымъ окрещено 196. За всѣмъ тѣмъ много еще оставалось язычниковъ.

Но въ Сентябрѣ 1769 года, завезенная изъ

Охотска въ Большерѣцкъ оспа, о которой дотолѣ понятія тамъ не имѣли, распространилась по всему полуострову и произвела страшную смертность. По Мартъ 1770 года похищено ею 315 заѣзжихъ и 5,053 чел. туземцевъ, не считая при томъ ни Олюторцевъ, ни Коряковъ. Послѣ прекращенія оспы, въ Камчаткѣ оставалось всего четыре тысячи душъ обоего пола.

Не меньшее бѣдствіе испытано въ 1799 году. На одномъ изъ двухъ кораблей, перевозившихъ въ Камчатку полкъ имени Ген. маіора Сомова, во время плаванія появилась злокачественная горячка. Едва судно положило якорь въ Петропавловской гавани, какъ болѣзнь стала поражать жителей. А съ переходомъ командъ на разные пункты для квартированія, эпидимія распространилась и объяла всѣ Камчатскія селенія, проникла въ Тичиль и даже на Курильскіе острова. Общее число умершихъ отъ Сомовскаго повѣтрія остается не извѣстнымъ. Но по метрикамъ главныхъ на полуостровѣ мѣстъ значится ихъ 1,062 чел. Такія и подобныя имъ катастрофы до того уменьшили населенность края, что по счисленію, сдѣланному около 1840 года Благочиннымъ Камчатскихъ церквей Громовымъ, оказалось 2,660 Камчадаловъ и 500 Олюторцевъ. Какъ ни мала эта цыфра, но и на ней не остановилось уменьшеніе Камчатской на-

селенности. Ибо въ журналѣ Мин. Вн. дѣлъ, въ V книжкѣ, за 1853 годъ, на стр. 246-й показано Камчатскихъ инородцевъ всего 1951 чел. Гдѣ же причины этой изумительной убыли? При сужденіи о предметѣ таковой важности, стоитъ обратить вниманіе на таблицы Крашенинникова, составленныя имъ за 115 лѣтъ до нашего времени и содержащіяся въ IV кн. Описанія Камчатки.

Мы, не входя въ дальнія по предмету сему сужденія, замѣтимъ, что сказанное о Камчаткѣ имѣетъ приложеніе почти ко всѣмъ кочевымъ народамъ.

Находясь подъ вліяніемъ суроваго климата, подъ гнетомъ нуждъ и лишеній, не зная пособій науки и будучи всегдашнею жертвою невѣжества и сусвѣрій, — Сибирскіе инородцы несли и еще несутъ огромныя потери въ своемъ населеніи. Одни изъ нихъ успѣли уже изчезнуть (напр. Аринцы, о которыхъ упоминаетъ Миллеръ въ Ист. Сиб. стр. 31), другіе идутъ къ изчезновенію (какъ бродячіе Тунгусы, Карагасы, Сойоты), а прочіе хотя получаютъ приращеніе, но скудное и дряхлое. Ядъ болѣзней поражаетъ многихъ изъ нихъ, особенно Якутовъ и Камчадаловъ, еще въ утробѣ матерней. И ежели къ кому, то напаче къ нимъ прилагается стихъ:

Cor, nisi cura, nihil; caro nil, nisi triste cadaver
Nasci aegrotare est; vivere, saepe mori.

За то Русское новосажденіе, побѣждая самую природу, преспѣваетъ и нравственно и физически. И въ немъ одномъ, среди хаоса разноплеменности, надлежитъ видѣть то избранное сѣмя, которое есть стояніе Сибири, основа ея благосостоянія. Чит. Истор. Сиб. Словцева 1. 243.

11.

Чукчи представляютъ собою дикій и весьма мало обслѣдованный въ быту своемъ народъ. Ибо ни Русскіе вонтели, ни ученыя экспедиціи никогда не проникали внутрь Чукотской земли. Извѣстно только изъ старыхъ хроникъ, что Коз. сотникъ Иванъ Кобелевъ предпринималъ туда путь въ 1779 году и доходилъ до одного изъ трехъ острововъ Гвоздевыхъ, лежащихъ въ Беринговомъ проливѣ. Другой, подобный Кобелеву путешественникъ, былъ сержантъ упоминаемый Лессенсомъ. Люди эти ограничивались общими взглядами на землю и народъ, а о большемъ и думать не могли. Честь же обстоятельнаго описанія Чукотскаго мыса, особенно въ этнографическомъ отношеніи, досталась священнику Иркутской Епархіи Андрею Аргентову. Бывъ опредѣленъ мною къ устроенной, возлѣ Чаунской губы, Николаевской церкви, онъ простеръ слово Евангельской проповѣди въ средоточіе Чукотскаго края, про-

свѣтилъ многихъ изъ нихъ св. крещеніемъ и погасилъ въ народѣ семъ ненависть его къ русскимъ, укоренившуюся со времени похода Маіора Павлуцкаго. Аргентовъ полагаетъ, что число Чукчей восходитъ тысячь до пятнадцати душъ.

12.

Границы Манчжуріи: — на Югѣ Китай, на Сѣверѣ р. Амуръ, на Востокѣ Японское море и Татарскій заливъ, а на Западѣ Великая Монголія, начинающаяся нѣсколько выше сліянія Шилки съ Аргунью. Новѣйшія изслѣдованія о Манчжурахъ находимъ въ III ч. зап. Іакинѳа и въ трудахъ Россійской Духовной миссіи.

13.

По счисленіямъ, произведеннымъ около 1840 года, оказалось въ В. Сибири 12,000 Тунгусовъ. Но въ счетъ этотъ вошли лишь тѣ Тунгусы, которые извѣстны подъ собственнымъ ихъ именемъ. Между тѣмъ какъ многіе изъ единоплеменцевъ ихъ, разсѣянные по Сибири и усвоившіе себѣ разныя мѣстныя наименованія, значительно увеличиваютъ собою общій итогъ Тунгусскаго племени. Таковы суть: 1) *Ламуты*, обитающіе около Охотскаго моря по р. Колымѣ и Омолою; 2) *Юкагиры* между Яною и Колымою, и близъ Ле-

довитаго моря; 3) *Коряки*—въ самыхъ суровыхъ окраинахъ Сѣверной Камчатки, до р. Анадыря, гдѣ сталкиваются съ Камчадалами, Ламутами и Чукчами: 4) *Сойоты* (Саяты), или *Урянхаи*, скитающіеся въ горахъ Саянскихъ на Югозападъ отъ Байкала и въ Монголіи Китайской; 5) *Карагасы*—племя бродящее по лѣсамъ Нижнеудинскаго округа Иркутской Губерніи. Тамъ ихъ считается до 400 человѣкъ и всѣ они, или почти всѣ, крещены;—6) *Долганы*, кочующіе въ Сѣверной части Енисейскаго округа; 7) *Кизильцы*—въ Южной части Ачинскаго округа; 8) *Гиляки*—при устьѣ Амура и въ дебряхъ Удскаго края.

Прочія мѣлкія племена проходимъ молчаніемъ. Но кто желаетъ имѣть объ нихъ понятіе, тому совѣтуемъ заглянуть въ полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи.

14.

Роды, на которые подраздѣляются Хамниганы, суть слѣдующіе:

1) Улятскій.
2) Сарпульскій.
3) Сародульскій.
4) Чимчигитскій.
5) Бялкагатскій.
6) Памятскій.
7) Онхотскій.
8) Баджандаритскій.
9) Табунатскій.
10) Харапутскій.

15.

Гантимуръ родомъ Манжуръ. Въ 1667 году, былъ онъ посланъ съ китайскимъ войскомъ, для препятствованія чуждымъ пришлецамъ селиться на берегахъ Амура. На пути къ Комаровскому острогу, стоявшему въ 600 в. отъ соединенія Шилка съ Аргунью, встрѣтилъ онъ козачьи отряды, но не давъ сраженія, объявилъ о желаніи своемъ принять Русское подданство, вмѣстѣ съ Тунгусами Лугамоцкаго рода, въ числѣ пяти сотъ душъ.

16.

Роды Даурскихъ Бурятовъ носятъ слѣдующія названія:

1) Дзун-харгананскій.
2) Дзун-хачинскій.
3) Ходайскій.
4) Гучитскій.
5) Ачи-багатскій.
6) Галзутскій.
7) Дзун-барун-купдутскій.
8) Хальбинскій.
9) Шарайтскій.
10) Батанайскій.
11) Барун-хацинскій.
12) Бодонгутскій.
13) Удзонскій.
14) Гунейскій.

15) Бальтягатскій.

16) Тукчинскій.

Изъ родовъ сихъ послѣдніе четыре, сосредоточенные на Ононѣ, входятъ въ составъ Гантимуровскаго удѣла и по преимуществу удерживаютъ за собою названіе Монголовъ, въ отличіе отъ Хамниганов, Цонголовъ и Бурятовъ. При томъ, по свидѣтельству Монгольскаго Историка *Сананг—сецена Хонтайджи*, прямое потомство Чингисхана сохранилось въ Дзалейрскомъ племени, причисленномъ нынѣ къ Удзонскому роду. Племя это происходитъ отъ *Моголи*, главнаго вождя и ближняго родственника Чингисова.

17.

Въ недавніе годы (1840-53) Буряты Тункинскіе, Баргузинскіе и Аларскіе обнаруживали замѣчательную наклонность къ принятію Христіанства. Мнѣ самому случалось крестить ихъ цѣлыми сотнями. Ангара и Иркутъ не разъ представляли намъ умилительныя зрѣлища временъ Св. Владиміра, совершавшіяся на Днѣпрѣ и Почайнѣ. Благословенный ходъ дѣла зависѣлъ отъ многихъ видимыхъ и невидимыхъ причинъ. Но осязательно споспѣшествовали тому: 1, учрежденіе пустыни Преп. Нила на Западной границѣ нашей съ Китайскою Монголіею, въ видахъ распростра-

пенія Евангельской проповѣди среди язычествующихъ племенъ; 2, построеніе многихъ церквей, и особенно въ средоточіи населенія Тункинскихъ, Балаганскихъ и Аларскихъ Бурятъ; 3, усиленіе миссій и правильно обусловленная ихъ дѣятельность; 4, переводъ Богослужебныхъ книгъ на Монголо-Бурятскій языкъ и совершеніе на языкѣ семъ разныхъ службъ и требъ. Звуки роднаго языка, слышимые во храмѣ Божіемъ, не рѣдко пропзводили на Бурятовъ чудесное дѣйствіе. Такъ, Тункинскій Тайша Зангей Хамаковъ, имѣвъ случай слышать при Архіерейскомъ священнодѣйствіи въ Гужирской Николаевской церкви нѣкоторыя пѣснопѣнія на Монгольскомъ языкѣ, до того возбужденъ былъ въ пользу христіанства, что немедленно объявилъ о желаніи своемъ и семейства своего принять Св. крещеніе и создать церковь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ уже начато было созиданіе языческаго капища.

18.

Бурятовъ, по переписи 1766 года оказалось:

1) въ уѣздѣ Иркутскомъ 17 родовъ, въ нихъ: 4,038 муж. п.

2) въ уѣздѣ Верхоленскомъ 11 родовъ (причисляя къ нимъ 3 Тунгус. рода), въ нихъ 5,704.

3) въ Балаганскомъ 12 родовъ, въ нихъ 2,607.

4) Причисленныхъ къ Нижне-удинскому острогу 9 родовъ, въ нихъ 2,483.

5) причисленныхъ къ Тункинскому острогу 12 родовъ, въ нихъ 4,562.

6) въ отдѣльномъ Хондоборскомъ родѣ 2,319,

7) въ Даурiи, и особенно въ степяхъ Удинскихъ, Харинцевъ 11 родовъ, въ нихъ 11,033.

8) въ Краспоярскомъ уѣздѣ, по правую сторону Енисея цѣлые роды и племена.

Авторъ описанiя народовъ, обитающихъ въ Россiи, представивъ эту перечепь, такое дѣлаетъ заключенiе: «въ разсужденiи нерадѣнiя при переписи и чрезъ то самаго не вѣрнаго исчисленiя, тогда сдѣланнаго, можно навѣрное полагать, что едва треть показана душъ мужескаго пола Бурятскаго народа, который въ Россiи находится (ч. III ст. «О Бурятахъ стр. 26)». И мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣнiе Автора. Перепись кочевыхъ племенъ во всякомъ случаѣ есть дѣло труднѣйшее. Бывъ разсѣяны по пустынямъ, лѣсамъ и горамъ, опѣ легко ускользаютъ отъ взора и вниманiя властей. Только родовичи въ состоянiи слѣдить за своими собратiями. Но кто услѣдитъ за совѣстiю и разсчетами сихъ степныхъ аргусовъ?

19.

Въ путяхъ Провидѣнiя, для дѣлъ великихъ

часто избираются самыя слабыя орудія, да немощь ихъ яснѣе покажетъ вседѣтельную силу Божію. Явленіе такое видѣлъ міръ въ послѣдней четверти XVI столѣтія. Гонимые на Волгѣ и Дону опалою грознаго царя, съ другой стороны ласково приглашаемые (6 Апр. 1579 г.) *на дѣло честное*, убѣждаемые быть *воинами Царя Бѣлаго, оберегать отъ невѣрныхъ край Христіанскій*,— атаманъ Ермакъ Тимоѳѣевъ, сынъ Повольскій и товарищи его подняли знамя на берегу Волги, кликнули дружину, собрали 540 отважныхъ бойцовъ и, какъ бы по зову самаго Неба, отправились въ путь и прибыли (28 Іюня) къ пригласившимъ ихъ Строгановымъ (Строган. лѣтоп. стр. 14, изд. 1821 г.). Заведенія и остроги, построенные сими владѣльцами, по силѣ жалованной въ 1568 году грамоты, находились на берегахъ Чусовой, отъ устья до ея вершины, и по Камѣ, отъ земли Пермской до р. Сильвы. На семъ-то пустынномъ и тревожномъ рубежѣ суждено было собраться, безъ вѣдома и воли царской, подъ начальствомъ разбойничьяго атамана, изъ скитальцевъ разноплеменныхъ, буйныхъ, опальныхъ, собраться ополченію, *для очищенія Сибирскія земли, для отогнанія безбожнаго варвара* (Строган. лѣтоп. стр. 18).

Мы далеки отъ того, чтобъ слѣдовать за нашими витязями въ многолѣтней борьбѣ ихъ съ

невѣрными супостатами. Скажемъ только, что послѣ смерти Ермака, на Вагейской лукѣ, съ 5-го на 6-е Августа 1584, завоеваніе продолжалось казацкими старшинами и даже частными промышленниками, переходившими за Югорскій камень искать легкой добычи.

Больше, чѣмъ столѣтіе Сибирской исторіи украшаютъ собою рыцарскіе подвиги воителей сихъ. И наконецъ ими вѣнчается, такъ сказать, XVII вѣкъ, съ одной стороны усмиреніемъ хана Очироя и Нерчинскимъ договоромъ между Россіею и Китаемъ, заключеннымъ въ 1689 году чрезъ посла Головина, съ другой — на Сѣверо-Востокѣ Азіи, занятіемъ Камчатки и первымъ Русскимъ водвореніемъ въ Верхне-Камчатскомъ острогѣ, основанномъ пятидесятникомъ Влад. Атласовымъ въ 1697 году (Чит. Опис. Камч. 1. 17. Истор. Госуд. Рос. Т. IX. Лѣтоп. Строгон. и Тобольскую, истор. обозрѣніе Сибири Словцова).

20.

По словамъ Абульгази (стр. 48), Кучумъ властвовалъ 40 лѣтъ. Онъ былъ средній сынъ Муртазы Бухарскаго хана и по волѣ его наслѣдовалъ Сибирское царство, послѣ смерти старшаго брата своего (Мил. стр. 12—56. Зап. о Монг. Iак. 225).

21.

Мнѣнія ученыхъ относпительно достоинства Буддизма довольно благопріятны ему. Въ его обширной литературѣ находятъ всѣ красоты древней религіозной поэзіи. На его философію смотрятъ какъ на представительницу всѣхъ нашихъ философскихъ системъ; а исторію Индійской философіи считаютъ какъ бы сокращеніемъ полной исторіи философіи.—Палласъ же имѣлъ причины думать, что между Буддизмомъ и нѣкоторыми христіанскими сектами есть большое сходство. Вотъ его слова: «удивленія достойно, что Калмыцкая вѣра во всѣхъ наружныхъ обрядахъ, также въ мнѣніяхъ о перемѣнахъ свѣта и во многихъ другихъ вещахъ, великое имѣетъ сходство съ нѣкоторыми христіанскими, развратно толкующими сектами; а особливо Брамииская и Ламайская вѣра весьма сходственна съ Несторіанскимъ расколомъ.» См. путеш. Пал. ч. 1. стр. 491. Ученыя зап. Каз. Универ. за 1835 г. кн. II. стр. 385—7.

22.

Учен. Зап. Каз. Унив. кн. II. 1835 г. стр. 389.

23.

Приведенный Тибетскій стихъ поется при разныхъ обрядахъ, совершаемыхъ по руководству книги *туйн судеръ*. Мысль этого стиха часто встрѣ-

чается. Между прочимъ прекрасно выражена она въ слѣдующемъ Тарнпнскомъ монологѣ: *умма сараван дата гада идам гуру радна мандала камирiан дая ме.* Т. е. Всесвятый Господи! Тебѣ всесовершенному и обладающему всѣми сокровищами міра, дерзаемъ мы принести жертву.

24.

Въ Чихула кереглекчи и въ другихъ книгахъ Буддійскаго канона число первозданныхъ міровъ опредѣляется трехтысячною великою тысячею— *гурбан минган ике минган иртынцу.* Темная даже для природныхъ Монголовъ фраза эта объясняется въ III гл. книги Кайба джумнейи даг-икъ, иначе называемой мергет гархойи оронъ. Согласно съ объясненіемъ Кайбы, Ламы толкуютъ, что приведенною фразою дается понятіе о безчисленности міровъ; и потому чаще всего говорятъ: *Гадагаду саба иртынцуйи байдал кемебесу тога томши угей иртынцу аджиу.* При дальнѣйшихъ же объясненіяхъ встрѣчаемъ слѣдующія мысли:

Стихійный міръ, разсматриваемый въ матеріальномъ и формальномъ отношеніи—*шими, иртынцу,* въ общей массѣ существующихъ міровъ представляетъ собою не болѣе, какъ единицу.

Взявши эту единицу—*эцуни нигеи кемен тогаладжу,* и достигнувъ до тысячи, получимъ такъ

называемую малую тысячу: *минга куруксени уцуген минган кемен.*

Потомъ эту малую тысячу принявши за единицу и насчитавши тысячи тысячей, получимъ среднюю тысячу: *эне уцугени ниген кемен тогаладжу, минган куруксени Думда минган кемен.*

Наконецъ взявши эту среднюю тысячу (т. е. милліонъ) за единицу и умноживъ ее на тысячу, получимъ великую тысячу—*эне думдей-ги ниген кемен тогаладжу, минга куруксени ике минган кемен.*

Такимъ-то образомъ должно понимать выраженіе: *гурбан минган ике минган иртынцу*, коимъ опредѣляется общая числимость міровъ. Чит. объ этомъ кайба джумпейн даг-икъ, гл. III, л. 41.

25.

Свѣденія о сотвореніи міра, а равно и о богахъ, разсѣяны по всему Ганджуру; но основныя, по мнѣнію моему, содержатся въ Мани Гамбуму теригун ботидоръ.

26.

На 10-мъ листѣ первой главы Мани Гамбуму такъ повѣствуется: *нидубер удзекчи эркету Бадмейн минган тугурцек—еце ике бага кубегуну куцунь-эр эбден, улу чидахой нигени токтогацахой.*

27.

Вотъ собственныя слова Мани Гамбума: *Абида*

бурхан, ике урушіенгуй-бер амитану туса уйлетку. кемеку діана текши ороцахой, барагун нидун-еце ниген цаган герыл цацораксан-еце уран аргату Манджушири, ике нигулесекчи Аріаболо хоири хобилгагатъ; т. е. Божественный Абида, по великому милосердію своему, обращая мысль свою къ благу существъ, испустилъ изъ праваго глаза своего бѣлый свѣтъ, и такимъ образомъ произвелъ мудраго Манджушири и многомилостиваго Аріаболу.

28.

Облако, изъ котораго произошла водная сфера— *осун-мандалъ*, названо въ Монгольскихъ книгахъ *осун джирюкету* т. е. водосердечнымъ; равно и вода, изъ которой вышла золотая земля, носитъ названіе златосердечной—*алтан джирюкету осун*. И это на томъ основаніи, что земля въ первобытномъ своемъ состояніи походила на сердце; такое же подобіе имѣло и первое облако, какъ вмѣстилище земли, долженствовавшей изъ него родиться.

29.

Элдеб орон тегусексен эгулен-еце... хура орон, гадагаду далайги токтоган, тегуни Сансарун кей хотхуксань-ер маши улемджи Агула кигет, дологан алтанъ агула, ценгелун долон далай, дурбен тиб болон, учигукен найман тиб кигет, гадагаду тумур куріе луге селте токтогацахой .....

Тере метубер дотогаду Саба иртынцу болон, гадагаду Шими иртынцуйн орони улам улам токтогацахой. М. Гамб. гл. 1. л. 10 и далѣе.

30.

Въ 3-й главѣ кайба джумпейн даг-икъ о составѣ стихійнаго міра между прочимъ говорится: *саба иртынцу-дор дорадо делекей болон, орошиксан-ану: кейн мандал, шоройн мандал бугет, тегундор шитуксен орон-ану Сумбер агула, дурбуль-джин дурбен уиту....Сумберун думдагура наран, сара бой.* Мысль та, что органическій міръ, состоя изъ трехъ сферъ-воздушной, водной и земной, имѣетъ въ центрѣ 4-угольную и съ 4-мя ярусами гору Сумберъ, около которой совершаютъ теченіе свое солнце и луна.

31.

Въ Чихула кереглекчи (л. 35) довольно пространно изображено паденіе Тенгериновъ. Сущность же сказаній заключается въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) *Геген герылту Тенгеринер-еце тачіакчи дзаримут-ану газартор балун амтан-дор адали, цаган унгету Аршіану Шиме нерету идегени идексендор, быин герыл угей бологат, хаб харанхой болбай.*

2) *Тегуну хоина улабур унгету балун амтандор адали газарун тосо кемеку идегени идебей.*

3) *Ногогану ой* (зеленый плодъ) *кемеку идегени идебей.*

4) *Эсе тариксан Салу нерету тотор гайги идебей.*

Содержаніе пунктовъ сихъ объяснено Г. Ковалевскимъ въ § 42-мъ Буддійской космологіи (см. уч. зап. Казан. Унив. за 1837 г. стр. 122). Одно въ этомъ парафразѣ не понятно: почему въ исторію Тенгериновъ вводится человѣкъ; вводится тогда, какъ онъ еще не существовалъ и даже слова человѣкъ не было — *кумун амитан кемеку неречу-угей* (М. Гам. гл. 33, л. 68)?

32.

Падшіе Тенгерины раздѣлились первоначально на восемь классовъ, и они витали между міромъ горнимъ и преисподнимъ. Почему и извѣстны подъ общимъ названіемъ: *Думда найман аймак.* Сюда относятся: 1, *Якчисъ*—сторожевые, 2, *Ракчисъ*, составившіе собою женскую половину рода человѣческаго, 3, *Асори* —сосѣдніе съ Лусунханомъ и вообще племя буйное, 4, *Гандари*, 5, *Гинари*, 6, *Махараки*, 7, *Маноки*, 8, *Амоноки*. Сіи послѣдніе пять классовъ считаются глубоко падшими; изъ нихъ-то произошли безсловесныя твари, бириты и адскія существа, признаваемыя злополучнѣйшими—*гурбан магу заягану амитан.*

33.

Коль скоро стали употреблять Салу, то прежнія яствы исчезли. (Буд. Косм. О. К. § 42).

34.

Бѣдственное приключеніе Аріаболы такъ изображается: *Амитану цасо мету, гурбан магу заягана унахой-ги удзен, маши гашигудан, шинтараксан луга, саца теригун-ину арбан анги хагарабай.* (М. Гамб. л. 10).

35.

О таинственныхъ словахъ: *ом, ма, ни, бад, ме, хом*, будемъ говорить впослѣдствіи. А здѣсь замѣтимъ, что ученые, бравшіеся за истолкованіе словъ сихъ и не обратившіе вниманія на ихъ происхожденіе и цѣль (о чемъ такъ ясно говорится въ 1 главѣ Мани Гамбума), поступали слишкомъ неосторожно; и какъ бы съ намѣреніемъ уклонялись отъ тѣхъ мыслей, къ которымъ приводитъ Буддійскій текстъ: *Амитана игудексен нугудун турукуйн эгудени хагахой джурган усук мани эгунь ер хамок эрили хангаху—ану...* Абида далъ Аріаболо шесть заповѣдныхъ словъ, для доставленія ему возможности располагать перерожденіями существъ и исполнять благія свои желанія.

А чтобъ Аріаболо, пользуясь таинственнымъ орудіемъ, не впалъ въ какую либо погрѣшность;

то самъ Абида объяснилъ ему, что сказавши слово *ом*, затворитъ онъ для Тенгериновъ дверь, ведущую къ перерожденіямъ—*тенгеридор турукуйн эгуде хагаху*; сказавши *ма*, то же сдѣлаетъ для Асуриновъ; и такимъ образомъ можетъ вести дѣло до самыхъ дверей адовыхъ.

36.

И дѣйствительно, Буддисты смотрятъ на Аріаболо, какъ на идеалъ любви боговъ и даже какъ на олицетвореніе самаго Божества. Взглядъ этотъ основанъ на сказаніяхъ, содержащихся въ 1-й главѣ 1-го тома, Мани Гамбума. Тамъ найдетъ читатель: 1) что на Аріаболо возлагается обязанность быть всегдашнимъ благотворителемъ — *орчилангун хогосон болога инару* (per saecula saeculorum) *амитану туе уйлет* (М. Гам. л. 8); 2) что тысяча рукъ съ тысячею глазъ, данныхъ Аріаболо, суть символы тысячи боговъ, имѣвшихъ править, а теперь дѣйствительно правящихъ міромъ и облегчающихъ собою трудъ Аріаболы; 3) что одинадцать лицъ представляютъ прежде всего Абиду, а за тѣмъ остальныхъ четырехъ боговъ вѣнца и шесть грозныхъ боговъ—*дурбен аморлингой, джурган килинтену, арбан ниген нигури дзогоглаксан*; 4) что таинственныя слова *ом, ма, ни, бад, ме, хом*, служатъ выраженіемъ непостижимости высшихъ судебъ

и владычества Божія надъ живыми и умершими. Къ каковой мысли очень близко приводитъ изреченіе самаго Абиды. *Джуриан усук эгунь-эр джуриан дзуйл амитану кейт бурину аюл хагаху аму.*

37.

О Хормостѣ и другихъ сего рода Хубилганахъ будемъ мы говорить въ своемъ мѣстѣ, почерпая нужныя свѣденія изъ 1-й части Мани Гамбума.

38.

Въ Монгольскомъ текстѣ о происхожденіи Мандзы сказано: *Дзегун алаган-еце герыл цацаргулан, бодисат шара бычину хаганъ, Мандза кемеку нигени хубилаксан бой.* М. Гам. гл. 33. л. 68,

39.

Это общій смыслъ словъ, влагаемыхъ въ уста Абиды разными повѣствователями. Но въ Мани Гамбумѣ такъ читается: *Дзегун дзугун цасоту орона Кумун амитани эргу-джигулкуйн тола, бодисадо шара бычину хаган, чи бер тере орона бишилал уйледен чидаху бою.*

40.

Эме Ракчиса принадлежала къ сонму падшихъ духовъ и жила у подошвы горы—*тере хадвйн*

хормойдор, на которой поселился Мандза: почему и называется она горною Ракчисою, женою горъ и зеленою (*ногон*) Дарою. Посѣщеніе ея картинно изображаютъ Буддійскіе витіи. Такъ въ Мани Гамбу: *ниген эдурун цактор, хадейн ниге эме Ракчис тачіангой—бер букуй-еце абун, эме шара бычину дурибер хубилагат, бишилгакчи шара бычину гегене ирен, нигуца удзегулен, кусел келберикуй докія уйледен, дологан хонок болтола тере мету уйлетбечу: шара бычине кусел келберикуй сеткил эсе-болбай.* Изъ сказанія сего видимъ, что существо, представшее въ образѣ женщины предъ свѣтлыя очи Бодисады, не свѣтло было по натурѣ своей. Это былъ горный духъ женскаго пола, рѣшившійся во что бы-то ни стало, прельстить Мандзу. См. гл. 33.

А когдо успѣхъ намѣреніямъ не соотвѣтствовалъ, то Ракчиса пришла къ той мысли, что она не довольно красива, и потому снарядивши себя, какъ можно лучше—*чимегь-ер чимексен удзескуленту ниген хатон хубилан*, повторила съ особеннымъ искуствомъ всѣ продѣлки и довела наконецъ Шара-бычина до того, что онъ изъ подлобья — *нидуну унцугь-ер*, взглянулъ на нее. А этого на первый разъ и довольно было для Ракчисы. Она поняла, что дѣло подается впередъ, а потому поближе подошла (*дергеде ирегет*) къ Шара-бычин-

хану, распространилась въ объясненіяхъ и наконецъ достигла желанной цѣли.

41.

Ракчиса, угрожая Шара бычин хану, говорила, что ежели не исполнится ея желаніе, то она, родившись по волѣ судьбы Ракчисою, принуждена будетъ наконецъ вступить въ брачный союзъ съ подобнымъ себѣ существомъ. И тогда горе живущимъ тварямъ! Всѣ онѣ сдѣлаются жертвою ненасытной алчности Ракчисскаго племени.

Собственныя слова Ракчисы, выражающія эту мысль съ разными подробностями, такъ читаются: *Би заягану кущунь-ер эме ракчись-ен дзуйл турун, тачіангойн эрке-бер чимадор шинун, тачіяксану кущунь-ер чимадор эрин дзалбаримой. Би чималуга ырун хани эсе болбасу, эцусе ракчис-луга нукущен, эдур тутум тумугет амитани алан, урулуге бури мынгат, амитани иден, ракчись-ен кугеси цагласи угей тургет, цасоту орону дзук эдегери ракчись-ен орон болган, баса дзалбу тиб букуни ракчис идеку.*

По истощаніи же всего того, что можетъ поддерживать жизнь, Ракчисы и сами должны будутъ умереть и низринуться во адъ: *тегу-бер енде укун, заягану кущунь-ер тестеши-угей тамойн орона унаху.*

42.

Въ Мани Гамбумѣ отвѣтъ Абиды такъ читается: *тере маши саин! Чи гырун хани бол; дзеткер улу болон, нукуцел болою; эцусе цасоту орона* (въ снѣжныхъ странахъ) *чину ачи кубегуну ундусену аймак делгерен кумун больджу, ном делгерен, манлай болою.*

Что же касается до Дары, принимавшей участіе въ судьбѣ Мандзы, то на нее Буддизмъ смотритъ, какъ на Тенгерина женскаго пола, равняющагося достоинствомъ съ Аріаболо и Ураи Манджуширинсмъ. Она и произошла въ одинъ съ нимъ періодъ изъ голубаго свѣта праваго глаза Абиды: *Дзегун нидун-еце куку герыл цацарулаксан-еце укин тенгерин дурибер ногон цаган Дара экей-ги хубилган.*

43.

Переселеніе душъ составляетъ одинъ изъ главныхъ догматовъ Буддійскаго вѣроученія. Въ смыслѣ этого догмата говорится о дѣтяхъ шара бычин хана, что души ихъ, бывши пресельницами изъ другаго міра — *юсун сара кигет, арбану нигура джурган дзуил амитан-еце насо игуткен иреджу,* проявляли въ себѣ характеръ тѣхъ духовъ, къ классу которыхъ принадлежали онѣ.

44.

Мандза опасался, чтобъ Ракчиса, при чудовищной алчности своей, не пожрала со временемъ и собственныхъ дѣтей, и потому-то рѣшился бѣжать отъ нея въ пустыню. *Тедегер кубегуди эме Ракчиса улусен, идеку аюл бойн тола, эцеге бычин бодисадо барагун дзугун чигулгату кемеку ойдор курулцекуй.*

45.

Когда Мандза отправлялся къ Абидѣ, въ то время семействомъ его съѣдены были цѣлыя лѣса — *тенде идексень-ер модон теригутен баракдан амой.* А потому-то явившись предъ Абидою, Мандза въ отчаяніи воскликнулъ: *Ая гырун ханиги орчилангун гиндану хоріада улу меден, хатоктойги шимнусун куліесуне медел-угей нукуцубей. Эдегеде кер-мету уйлетку бой? Бакшин соирхаксань-ер би эне метор болбай. Хоинакшида тамодор унаху бой би. Тегуну тола намай-ги нигулускуй бер ибеген соирха!* М. Гам.

46.

Отвѣтъ Абиды заключается въ слѣдующихъ словахъ: *цасоту тубудон орона эне хаб харангой балай луга адали, кумун босо, амитан эдзелен, надор улу шитумой. Амитан эдегер кумуне турун, ундур идзагурту кигет тонилгали олхойн тола*

чимейчи илгексен булуге. Чи надор дамджик кигет сеткил бу бари. Чину кубегут ачи эдегер эцусе кумун болон: тере цактор мину номогатхал болху бой. Чимадор гем угей. . . . . тонилху мур луге зокилдаю.

47.

Сѣмена, данныя Мандзѣ для посѣва и употребленія въ пищу, были слѣдующія: *Арбей, бугудей, богурцак, уцуген бурзан, хатамгир, таріан: теригутени дологан дзуйл угчу илген, цасоту ниген тиб орона тари.*

48.

О дарованіи верховнымъ Буддою землѣ силъ къ произведенію металловъ и минералловъ такъ повѣствуется: *Алтан мунгун дзес теригутен эрденин хагмоги атху дегурен* (полную горсть), *цасоту орону дзук цацан, тере газар делекей дор гархой орона адислабай* М. Гам. л. 71.

49.

Келену ниген шилусу цасоту орону дзук цацагат, цак цактор бодисадойн хубилган ном теткекуйн Тиб орона болон, т. е. плюнувши въ страну снѣжную сказалъ: отнынѣ всегда будутъ тамъ священные хубилганы, чтобъ возвѣщать законъ.

50.

Мандза, возвратившись къ дѣтямъ, избралъ удобнѣйшія мѣста для посѣва—*элдеб таріа оргоху, тегус ниген газара цацабай.* И съ тѣхъ поръ плоды земные обратились въ пищу для человѣка.

51.

Первый учитель рода человѣческаго Номун анханъ, явившійся въ Тибетѣ, произошелъ изъ свѣта ладони правой руки верховнаго Будды. Вотъ собственныя слова монгольскаго текста: *Нидубер удзекчи эркету барагун гарун алаган—еце гэрыл цацарулан, былге улигер тегусексен* (specie perfectum), *ниген кубегуни хубилгаджу, цасоту тубудон орондор илгексен бой.*

52.

О физическомъ и нравственномъ безобразіи дѣтей Шара бычин хана много говорится въ Гамбумѣ. Такъ на примѣръ: *Тедегер кубегут чу нюгур улаган, миха чисуна дуратей, халдзан, быиде усутей, угулен чидаху болбай*; т. е. дѣти Шара бычина имѣли цвѣтъ лица красный, головы плѣшивыя, тѣло мохнатое, а въ добавокъ еще были и кровожадны. И тѣмъ лишь отличались отъ звѣрей, что могли говорить. Виновницею же такого безобразія дѣтей признается мать ихъ Ракчиса. См. м. Гам. гл. 33.

53.

Люди, преданные грубой чувственности, не могли цѣнить нравственныхъ достоинствъ наставника своего. Ихъ занимала только внѣшность его. *Теде угулерун: Чину саин быи ячун-еце болбай?* На вопросъ этотъ учитель отвѣчалъ: *би арбан хара нигул тебчин, арбан цаган буини эдлен, джурган барамиди эдлеку номламой....»* et caet. Я воздерживался отъ десяти черныхъ грѣховъ, я стяжалъ десять доблестей, исполнилъ шесть барамитовъ и теперь стараюсь о распространеніи законовъ.

54.

По сказанію Чихула кереглекчи, первый изъ потомковъ Шара бычин Мандзы, удостоившійся избранія на царство, былъ *Олона ургукдексен хаган* — царь превознесенный. За нимъ преемственно слѣдовали: *Удзескеленту герыл* — прелестный свѣтъ, *Буинту хан* — благій царь, далѣе *Дегеду буинту* и наконецъ *Теткун асаракчи хутукту* — благомилостивый споспѣшникъ. Всѣ они считаются царями перваго вѣка — *Анхан галабун*, предшествовавшаго золотому вѣку.

55.

О Загарвадонѣ, стоящемъ во главѣ царей золотаго вѣка — *саин цагун*, сказано: *Нами кегу ке-*

меку хаган-ану дурбен тиби эдзелекчи, алтан курдуту хаган бой. Чихула кереглекчи, стр. 36.

56.

Баньди, иначе Ховаракн, состоятъ при капищахъ и исправляютъ низшія служебныя обязанности.

57.

Описаніемъ золотаго вѣка и относящихся къ нему важнѣйшихъ событій занимается: *Сапан цагун милаи бурхан судер*. Эту книгу рекомендуемъ любознательнымъ читателямъ.

58.

Существованіе міра ограничено шестью Галабами, или періодами:

1) *Токтахой галаб* — періодъ основанія, обнимаетъ время отъ появленія стихіи воздуха до образованія адскихъ существъ: *нен тергуне кей мандал токтоксан еце, тамойн амитан шину турукуй куртеле.*

2) *Орошихой галаб* — періодъ населенія; получивъ начало свое, когда люди жили безчисленные годы, вѣкъ этотъ окончится, когда станутъ они жить не долѣе десяти годовъ: *Дзамбу тибун кумун амитан того томши угей насолхой — еце, арбан насолхой куртеле бою.*

3) *Думдату, эсебесу дзагурату галаб* — періодъ промежуточный, или средній будетъ имѣть обратное дѣйствіе. Люди отъ 10-ти лѣтняго продолженія жизни перейдутъ постепенно къ 80-ти тысячному: *арбан насолхой—еце дегекши немеджу, найман тумун насолхой куртеле бою.*

4) *Эбдеркуйн галаб* — періодъ разрушенія, отъ времени опустошенія земли мечемъ, до времени опустошенія ея огнемъ и водою—*мысу-бер эбдерку-еце, гал-ба усубер эбдеркуй куртеле.*

5) *Хогосун галаб* — періодъ пустоты, простираться будетъ отъ времени разрушенія міра огнемъ и водою, до возстановленія въ прежнемъ видѣ воздуха. *Гал осунь-ер эбдереджу, баракcану хоина кейн мандал токтахойн тергун куртеле бою.*

6) *Пке галаб*—великій періодъ, отъ возстановленія воздуха, до окончанія періода пустоты: *Нен тергун зокіакчи кей мандал токтаксан-еце хогосон галабун эцус куртеле бою.*

Этотъ шестой галабъ — великій, заключаетъ въ себѣ 80, а остальные пять по 20 малыхъ галабовъ. И каждый изъ нихъ, обнимая 500 лѣтній періодъ времени, долженъ сопровождаться чувствительнымъ для міра потрясеніемъ. Съ послѣднимъ же галабомъ всѣ силы природы возмятутся и міръ нашъ разрушится. Чит. Санан цецен зокіак-

сан Пом; Чихула кереглекчи стр. 34, и Кайба джумпейн дадъ-икъ гл. 3, стр. 43, Косм. Буд. Ков. §43.

59.

Пять боговъ вѣнца — *тителсун табун бурхан*, размѣщаются такимъ образомъ: по срединѣ вѣнца сидитъ Бирюзана, передъ нимъ на Восточной сторонѣ — Абида; на Западной Очир-сидова; на двухъ остальныхъ странахъ—Радна-самбоба и Амога-сиди. Въ книгахъ Буддійскихъ пространно толкуется о достоинствахъ боговъ сихъ; но сущность толкованій выражаютъ слѣдующія слова: *эне табун аймак Бурхан-ану эгскел тегускел үйледумой, эдебер хамок иртынцуй хубилгасан, кумун туруксен бой*. То есть: эти пять боговъ все начинаютъ и все совершаютъ; они образовали міръ и родили человѣка. см. М. Гам. л. 19, Кайба джумпейн дадъ-икъ гл. V. л. 7.

60.

О совершенствахъ Абиды даютъ понятіе приписываемые ему Буддійскими книгами эпитеты, каковы напримѣръ: 1) *Тергулеши үеи*—безначальный; 2) *Дегере үеи дегеду бурхан* — всевышній Богъ: 3) *Хамок иртынцуйи хубилгасан*—зиждитель всѣхъ міровъ; 4) *Гоголаши үеи галабуди убур деген хуріасан*—вмѣщающій въ себѣ безчисленные вѣка; 5) *Хамок айладакчи, хамоги үйледукчи бүгет*—

всевидящій, вся дѣйствующій; 6) *Буини цацаргулакчи, хамоги болбасоргулакчи*—насадитель добра и виновникъ всякаго бытія; 7) *Хотолойги барикчи, хамоги эркедор-ен хуріакчи*—все содержащій и все властію своею объемлющій и проч.

Къ тому, для доставленія понятія о Богѣ, дѣлаются разныя примѣненія къ зримой природѣ. *Манин намтаръ* особенно изобилуетъ ими. Тамъ встрѣчаемъ слѣдующія апотегмы: Легче исчислить звѣзды небесныя, нежели опредѣлить свойства Божія—*бурхану чинари тоголан улин улу чидаю*. Удобнѣе по атому разложить всю землю—*ниджигет, ниджигеть-ер цум бурине*, нежели постигнуть премудрость Божію—*бурхану эрдем билыги*. Можно перечесть капли 12-тилѣтняго дождя—*арбан хоир джилдор ороксан хурейги*, но не достанетъ ни у кого силъ, чтобъ опредѣлить мѣру благотворительности хотя одного изъ шести священныхъ словъ—*мани еце ниген усугун ачи тусейги тоголаху*. Кто въ состояніи исчерпать воду морскую, вcбросить на воздухъ капли ея и перечесть ихъ — *гадагаду далайн осуй-ги цум бурине дегекшиде цацогат, ниген осун дусул болган тоголан чидаю*? Но пусть и найдется такой исполинъ; однакожъ и ему не удастся никогда опредѣлить свойства Шакшабадовъ. См. Мани Гам. и Манин нактаръ.

61.

Читателямъ, желающимъ повѣрить сказанія наши объ Абидѣ и его свойствахъ, рекомендуемъ: 1) Абидейн шиноть, 2) Абидейн намтаръ, 3) Дотогаду номъ. Послѣдняя изъ сихъ книгъ считается таинственною и Буддисты очень дорожатъ ею.

62.

Въ Манин намтаръ, между прочимъ сказано: *Абида бурхан хорин табун тарiалангун орон убур дегси хуріан* т. е. вмѣщаетъ въ себѣ самомъ 25-ть райскихъ мѣстъ.

63.

Г. Васильевъ, изъ сочиненія котораго заимствуемъ сказаніе о Шигемуни, говоритъ: «слово *Будда* въ первоначальномъ своемъ значеніи не имѣетъ въ себѣ ничего божественнаго», это просто значитъ — мудрый (Кит. шэнъ), и ни при жизни, ни въ ближайшія времена послѣ смерти, Шакъямуни, при всемъ почетѣ, которымъ онъ пользовался, не могъ имѣть бо́льшихъ претензій. Будд. ч. 1. стр. 12.

64.

Въ лицѣ Будды, перваго періода ханаяны, видѣнъ человѣкъ, умѣвшій освободить себя отъ узъ Сансары, или житейской суеты; но человѣкъ

этотъ не властитель міра и не дѣлается такимъ по смерти, или въ Нирванѣ. Будда втораго періода — Махаяны, уже въ общеніи со всѣми мірами; онъ и по смерти удерживаетъ свой авторитетъ, свою личность: только начало жизни его не простирается вдаль, и это обстолтельство еще сближаетъ его съ обыкновенными смертными. Наконецъ Будда послѣдняго, въ мистицизмъ погруженнаго періода, существуетъ съ незапамятныхъ временъ и, какъ бы искони вѣка, удерживаетъ за собою божескія права и аттрибуты. Будд. Вас. ч. 1, стр. 12.

65.

Первый періодъ, ограничиваемый почти однимъ столѣтіемъ, представляетъ вѣру въ формѣ патріархальности. Другой періодъ есть время спора. Тутъ предпринимаются соборы, разбираются противорѣчія и стараются о сближеніи враждующихъ партій. Въ третьемъ періодѣ каждая изъ 18-ти школъ, удержавъ свои отличительныя черты, продолжаетъ мирно наслаждаться существованіемъ до соединенія въ двѣ главныя вѣтви Вайбашиковъ и Саутрантиковъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовалась новая система, извѣстная подъ именемъ Махаяны, или новаго Буддизма. Богатыя свѣденія, относящіяся къ этому предмету, читатель найдетъ въ сочиненіи г. Васильева, въ статьѣ

Хинаяна, или первоначальный Буддизмъ. Ч. 1. стр. 9–32.

66.

О смерти Шигемуни въ Сапан-цеценъ, на стр. 10-й сказано: *наин насот-дагап пирвану дури аббай.* Это же повторяетъ и Кайба джумпейн дагъ-икъ въ гл. 1. л. 11. Въ послѣдней книгѣ перечисляются и преемники Шигемуни.

Чтожъ касается до прочихъ Буддъ, принадлежащихъ къ составу пришедшей седмерицы: то сказанія объ нихъ походятъ на сонный бредъ. Даже имена Буддъ сихъ извращаются и парафразируются различными манерами. Для примѣра представляемъ изъясненіе именъ, встрѣчающихся на 50-мъ листѣ Улигеруи далай.

1) Шиги, разрушитель суетнаго міра, *орчилаиги эбдекчи.*

2) Бисваво, златомощный, *алтан чидакчи.*

3) Гана-гамони, ясновидящій, *машида удзекчи.*

4) Гарга-сонди, вѣнчанный, *остиирту.*

5) Гашибъ, покровитель и хранитель всѣхъ, *хамаги ибегекчи* и т. д.

Дальнѣйшія свѣденія о богахъ сихъ заключаются въ томъ, что міръ нашъ въ правленіе однихъ изъ нихъ шелъ къ совершенству, при другихъ къ упадку-*тегунчилен немекуй багурахой-бер саин цагун миигаи бурхану галаб болху-еце иренкуй дза-*

римут.... тернгутен дологан бурхан-ану нукчиксен болай. Санан цецен л. 8.

67.

Тибетскіе термины, которыми пестрѣетъ статья наша о богахъ, конечно не для всѣхъ удобопонятны. А потому не лишнимъ находимъ объяснить ихъ по разуму Буддійскихъ ѳеологовъ. Дѣло это начнемъ съ низшей ступени.

1) *Тенгерины*, или тенгріи. Подъ именемъ ихъ разумѣютъ духовъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, обитающихъ на горѣ Сумберѣ и вообще въ горахъ, лѣсахъ, воздухѣ и т. под.

2) *Хубилганы* понимаются вообще въ смыслѣ перерожденцевъ.

3) *Хутукты*, *Брадигабуты* и *Бутхалисы* признаются за святыхъ, прославившихся добрыми дѣлами и подвижничествомъ.

4) *Шаваранъ*, или Шравакъ, есть такое существо, которое удостоилось слышать глаголы премудрости изъ устъ самаго Будды и которое потомъ исполняло, или исполняетъ должность посланника и проповѣдника. Шраваками на томъ свѣтѣ чаще всего дѣлаются буддійскіе жрецы; но первенство остается за 16-ю учениками Шигемупи.

5) *Бодисады* и *Махасады* считаются родомъ

божіимъ—*бурхану ундесун—даки*, ближайшими къ богамъ и какъ бы полубогами.

6) *Будды*, или *Бурханы* суть верховныя и блаженнѣйшія существа. Кайба джум. л. 2—9.

Что касается до происхожденія этихъ существъ, то за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ упоминали мы въ своемъ сочиненіи, всѣ прочія рождены бѣлыми и зелеными Дарами. Матерей сихъ считается 42, и онѣ составляютъ что-то среднее между богами и людьми и суть тѣлесно-духовныя.

68.

Не лишне замѣтить, что всѣ второстепенные Бурханы, въ томъ числѣ и господствующіе надъ одушевленными тварями, по сотвореніи своемъ, клятвенно обязывались предъ Абидою быть вѣрными исполнителями воли его. Такъ, Хормусда далъ обѣтъ предотвращать и погашать въ Тенгеринахъ всякую похоть, всякій нечистый помыслъ—*дора унахойн дзоболани аморлигулху*. Рахули (иначе Бималазедери) обѣщался удержать Асуриновъ въ указанныхъ имъ предѣлахъ и споспѣшествовать благу ихъ—*баилдагану дзоболан—еце тонилху*, конечно на пути перерожденій. Шигемуни въ свою очередь принялъ на себя заботу о родѣ человѣческомъ, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни каждаго недѣлимаго, отъ колыбели до гроба—*укуку, утулку*,

эбутку, укукойн дзоболани аморлингулху. Тоже сдѣлали и всѣ прочіе боги (Мани Гамбу гл. 1).

69.

О горѣ Сумберѣ (Сумеру, мэру) часто приходится намъ упоминать. Буддисты называютъ ее царемъ горъ—*англасун ханъ*, и горою срединною. Но существуетъ ли она въ мірѣ и подъ какимъ именемъ? Толковъ объ этомъ предметѣ множество. Кайба джумнейн—даг—икъ (гл. 111) сообщаетъ о Сумберѣ слѣдующія свѣденія: 1, Сумберъ находится во второмъ міровомъ отдѣлѣ, или иначе въ мірѣ стихійномъ—*хоир догар саба иртынцу—дор... шитуксен арон—ану Сумбер англа....* 2, Гора эта въ вышину 100 т. беровъ и на 80 т. погружена въ бездну водъ. 3, Она четырехсторонняя и состоитъ изъ 4-хъ ярусовъ—*дурбульджин, дурбен утту.* 4, Около Сумбера совершаютъ теченіе свое солнце и луна—*сумберун думдагура наран сара бой.* 5, Въ первомъ ярусѣ Сумбера обитаютъ Якчисы, держащіе въ рукахъ своихъ сосуды—*тебин барикчи*; во второмъ Якчисы съ четками—*эрике барикчи*; въ третьемъ Якчисы, вѣчно пьяные—*насода соктокчи*; въ послѣднемъ четыре Махаранзы—*дурбен махаранзойн тенгеринеръ*; наконецъ на самой вершинѣ горы живетъ Хормусда съ 33-мя избранными Тенгеринами. Выслушавши такой раз-

сказъ, нельзя кажется сомнѣваться, что Буд. Олимпъ существуетъ лишь въ воображеніи. Впрочемъ Fr. Paullinus гору Сумберъ считаетъ за одно съ Гамалаемъ и въ подтвержденіе мысли своей говоритъ: Montem Merum fere medio inter fontes Indi atque Gangis spatio sitam esse. Syst. Brach. p. 130. А Ламы, съ которыми случалось мнѣ вступать въ ученую бесѣду, держатся той мысли, что подъ именемъ Сумбера, въ смыслѣ поэтическомъ, разумѣется вся наша планета; окружающіе же гору сію тибы, суть не иное что, какъ страны свѣта.

70.

Тенгерины раздѣляются: 1, по различію міровъ и странъ, къ которымъ они принадлежатъ; 2, по внѣшнему виду и внутреннимъ свойствамъ; 3, по степени блаженства, коимъ пользуются они и по отношеніямъ своимъ къ другимъ тварямъ.

Таковы напримѣръ:

a) Тенгерины амарамакскіе.

b) Тенгерины, имѣющіе видъ опредѣленный— *дурсуту*.

c) Тенгерины, неимѣющіе опредѣленнаго вида— *дурсуйгей*.

Эти три рода вновь подраздѣляются: первый на шесть классовъ (*аймакъ*), вторый на семнадцать, а третій на четыре. И такому дробленію

пѣть числа. По среди легіоновъ сихъ, первое мѣсто въ стихійномъ мірѣ занимаютъ тѣ 33 героя, которые на Сумберѣ подвизаются вмѣстѣ съ Хормуздою. Въ эту послѣднюю категорію входятъ: а, *эдун найман тенгри*, т. е. восемь начальниковъ, или архонтовъ: б, *нарану арбан хоир кубегун* — 12-ть сыновъ солнца: в, *арбан нигеи докшин*—11-ть грозныхъ; г, *Асованин хоир дзалагу кубегун*—двое юныхъ сыновъ Асовани. См. Кайба гл. 111. л. 35. Косм. г. Ков. § 20.

71.

О духахъ дѣвахъ—*укин тенгри* часто говорится въ Буд. книгахъ. Всѣ Дары, въ томъ числѣ и Ракчиса, считающаяся праматерью человѣческаго рода, понимаются въ качествѣ духовъ женскаго пола.

72.

Въ смыслѣ Буддійскаго вѣроученія, для человѣка блаженныя страны доступнѣе, нежели для Тенгерина. И Тенгеринъ перерождается человѣкомъ не иначе, какъ за заслуги. Въ противномъ случаѣ онъ можетъ сдѣлаться Асуріемъ, бирпомъ и попасть во адъ.

73.

Г. Шмидтъ Буддійское ученіе о Хормусдѣ, съ его 33-мя ассистентами, выводитъ изъ Зороастро-

ва ученія. Въ Хормусдѣ видитъ онъ Персидскаго Ормусда (Horimasdes), а въ соперникѣ его Рахулѣ— Аримана. Что же касается до войны Асуриповъ съ Тенгеринами и съ царями драконовъ, то желающій получить о ней понятіе можетъ прочесть отрывокъ изъ Чихула келеглекчи, содержащійся въ Буд. Косм. г. Ков. 8. 21.

74.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Тенгеринахъ и Асурипахъ представляются идеалы добра и зла, духа и матеріи, разсудка и страстей (affectuum et rationis) и та взаимная борьба ихъ, о которой такъ много говорили поэты и философы всѣхъ странъ и вѣковъ. Напр. Terra attollere se supra ignem suum conatur, et caenum hoc supra coelum. Anima generis aetherei memor, contra stat, et *secretum gannit in aurem*. Hinc perplexa inter se tumultuantium seditio. Pers. sat. 5. Lip. in const. Особенно богата мыслями такими философія Стоическая и Платоническая. А сколько относящихся сюда іероглифовъ, эмблеммъ и символовъ, начиная a Ciconia Aegyptiorum belligerante cum serpente, представляетъ намъ языческая древность!

75.

Страны свѣта, иначе тибы (*твибъ*) описываются въ Буд. книгахъ съ изумительнымъ невѣже-

ствомъ. Такъ о Замбутпбѣ, или Южныхъ странахъ говорится, что онѣ представляютъ кругъ, окружность котораго равняется шести съ половиною милямъ (*беръ берэ*), что ростъ тамошнихъ людей въ 4 локтя, а вѣкъ ихъ не подчиненъ опредѣленному закону. Тибъ восточный треугольный и занимаетъ пространство на 6350 миль. Люди этого тиба ростомъ вдвое больше противу жителей Южныхъ и живутъ по 250 лѣтъ. Сѣверный, худо-гласый (магу дагуту) тибъ есть квадратъ въ 8 т. миль. Люди живутъ въ немъ по тысячѣ лѣтъ, а ростомъ они въ 32 локтя! Все это, и даже гораздо больше, найдетъ читатель въ Чихула келеглекчи.

76.

Кому недоступны Буд. подлинники, тотъ удовлетворитъ своему любопытству, прочитавши Буд. Косм. г. Ков. хотя одинъ 27 параграфъ.

77.

О Западномъ тибѣ сказано, что онъ составляетъ квадратъ въ 5500 беровъ. Мѣра эта, часто встрѣчающаяся, до нынѣ не опредѣлена съ точностію. Шлегель полагаетъ въ одномъ берѣ 8 т. саж. По другимъ беръ равняется 4½ Нѣмецк. мил. А Бойнъ говоритъ, что беръ есть distantia, aequans undecim milliaria Anglica, secundum alios

quatuor, aut quinque milliaria anglica. По Монголы принимаютъ беръ за 8-ми верстную дистанцію.

78.

Въ Буд. Косм. г. Проф. Кавалев. въ § 33-мъ, о Биритахъ сказано между прочимъ слѣдующее: «За пятьсотъ миль подъ городомъ Раджагриха находится городъ Биритовъ Кабали, въ которомъ имѣетъ свое пребываніе верховный ихъ повелитель Номунъ Эрликъ, съ 36-ю сподвижниками. Тамъ Гадагаду туйдукчи-бириты не могутъ ни ѣсть, ни пить. Тамъ, когда Дотогаду туйдукчи-бриты захотятъ принять пищу, то ротъ ихъ дѣлается такъ малъ, какъ игольныя ушп, а горло какъ волосъ; если же успѣютъ принять пищу, то чрево ихъ, сдѣлавшись подобнымъ горѣ, ничѣмъ не можетъ быть насыщено, а если оно и наполнится, то ноги дѣлаются тонкими, какъ спичка, или какъ трава-*дэрэсу* (ковыль), и не могутъ поддерживать всей тяжести тѣла. Обыкновенную пищу Биритовъ составляютъ искры раскаленнаго чугуна, отъ которыхъ у нихъ горятъ всѣ члены. Впрочемъ Бириты, разсѣянные въ обиталищахъ человѣковъ, часто принимаютъ на себя видъ труповъ, или какихъ нибудь чудовищь. Жизнь ихъ продолжается до 500 лѣтъ, полагая каждый день за нашъ мѣсяцъ. Въ область Биритовъ низвергаются души

завистливыхъ, не подающихъ милостыни, грабителей и прелюбодѣевъ.»

79.

Совершая теченіе свое подъ вліяніемъ воздуха, солнце шесть мѣсяцевъ идетъ въ одну сторону и шесть въ другую. И когда стремится оно къ Сѣверу, дни возрастаютъ; напротивъ при уклоненіи на Югъ, сокращаются и влекутъ къ намъ зиму. Прочіе законы этого свѣтила можно видѣть въ Чихула кереглекчи.

80.

Дворцы солнечные такъ расположены: на Сѣверѣ красуется золотой, на Востокѣ серебряный, на Югѣ лазуриковый, на Западѣ хрустальный. Такіе же дворцы находятся и на лунѣ, предоставленные въ распоряженіе тамошнихъ Тенгериновъ.

81.

Книги Буддійскія число звѣздъ опредѣляютъ 285 милліонами. Вотъ собственныя слова текста: *хоир дунчур, найман гульти (джива) табун сайе.* Чих. кер. л. 15. Зап. Каз. Уп. кп. 4. стр. 286 за 1855 годъ

82.

Міръ нашъ представляется въ видѣ плоскости

разбитой на многія части, но въ общей своей массѣ удерживающей единство и окруженной непрерывною цѣпью горъ и даже желѣзными стѣнами. Сверху же сего оплота, именно въ разстояніи 40 т. миль, налегаютъ на земную атмосферу массы другихъ міровъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ разстояніяхъ, пропорціонально возрастающихъ по мѣрѣ отдаленія ихъ отъ земли. Чихула кереглекчи пространно объ этомъ предметѣ толкуетъ. Довольныя свѣденія находятся и въ Буд. Косм. г. Ков. § 31. Къ тому не лишне имѣть въ виду вышеизложенное 24 примѣчаніе, гдѣ говорили мы о составѣ міровъ.

83.

Въ разрядъ злыхъ смертей входятъ не только наглыя, или скоропостижныя смерти — *генете укуку*, но и тѣ, которымъ предшествуютъ унпчижительныя для разумнаго существа страданія, какъ то: сумасшествіе omnesque foetidi et squalidi characteris morbi, извѣстныя у Монголовъ подъ общимъ именемъ *будинерун эбучин*.

84.

Въ настоящее время духовная надъ Сибирскими Буддистами власть сосредоточена въ лицѣ Бандиды Гован хамбо Чойван Доржин Нпин-джимцейна.

85.

Сущность обѣтовъ, принимаемыхъ Гецулами, Гелупами и прочими духовнаго чина лицами составляютъ: чистота, безстрастіе, бдительность, милосердіе. Послѣдняя добродѣтель *(инагупкин мур)* простирается на все, имѣющее жизнь. И кто вѣренъ ей, тотъ не можетъ ступить не увѣрившись напередъ, что ни одно насѣкомое не потерпитъ отъ него вреда.

86.

Обязанности, въ числѣ 253, возлагаемыя на Гелупа, подробно опредѣляютъ все то, что онъ долженъ говорить, дѣлать и мыслить. Кайба джумпейи даг-пкъ, исчисливъ ихъ въ IV томѣ, на стр. 31, такъ заключаетъ: *Тедегери кеб-кеджіеде тебчин уйлеткуйи хоир дзагун табин гурбан цагаза болай.* А чтобъ облегчить трудъ исполненія столь многихъ обязанностей, установлены два обряда. Первый— *соджицу хуралъ*, совершается каждомѣсячно, въ 15 число. Характеръ его покаянный, или очистительный для всѣхъ грѣховъ, сдѣланныхъ въ теченіе мѣсяца. Такое значеніе службы выражается словами: *Сапвар селбин наманчилху.* И дѣйствительно, Гелупы, совершивъ установленныя молитвы, каются предъ старѣйшимъ въ грѣхахъ своихъ и получаютъ отъ него разрѣшеніе, или подвергаются эпитиміи. Почему на сей разъ и въ капище ни-

кто, кромѣ Гелуновъ, не допускается. Другой обрядъ — *ярнейн хураль*, примѣненъ къ лѣтнимъ мѣсяцамъ, и важенъ для ламъ въ томъ отношеніи, что обогащаетъ ихъ мудрыми уроками, при вниманіи къ которымъ всякое поползновеніе считается не возможнымъ. Безпечнымъ же и злоправнымъ грозятъ: *засаглаху*, *улдеку*, *гаргаху*, т. е. запрещеніемъ, отлученіемъ и наконецъ совершеннымъ изгнаніемъ изъ общества. См. кайб. джум. л. 57.

87.

Перечень дацановъ, находящихся въ Сибири, приложена къ статьѣ, гдѣ говорится о распространеніи Буддизма.

88.

По сказанію книги Улигеруи далай, Шигемунію сопутствовали 1200 Гелуновъ. Въ другихъ же сутрахъ о Гелунахъ ни слова не говорится, а указывается лишь на шараваковъ или слушателей, и число ихъ опредѣляется 1250 человѣками. Въ числѣ ихъ стоитъ Ананда, двоюродный братъ Будды. Далѣе является сынъ Будды, Рахула, съ другими знаменитыми поборниками Буддизма.

89.

Въ числѣ жертвъ, три считаются приношеніемъ отъ морей: внѣшняго—*аріамъ*, внутренняго—*ба-*

дилъ, и увеселительнаго—*цепелунъ*. Всѣ же вообще жертвы имѣютъ таинственное значеніе, указуемое книгою Мигримъ джидримъ.

90.

Жертвенную воду составляетъ бумбейн аршіанъ, получаемый чрезъ освященіе Толи.

91.

Можно допустить, что предметы Буддійской символики, имѣютъ отношеніе къ тѣмъ знакамъ, которыми нѣкогда отличали себя секты; а можетъ быть и къ тѣмъ обстоятельствамъ, подъ вліяніемъ которыхъ возникли онѣ и существовали.

92.

Знаки додекады суть слѣдующіе: *барасъ, тулей, лу, могой, моринъ, хони, бычи, такія, нохой, гахай, хологуна, укырь*; т. е. тигръ, заяцъ, драконъ, змѣя, конь, овца, дикій человѣкъ, пѣтухъ, собака, свинья, мышь, корова.

93.

Вопреки убѣжденіямъ Буддистовъ въ подлинности Ганджура, ученыя изслѣдованія не оставляютъ за нимъ этого авкторитета. Такъ у г. Васильева въ статьѣ о первоначальномъ Буддизмѣ встрѣчаются слѣдующія мысли: 1) Шигемуни и близкіе къ нему послѣдователи его не оставили

послѣ себя никакихъ письменныхъ памятниковъ. 2) Въ вѣкъ Шигемунія (а онъ по Кит. лѣтописямъ родился въ 26 лѣто царствованія Джас-ванъ; слѣд. въ 1027 году до Р. Хр.), письменность даже не существовала въ Индіи, и появилась тамъ, десятькомъ столѣтій позже Буддизма. 3) Во весь этотъ періодъ, Буддизмъ, водимый лишь преданіями, развивался не столько изъ собственныхъ началъ, сколько подъ вліяніемъ сторонннмъ, усвояя и передѣлывая чуждыя идеи. 4) Можно думать, что Буддисты, распространяясь на Западъ отъ Мегады, первые познакомились съ Греческою письменностію въ Бактріи (?), и примѣнивъ ее къ своему языку, взялись за трудъ составленія многочисленныхъ сутръ. 5) Но кто первый сталъ ихъ издавать и въ какомъ мѣстѣ явились онѣ? Эта трудная задача не иначе можетъ быть рѣшена, какъ чрезъ сличеніе всѣхъ тѣхъ книгъ, которыя принимаются въ Буддизмѣ за коренное начало правилъ вѣры и нравственности. Ч. 1. стр. 22-28.

94.

Сказанное о Ганджурѣ надлежитъ примѣнять и къ Данджуру. Ибо происхожденіе и постепенное развитіе этого огромнаго комментарія покрыто столь же глубокимъ мракомъ, какимъ покрываются и книги Ганджура. А кто желаетъ имѣть опредѣ-

лительное понятіе о составителяхъ Данджура, тому не лишне заглянуть въ Кайба джумпейи даг-пкъ гл. IX. Тутъ описаны всѣ ихъ чудеса и даже указывается на многія открытыя имъ таинства.

95.

Ламисты эпитетъ *гурбан аймакъ саба* по преимуществу относятъ къ первой части Ганджура. Вторую же часть называютъ *Дурбен дандрисъ*— четыре корня; а послѣднюю *бодп дзугп помъ*— святой страны ученіе (см. Кайба Дж. гл. 1. л. 11). Но Индійскій Буддизмъ въ раздѣленіи Ганджура допускаетъ разность ежели не реальную, то номинальную. Вотъ слова Бюрнуфа; касающіяся сего предмета: Ees livres qui subsistent aujourd'hui se divisent en trois classes, nommées collectivement Tripitacà, c'est-a-dire «les trois corbeilles ou recueils». Ces trois classes sont le sûtra pitaka où les Discours de Buddhá, le Vinyâ pitacá ou la Discipline, et l'Abhidharta pitacá ou les Lois manifestées, c'est-à-dire la metaphysique. Cette division qui est justifiée par des textes est une des bases de la classification du Kah-gyur, (Hist. Bud. Ind. p. 35).

Г. Васильевъ, указывая на это раздѣленіе, говоритъ: по общему выраженію, принятому всѣми Буддистами и постоянно встрѣчаемому въ ихъ

книгахъ, вся литтература Буддійская раздѣляется на три отдѣла, которые они называютъ *три питаки*—три короба, или какъ мы приняли пазывать, три сосуда: потому что для храненія книгъ, состоявшихъ изъ отдѣльныхъ пальмовыхъ листовъ, не приплѣтенныхъ другъ къ другу (что удержали по нынѣ и Тибетцы и Монголы, употребляющіе уже бумагу), употреблялись корзины, допущенныя послѣ въ скарбъ Бикшу. Ч. 1, 108.

96.

Шигемуни наиболѣе прославилъ себя въ борьбѣ съ Шаманами—*диртигенерун джурган бакши*. Въ этотъ-то періодъ произведены имъ самыя дивныя чудеса, въ томъ числѣ и слѣдующія:

1. Однажды послѣ богатаго пира въ области, называемой *Шара васун балгасунъ*, вздумалось ему воткнуть зубочистку свою въ землю. Зубочистка разцвѣла, возрасла и принесла дивные плоды.

2. Въ той же странѣ произвелъ онъ двѣ горы, изъ которыхъ одна наполнена безчисленными сокровищами, а другая покрывается цвѣтами и травами, врачующими всѣ недуги.

3. Въ изъявленіе благодарности Хану Санджи нади, Шигемуни, пополоскавъ ротъ, произвелъ озеро, обогатившее всю страну.

4. Такое же благодѣяніе оказалъ и Нинде-

вами, проведши по области его одинмъ манове-ніемъ восемь большихъ рѣкъ.

5. Бывши у Хана Аригун—углигету, Шигемуни испустилъ изо рта необычайный свѣтъ, который озаривъ міръ, уврачевалъ всѣ недуги: *Хамок амитану дзобалани эдегебей.*

6. Въ предѣлахъ Лизей—орп, въ память посѣщенія своего, Шигемуни надѣлилъ всѣхъ тамошнихъ обитателей способностію узнавать, что мыслятъ другіе: *нигеп нигену сеткиксен медеку адистиди угбей.* И люди эти за такое благодѣяніе прославили Бога—*хамоги меден, Бурхани мактабай.*

7. Въ дальнѣйшихъ странствованіяхъ своихъ, представилъ онъ изъ себя Загарвадон хана, показалъ тысячу сыновъ его и открылъ семь сокровищъ.

8. Послѣ пораженія Шамановъ, Шигемуни проявилъ все величіе Будды. Волоса его сдѣлались свѣтозарными, и отразили образъ его на тверди небесной, въ числѣ 38 тысячь. Улиг. далай гл. 3.

По чудесамъ симъ судить можно и о всѣхъ прочихъ дѣяніяхъ, приписываемыхъ Шигемунію.

97.

Въ области Буддизма допущены разныя ученыя степени. На высшей поставляется *Лхарамба*, котораго познанія чуть не безконечны; ибо обшир-

постію онѣ равняются пространству неба. Второе мѣсто занимаетъ *Дорамба.* Это воплощенный Ганджуръ—данджуръ. Каждое слово начертано въ его умѣ и памяти. И въ знаменіе этой необычайной мудрости, Дорамба носитъ на хребтѣ своемъ и на груди точно такія доски, какими облагаются Буддійскія книги. Третія ученая степень даетъ титулъ *Ман—римбы,* ручающійся за опытность адепта въ дѣлѣ врачеванія всѣхъ недуговъ. Далѣе по исходящей линіи слѣдуютъ: Мигримба, Джидримба, Дзок-римба, Іого-зари, Гешши, Габджи и Раиджиппба. Всѣ они обладаютъ большимъ, или меньшимъ знаніемъ тайнъ вѣры, силъ природы, а также путей перерожденія и переселенія, которыми ведутся существа къ предназначенной имъ цѣли. Общество только ученыхъ мужей существуетъ, какъ полагаютъ, только въ Тибетѣ, и оно тамъ извѣстно подъ именемъ *цанит чойръ,* т. е, Богослововъ. Ибо Монголы Тибетское названіе переводятъ словами: *Бурхану чинар былгейги делгерулку.*

98.

Подлинный текстъ рѣчи такой: *Сансарун далай-дор саба болоксан, саба ике иртынцу — дор итегел болоксан, гепелту гурбан магой заяган-еце гетулген, тонилчакчи геген тонголак хутуктан, хубарагут кигет, эдзеп илете ачиту ундесун лама-*

гудон эмене (за симъ произносятся собственныя имена), *ыйма, ыйма перелен кемекдеку углигейн эдзет—ину, эне насон—даган гай барцат—угей бугет, эцус хочтуйн насон даган тогулаксан бурхану эрдениту боди хутуктор куркуйн—тола, мандза дзет селтеши эргумой... Аборал—дор—ен бактаган, айлат, айлат айлатхалун эргуце—ину мандза, дзет селтеши эргумой.* Здѣсь глашатай перечисляетъ всѣ приношенія, въ чемъ бы онѣ ни заключались.

99.

Рѣшаясь дать понятіе о музыкальныхъ орудіяхъ, употребляемыхъ въ капищахъ, начинаемъ съ Харонги.

1) *Харонга* походитъ на сковороду. Дуганчи, или пономарь, предъ утреннею службою выноситъ ее изъ капища и, читая молитву, медленно ударяетъ булавою нѣсколько разовъ, число которыхъ опредѣляется уставомъ — *Джаигун іосогар.* И по зову сему, прежде всѣхъ является Гебгой, какъ блюститель порядка; а за тѣмъ начинаютъ приходить и другіе служители капища, отъ младшихъ до старшихъ.

2) *Ганди-модо.* Это деревянное клепало замѣняетъ собою харонгу при совершеніи службъ особой важности, каковымъ наприм. считается Соджину хуралъ. Младшій изъ Гелуновъ, облекшись

въ священныя одежды, взявъ орудіе и положивъ конецъ его на лѣвое плечо, становится на капищномъ крыльцѣ и отсчитываетъ опредѣленное число ударовъ, соображаясь съ текстомъ молитвы, которую обязанъ онъ въ это время читать.

3) *Дунгаръ, Дум-бурь*— раковины двухъ сортовъ. Одинъ изъ нихъ считаются, по Монгольской Конгіологіи, принадлежащими къ породѣ овечьей— *хонин*, а другія къ козьей — *яман*. Въ сущности же, первыя принадлежатъ къ роду копусовъ, или вавилонскихъ Плевротомовъ, а послѣднія къ Тритонамъ. И оба вида служатъ вмѣсто трубъ и часто замѣняютъ собою харонгу.

4) *Хонхо*—колокольчикъ, на поверхности котораго изображается Уруиджинъ, или облачальныя принадлежности Докшитскаго чина, и начертывается молитва, извѣстная подъ именемъ Мани, т. е. *ом, ма, ни, бад, ме, хом;* а внутри: *ом, хом, драм, хри* — слова, дающія понятіе о четырехъ главныхъ божескихъ свойствахъ: *Аморлингой, делгеренуй, эрке, докшин*. Вмѣсто же рукояти, служитъ изображеніе богини Дары, увѣнчанной очиромъ (sceptrum), какъ эмблеммою власти, какую имѣютъ по преимуществу боги вѣнца; почему и называется она въ этомъ случаѣ Очир-Дарою. Хонхо вообще имѣетъ большое значеніе; ибо безъ него не совершается ни одна служба, и онъ

одинъ можетъ замѣнять собою всѣ музыкальныя орудія; равно какъ очиромъ при нуждѣ замѣняются всѣ капищныя принадлежности.

5) *Дамара* — бубенчикъ, составленный изъ двухъ сосудцевъ, для выраженія той мысли, что міръ небесный и земный *(саба шими иртынцу)* взаимно связуются и что совершаемое на землѣ отзывается въ небесахъ и обратно.

6) *Кенгерге*—большой, плоскій барабанъ.

7) *Дударма*—малый барабанъ.

8) *Селпины и цаны* составляютъ родъ тимпановъ, производящихъ звукъ, одинъ при ихъ потрясеніи, другія при взаимномъ ударенін.

9) *Укырь-бурь*, труба-корова, вполнѣ соотвѣтствующая своему имени.

10) *Гаплинъ* употребляется при ночныхъ призывахъ духовъ и вообще при священнодѣйствіи по обрядамъ зотчинскимъ. Она дѣлается изъ ручной, или ножной человѣческой, а иногда и медвѣжьей кости. Голосъ этой трубы самый пронзительный.

11) *Бискуръ*, родъ пискливой флейты.

12) *Мигань* и *лимбо*—свистки, похожіе одинъ на другой. Ихъ употребляютъ наиболѣе при ночныхъ оргіяхъ, для возбужденія ужаса.

13) *Джуру* и *Шулу* — трубы, отзывающіяся

дикимъ птичьимъ голосомъ и съ виду на птицъ похожія.

14) *Гандунъ* — роговидная небольшая труба, оканчивающаяся изображеніемъ драконовой головы.

15) *Тунра* подражаетъ лаю собаки и даже представляетъ подобіе ея пасти и языка, постоянно движущихся при играніи.

16) *Деншикъ*—малыя тарелки; онѣ сходствуютъ съ цанами и употребляются для призыва блудящихъ духовъ, извѣстныхъ подъ именемъ: якчисъ, ракчисъ, асори, гандари, гароди, чипари, махораки, маноки, лусъ, будпиеръ. При призывѣ котораго либо изъ сихъ духовъ, вмѣстѣ съ деншикомъ можетъ употребляться и хонхо, но никакое другое орудіе. Самые же обряды сего призыва извѣстны подъ именемъ: часомъ, усуп балинъ, сабдакъ, чабдоръ. И какъ всѣ помянутые духи считаются несчастными, то призывъ ихъ не другую имѣетъ цѣль, какъ оказаніе имъ утѣшенія и вниманія къ судьбѣ ихъ.

Наконецъ замѣтимъ, что всѣхъ музыкальныхъ орудій считается 24, и дѣлятся онѣ на четыре разряда: 1) духовыя—*уліекуй*, 2) бряцательныя—*делеткуй*, 3) звѣнящія (при ударепіи) *куделгекуй*, 4) струнныя — *чибакдасутан*. См. Боди муруп дзерге т. II. л. 40.

100.

О знакахъ, составляющихъ додекаду, говорено въ 92 примѣчаніи.

101.

Дни седмицы или недѣльные носятъ слѣдующія названія: *Бимба*—суббота, *Адіа*—воскресенье, *Сомал*—понедѣльникъ, *Ангиракъ* — вторникъ, *Согира*—среда, *Ботъ*—четвергъ, *Брахасвади*—пятница.

102.

Законъ Буддійскій далеко распространяетъ степени плотскаго родства, препятствующаго брачному союзу. По линіи мужеской доходятъ онѣ до девятаго колѣна, а по женской до шестаго. И хотя со стороны Ламъ часто дѣлается снисхожденіе; но бракамъ, состоявшимся въ запрещенныхъ степеняхъ, общее мнѣніе никогда не даетъ полной законности и считаетъ ихъ неблагополучными. Въ отвращеніе чего, лица почетныя стараются при бракахъ избѣгать даже однофамильцевъ.

103.

Бурятскія и Тунгусскія дѣвицы по большей части заплетаютъ волоса въ восемь косъ (*найман гевзеге*), и каждая коса украшается моржанами и разными цвѣтными камнями, извѣстными подъ

общимъ именемъ *кеге*, а на голову надѣваютъ что-то похожее на вѣнокъ — *боголту дарула*, пестрѣющій корольками. Украшенія эти теряетъ невѣста по вступленіи въ женихову юрту, оставаясь лишь съ правомъ носить: a) двѣ косы (*туйба*), налегающія на грудь и всегда прикрытыя особаго рода орнаментомъ, называющимся *хабчаръ* и *шибергель*. Послѣдній прикрѣпляется къ первому и служитъ какъ бы футляромъ для волосъ; b) ожерелья — *холопчи*, которыя состоя изъ монетъ и моржановъ, служатъ выставкою вкуса и богатства; c) наплечникъ — *муруйнъ гоу*, дѣлаемый изъ металла и всевозможно украшаемый; d) *малогайнъ дензе*—это острокопечная шапочка, примѣненная къ китайскому вкусу, и ее носятъ какъ женщины, такъ и мущины.

104.

Изваянія, полагаемыя въ бумханахъ, дѣлаются изъ глины и имѣютъ видъ столбиковъ — *субарга*, или пирамидокъ, съ изображеніемъ Шигемуніа. Пирамидки служатъ памятниками побѣды надъ злыми духами, одержанной Шигемуніемъ и его предмѣстниками. Эта же побѣда воспоминается особыми обрядами. И затѣмъ въ каждую изъ пирамидокъ вкладываютъ лоскутки бумаги съ означеніемъ числа покоренныхъ духовъ. Всѣ цыфры

въ общей сложности даютъ всегда одинъ и тотъ же стотысячный итогъ.

105.

Докторъ философіи и медицины I. Христоф. Стебій издалъ въ 1689 году цѣлую книгу подъ названіемъ Coelum Sephiroticum. Въ ней, ссылаясь на авкгоритетъ раввиновъ, говоритъ: In hoc coelo sephirotico omnes creaturarum virtutes a Deo manifestatas esse et caet. Къ таковому же познанію таинствъ природы приводится человѣкъ, по ученію Буддійскому, чрезъ врата номовъ. И какъ кабалисты допускаютъ 50 вратъ разумѣнія (intelligentiae), такъ въ свою очередь и Буддисты дѣлятъ лѣстницу духовнаго восхода почти на такое же число ступеней.

106.

Подраздѣленія, допускаемыя въ классѣ существъ высшаго міра, показаны въ 67 примѣчаніи.

107.

О классахъ существъ говорено въ статьѣ VII.

108.

Въ Боди муруи дзерге т. I, л. 53, обширно разсуждается о состояніяхъ грѣховнаго рабства подъ статьею: *найман чилуге-уей шу*. И въ ка-

тегорію эту входятъ пзувѣры и безвѣры — *терес номтан*, рабы чувственности—*алджіасъ удзелтен* и наконецъ тварп низшихъ классовъ, каковы напр. безсловесныя, бриты и под. имъ.

109.

О добродѣтеляхъ, равно какъ и о противоположныхъ имъ грѣхахъ, см. въ статьѣ о Барамидахъ.

110.

Монголы первый членъ Итегела, или символа своего, такъ перифразируютъ: *Би тергутен: эке болоксан, хамок амитан, арбан дзугун гурбан цагун хамок хутуктан хубарагут ба, эдзен илете ачиту ундесун хамагуттор итегемой.*

111.

Вторый членъ Итегела до того уважается, что не бываетъ службы, при которой бы не повторился онъ три раза и всегда на распѣвъ. Къ тому предписывается имѣть его въ мысли и устахъ паравнѣ съ молитвою, извѣстною подъ именемъ Джургап (джпргоган) усук мани.

112.

О происхожденіи: *ом, ма, ни, бад, ме, хом* говорено въ III статьѣ.

115.

Аскетизмъ Буддійскій на пути усовершенія главнымъ правиломъ поставляетъ постепенность. Начиная съ послѣдней ступени, ведетъ какъ по лѣстницѣ, въ безконечную даль. Такъ напр. желающему достигнуть поэтическаго совершенства вмѣняется въ обязанность имѣть глиняную чашу, могущую вмѣстить количество пищи, достаточное для насыщенія человѣка, именно въ 42 глотка: Подвижникъ, не навлекая на себя никакого укора; вправѣ съѣдать въ сутки по одной чашкѣ. Но по окончаніи трапезы своей, онъ долженъ опрокинуть сосудъ на жесткій камень и сдѣлать имъ три оборота. Умаляемый силою такого трепія, сосудъ превратится наконецъ въ пластинку; но вмѣстѣ съ тѣмъ и организмъ человѣка такъ переработается, что для поддержанія въ немъ жизни и силы достаточно будетъ нѣсколькихъ капель.

114.

Плиній въ кн. X гл. 12 Натуральной исторіи говоритъ объ Алціонахъ, что онѣ вьютъ гнѣзда среди моря—in medio mari nidum conficiunt, и это дѣлаютъ въ зимніе мѣсяцы, когда наиболѣе свирѣпствуютъ бури. Однакожъ въ дѣлѣ своемъ Алціоны никогда не встрѣчаютъ помѣхъ. Ибо Призирающій свыше на всѣхъ тварей, даруетъ

и крошечной Алціонѣ потребное для нея время покоя. По манію Его, въ Алціонины дни и вѣтры затихаютъ и море не шумятъ—tum venti se remittunt, cum Alcedo septem diebus incubat, excludit enim pullos totidem, qui cum cibum appetunt, septem alios dies, ad pullorum incrementum, minutissimo animali elargitur Deus. Въ семъ отношеніи Алціона представляется образомъ чистой совѣсти и эмблеммою блаженства, которое въ душѣ своей обрѣтаетъ праведный среди всѣхъ обуреваній жизни. Буддистъ же думаетъ найти это счастіе въ мірѣ Нирваны, куда матерія не досязаетъ, а духъ, свободный отъ ея вліяній, блаженствуетъ въ лонѣ невозмущаемаго покоя.

115.

О Мандалѣ часто приводится намъ упоминать. Это металлическій кружокъ, имѣющій вершка четыре въ поперечникѣ и похожій на опрокинутую тарелку. Въ таинственномъ значеніи онъ принимается за образъ вселенныя, а являющіеся на немъ бугорки, большею частію моржановые, суть представители странъ свѣта. При такомъ значеніи, мандалъ составляетъ необходимую принадлежность службъ и важнѣйшихъ духовныхъ требъ.

116.

Лице, къ которому относится наша рѣчь, есть о. Николай Ниловъ-Доржѣевъ, миссіонеръ и священникъ Гужирской Николаевской (въ Иркутской епархіи) церкви, построенной его тщаніемъ, а мною освященной 18 Августа 1852 года. Жизнь этого человѣка выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. А потому очень не лишне память о ней предать письмени.

Ниловъ-Доржѣевъ родомъ Монголъ изъ племени Дзалейр-удзонцевъ, входившихъ нѣкогда въ составъ Чингисовой монархіи. Отецъ его до нынѣ кочуетъ въ степяхъ, прилегающихъ къ Онону и находящихся между Нерчинскомъ и Акшинскою пограничною крѣпостцею. При кумирнѣ Худжиртайской сперва состоялъ онъ прихожаниномъ, потомъ сдѣлался ея Гецуломъ, а наконецъ призванный благодатію Божіею, обратился (въ 1850 г.) къ вѣрѣ Христовой и получилъ новое имя Іосифъ, въ замѣнъ языческаго Гунга дорджи.

Нужно ли говорить, что орудіемъ обращенія 80-тилѣтняго старца съ 11-ю членами семейства былъ сынъ его Николай, преобразившійся года за три предъ симъ изъ Буддиста и Ламы въ Христіанина и Священника? Событіе рѣдкое въ наше время, а въ странахъ сибирскихъ даже неслы-

ханное. И вотъ пути, которыми Промыслъ велъ избранника своего къ цѣлямъ своимъ.

Нагматъ—такъ назывался Николай въ мірскомъ быту (*)—въ самомъ юномъ возрастѣ сталъ проявлять добрыя наклонности, особенно любовь къ грамотѣ и уединенію. При такихъ свойствахъ сына, отцу не оставалось ничего болѣе, какъ предназначить его въ Ламское званіе. Такъ было и поступлено. Послѣ домашняго обученія, Нагматъ записанъ въ школу Гуджиртайскаго дацана, и въ ней находившись подъ опекою Ламъ до 18-ти лѣтняго возраста, и будучи уже Гецуломъ, отправился (за 500 в.) для слушанія уроковъ къ Дандарапу.—Дандарапъ этотъ управлялъ, да кажется, и до нынѣ управляетъ Цугольскимъ дацаномъ и считается за ученнѣйшаго между монголами человѣка; а потому и учившіеся у него пользуются особеннымъ уваженіемъ, что прилучилось испытать и нашему Нагмату. Не смотря на молодость лѣтъ (21-го года), онъ удостоился Гелунскаго сана съ почетною должностію Нансо, возложенною на него самимъ Хамбо Ламою.

Въ степномъ быту Бурята, такое возвышеніе составляетъ чуть ни предѣлъ всѣхъ желаній. Но

(*) *Нагматъ* имя свѣтское; *Сунрапъ* имя полученное при посвященіи въ Ховараки; *Дембрелъ*—при посвященіи въ Гелуны. Это нужно имѣть въ виду при чтеніи біографіи о. Николая.

для нашего Гелуна новый санъ служилъ лишь переходомъ въ новую область духовныхъ подвиговъ. Онъ принялъ обѣтъ пустынножителя (Діанчи) и сдѣлался строгимъ аскетомъ. Первый годъ пустынической жизни своей провелъ онъ въ верховьяхъ пустынной р. Бинде, вытекающей изъ высоты Бидейи агула и впадающей въ Ононъ, между Мангутскимъ и Улхонскимъ пограничными караулами. Другой годъ странствовалъ онъ въ горахъ Кукулбин-кубчи, въ сосѣдствѣ съ извѣстнымъ Адун-чилономъ, и наконецъ около Худжиртая. Трехлѣтній періодъ этого странствованія представляетъ рядъ испытаній и приключеній всякаго рода. Такъ, однажды, когда подвижникъ нашъ, по обычнымъ въ Буддизмѣ аскетическимъ правилъмъ, поджавъ ноги и положивъ одну руку на бедро, а другую на грудь, сидѣлъ недвижимо и читалъ молитвы, вдругъ изъ сосѣдней скалы выползла змѣя и ни мало не подозрѣвая, чтобъ могъ кто либо находиться подлѣ ея жилища, стала медленно подвигаться по направленію къ нашему аскету. При чрезвычайномъ семъ случаѣ, что оставалось дѣлать: прервать ли молитву и со стыдомъ искать спасенія въ бѣгствѣ, вопреки пустынножительскому уставу, или исполняя долгъ вѣры, обречь себя на явную гибель? Дембрелъ избралъ послѣднее и вышелъ изъ напасти героемъ.—Змѣя

вползла на его колѣно, и ощутивъ теплоту тѣла, особенно голой руки, она какъ будто изумилась, подняла голову съ разверстою пастью, окинула ярымъ взглядомъ жертву свою и поплелась въ дальнѣйшій путь!

Со мною Дембрель встрѣтился 17 іюля 1847 года. И это случилось съ нимъ непосредственно послѣ видѣнія во снѣ Креста, который осіяваемъ былъ чуднымъ свѣтомъ, между тѣмъ какъ глубокій мракъ покрывалъ языческую Даурію. Въ Даурскихъ степяхъ и я находился въ это время, на разстояніи верстъ 60-ти отъ Акшинской крѣпостцы. Послѣ пустынной встрѣчи съ Дембреломъ, я въ тотъ же день засталъ его въ селеніи Дулдорга на рѣкѣ Илѣ. И можно сказать, что чрезъ это, хотя и кратковременное свиданіе наше, сдѣланъ Дембреломъ первый шагъ отъ язычества къ Христіанству.

Въ Иркутскъ прибылъ онъ въ началѣ 1848 года, а Святаго Крещенія сподобился въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, во Св. Великій четвертокъ, послѣ трехмѣсячнаго наставленія въ Законѣ Божіемъ подъ руководствомъ моимъ и учителей Семинаріи. Въ томъ же году начали мы дѣлать съ нимъ опыты перевода Богослужебныхъ книгъ. А между тѣмъ Николай не прерывалъ отношеній своихъ къ Семинаріи, и вскорѣ самъ сдѣлался учителемъ разговорнаго Монголо-бурятскаго языка. Въ 1852 году

онъ успѣлъ уже выстроить церковь въ селѣ Гужирскомъ среди Бурятскаго населенія, а въ 1853 поставленъ во Священника къ оной. Въ 1854 отправился со мною въ Ярославль, а нынѣ находится въ Петербургѣ, занимаясь преложеніемъ Богослужебныхъ книгъ. Вотъ краткіе, но самые вѣрные очерки жизни человѣка, котораго имя не должно умереть.

117.

Къ отличительнымъ признакамъ бурхановъ, кромѣ позы ихъ, формъ тѣла и цвѣта одеждъ, принадлежатъ разныя орудія, о которыхъ не разъ приходилось намъ упоминать. Но сколь ни разнородны эти аттрибуты, всѣ они отнесены къ 45 отдѣламъ, по примѣненію къ таковому раздѣленію всѣхъ обожаемыхъ существъ.

118.

Аммонъ—Ammonius, есть одно изъ прозвищъ Юпитера, и происходитъ отъ Греч. слова ἄμμος песокъ: такъ какъ капище, посвященное этому божеству, находилось среди песчаныхъ степей Ливіи. Оно пользовалось славою своихъ оракуловъ и удостоилось чести видѣть въ стѣнахъ своихъ Александра Македонскаго. Блескъ его, равно какъ и всего язычества, началъ погасать въ первомъ

вѣкѣ послѣ Рожд. Христова, а въ четвертомъ совершенно исчезъ.

119.

По демонологіи буддійской, злые духи не могутъ обойтись безъ пищи и нѣкоторыхъ удовольствій жизни. И доколѣ не были укрощены богами міроправителями, отъ нихъ не было житья людямъ. Они съѣдали ихъ живьемъ, губили и душу и тѣло. Чтобъ умѣрить такую ярость, люди принуждены были служить бѣсамъ и приносить имъ человѣческія жертвы. Наконецъ боги заставили демоновъ покориться и дать клятву, за нарушеніемъ которой непосредственно слѣдуетъ низверженіе ихъ во адъ. Этотъ судъ произносятъ по временамъ и сами Ламы, совершая обрядъ, называемый *Джин-серек цитхаху*. Но къ крайней мѣрѣ прибѣгаютъ лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, обыкновенно же стараются умилостивлять духовъ гурумами и жертвами. Духи, принявъ жертву, оставляютъ людей въ покоѣ, пока они злыми дѣлами своими сами не ослабятъ узъ, связующихъ демоновъ и не дадутъ повода къ начатію новой съ ними брани.

120.

Общія, или основныя понятія объ Адѣ и его отдѣленіяхъ, представляемыя Буддійскими книга-

ми, почти тождественны. Но въ частностяхъ этой картины много видно разнообразія, часто доходящаго до противорѣчій. Такъ, по сказанію Маши Гамбума,—

Въ 1-мъ отдѣленіи ада грѣшникъ предается въ жертву разныхъ чудовищь, въ томъ числѣ, и птицы Гаруды.

Во 2-мъ отдѣленіи, орудіемъ казни служатъ двѣ черныя горы—*хоир хара аула*, непрестанно то сближающіяся, то расходящіяся, суля потому, нужно ли захватить грѣшника, или сокрушить кости его. Самыя же горы имѣютъ сходство съ бараньею головою — *хуцейи хаишар мету*.

3-е отдѣленіе походитъ на огромную желѣзную наковальню—*тумур души;* и на ней то осужденные раздробляются по частямъ.

Въ 4-мъ хищныя птицы и всякія гадины съ ненасытною алчностію нападаютъ на пришлеца и объядаютъ тѣло его до костей — *миха лсопа куртеле идеку бой*.

5-й отдѣлъ представляетъ ужаспое зрѣлище распиливанія тѣлъ–*кируге бариджу бын киругедеку бой*.

Въ 6-мъ отдѣленіи варятся и тысячекратно переварпваются въ кипяткѣ —*боцалаксан халагун осу бой*.

Въ 7-мъ растянутые и пригвожденные по рукамъ и по ногамъ грѣшники, особенно злоязычники,

подвергаются со всѣхъ сторонъ жженію — *гадасу бер телегет дурбен дзук еце теледжу шитагамой.*

Въ 8-мъ лютый ястребъ прежде всего исторгаетъ у несчастной жертвы глаза, а потомъ терзаетъ ее по частямъ — *тумур харцага ниду ухун чиулху бой.*

Въ 9-мъ истязанія всякаго рода совершаются чрезъ посредство желѣзныхъ иглъ—*тумур ургусун дотора алаху бер губшику бой.*

Въ 10-мъ желѣзная птица — Угули, терзая добычу когтями, пожираетъ и тѣло и кости—*быи керчин, миха ясойги хагалаю.*

Въ 11-мъ орудіемъ казни служитъ камень, похожій на корову — *укырь чилогун*, которымъ на раскаленной плитѣ разможжаются головы.

Въ 12-мъ опять являются лютѣйшія чудовища—*тумур гахой*, *тумур гуругесу*; и имъ-то въ добычу достаются человѣко-ненавистники.

Въ 13-мъ плиты и наковальни, камни и молоты находятся во всегдашнемъ дѣйствіи, для кары проливавшихъ человѣческую кровь.

Въ 14-мъ казнь совершается чрезъ жженіе въ запертомъ котлѣ — *тумур тогон дотора, хагурху мету, тулеку.*

Въ 15-мъ отдѣленіи—*цубурилту*, господствуетъ невыносимый хладъ, отъ котораго тѣло покрывается пузырями и разсѣдается.

Въ 16-мъ скрежетъ зубовъ соединенъ съ воплями, и будто силятся преодолѣть одинъ другаго— *шиду хабджигану улхой магу дагу гарху бой.*

Кромѣ сего раздѣленія областей буддійскаго ада, мы имѣемъ предъ собою одно въ рукописи Монгольской, другое въ Космологіи г. Ковалевскаго § 35. Но не знаемъ, которому изъ нихъ должно отдать преимущество, ежели только есть мѣсто преимуществу тамъ, гдѣ все зиждется на мечтахъ воображенія.

Продолжительность мученій не одинакова. Во всякомъ случаѣ она безмѣрно велика. Ибо ее опредѣляютъ тысячами годовъ, дни которыхъ равняются со столѣтіями въ мірѣ подлунномъ.

121.

Чойжилъ стоялъ во главѣ падшихъ Тенгериновъ, и былъ самымъ злымъ и могущественнымъ изъ нихъ.

Для укрощенія его, посыланы были многіе изъ Докшитовъ, но ни одинъ изъ нихъ не могъ его одолѣть. Наконецъ дѣло поручено было Уранманджу-шири.

Воитель этотъ снабженъ 36 руками и 16 ногами, дабы могъ онъ однимъ разомъ загородить и двери и окна Чойжильскаго желѣзнаго дворца. Полный успѣхъ оправдалъ эту мѣру. Плѣненный

Чойжилъ клятвенно обязанъ къ покорности и къ правосудію, и въ память сего обязательства долженъ былъ принять новое имя Номун-хана и новые аттрибуты—зеркало, вѣсы очиръ и проч. О каковыхъ его принадлежностяхъ въ Мани Гамбу (т. 11, л. 9) такъ говорится: «*Арсаланту такцан дегере эрлик Номун хан кемеку-ину гар даган Сансарун заягану Толи кигет, улабур хара керчимел модо ба, дугулгейн хара улаган чилугу бариксан.*« Но при всѣхъ этихъ аттрибутахъ, при всемъ полномочіи взвѣшивать и опредѣлять значеніе дѣлъ каждаго (*буин килинцеги тоголаху*) и за тѣмъ отправлять его въ страны міра горняго, или же преисподняго — *ундур дегерекине эсебесу тамойн аблигачин дор илгеку*, при всемъ, говорю, таковомъ значеніи своемъ, Чойжилъ для сохраненія памяти о прежнемъ своемъ уничиженномъ состояніи, окруженъ одними лишь ужасами, равно и самъ служитъ для всѣхъ предметомъ ужаса.

122.

Ни Олимпъ, стократно воспѣтый, ни поля Елисейскія, долго служившія приманкою для Грека и Римлянина, ни рай Магометовъ, составляющій услажденіе набожнаго Мусульманина, не представляютъ въ описаніяхъ своихъ ничего подобнаго царству Сукавади—*сукавадин таріалангун орон.*

Въ царствѣ этомъ все преисполнено святостію (*арилоксан*). Его украшаетъ священное древо—*боди модо*. Оно озаряется огнемъ божественной премудрости—*былге билик*, согрѣвается теплотою праведности. Въ немъ вкушаютъ пищу духовную—*діану идеген*, піютъ изъ источниковъ, исполняющихъ всякое желаніе—*эрил хангаху аршіану осу зогоглахой—еце, босо ундаган кемеку неречу угей*. Раждаясь токмо отъ Линховы, тамъ не старѣются и не умираютъ, не знаютъ иныхъ путей, кромѣ пути вѣчныя правды. Тамъ жилище боговъ мира—*амоголан боди хутукту бурхану орон*, и владычество Того, Кто обитаетъ во свѣтѣ безконечномъ, совмѣщаетъ въ себѣ десять силъ, четыре естества и восемьдесятъ добротъ, никогда не насыщающихъ собою зрѣнія—*цагласи угей герыл — дор сагун, арбан куцун, дурбен быи—бер чимен, наин саин наирак, гучин хоиръ лакшин былгес ер, удзеджу улу ханхой*.... См. Мани Гамб. т. 1. л. 1 и д.

123.

Преданія и легенды буддійскія выдаютъ старинныхъ Шамановъ за глубокихъ знатоковъ черной и естественной магіи. И мысль эта не новость для ученаго міра. А потому, оставляя ее въ сторонѣ, замѣтимъ здѣсь, что таинственныя знанія и силы, приписываемыя Шаманамъ, проявляются и въ Буд-

дійскихъ святошахъ, особенно въ тѣхъ изъ нихъ, комъ удалось соблюсти Тарини санваръ. Люди эти, по сказанію Даг—ика (гл. 8, л. 19), обладаютъ даромъ восьми великихъ чудесъ—*найман ике сиди*. Они могутъ:

1. Исцѣлять всѣ недуги—*эбучини дараху*.

2. Летать по подпебесью—*октагюй дор нейску*. И это совершается при посредствѣ Оркимджи, который распростирается по воздуху, въ видѣ крыльевъ.

3. Становиться, когда захотятъ, невидимыми—*улу удзекдеку*.

4. Дѣлать доступными и проходимыми для себя всѣ мѣста и на землѣ и подъ землею.

5. Производить безъ малѣйшихъ послѣдствій рѣзанье тѣла у себя и у другихъ—*илдубер октолху*.

6. Все видѣть и предвидѣть; каковый даръ опредѣляется фразою—*Индуну эм*, дающею понятіе о сверхъестественномъ просвѣтленіи очей, или прозорливости.

7. Производить Пылденъ, т. е. бѣлое тяжеловѣсное сѣмячко, обладающее притягательною силою.

8) Производить также Ринчин прелу, или зелено-желтыя изумительныхъ свойствъ пилюли. Пилюли эти, равно какъ и Пылденъ, считаются даромъ неба, и по его благоволенію, онѣ зараждаются то въ волосахъ у пустынножителей, то въ

Священныхъ книгахъ, а иногда и въ видѣ манны падаютъ свыше. Чаще же добываются руками праведниковъ изъ пещеры экейи умей—uter matris, гдѣ дни невинности своей проводилъ Шара бычии бакши.

Крупинки Пылдена и Рпичина влагаютъ въ уста умирающему, чтобъ избавить его отъ вліянія демоновъ и открыть путь къ счастливой будущности.

Естественно, что въ дѣлахъ сего рода Шаманы не могутъ принимать ниже малѣйшаго участія. Это тайна недоступная для нихъ. Между тѣмъ какъ во всѣ прочія мистеріи (а ихъ 81) они входятъ за одно съ Чойжинчинами, т. е. съ Ламами, посвятившими себя исключительно богу ада—Чойжилу. Что однакожъ не препятствуетъ имъ быть непримиримыми между собою врагами и направлять одинъ и тѣже дѣйствія къ цѣлямъ совершенно противоположнымъ.

124.

Магада, Одіапово царство и другія мѣста, входящія въ исторію Шигемунія, учеными изслѣдователями отыскиваются частію въ Индіи, частію въ сосѣднихъ съ нею странахъ.

125.

О чудесахъ Шигемунія говорено въ примѣчаніи 96-мъ.

126.

Жертвенное животное, бывъ избрано по указанію Шамана, украшается привѣсками и цвѣтами. Самый же обрядъ приношенія состоитъ въ гнусномъ и безжалостномъ мученіи бѣдной твари. При дѣйствіяхъ сего рода, не отъемлемую принадлежность Шамана составляютъ: 1) *Оргой*. Это кафтанъ сшиваемый изъ пятицвѣтныхъ тканей и обвѣшиваемый сверху до низу 15-ю видами всякаго рода гадишъ и разными энигматическими изображеніями, дѣлаемыми изъ мѣди и желѣза. 2) *Маяхачи*—желѣзный шлемъ съ двумя рогами и побрякушками. 3) *Абагалдей*—чудовищная личина изъ кожи, дерева, или металла. Ее росписываютъ и привѣшиваютъ къ ней огромную бороду и тому подобные орнаменты. 4) *Сорби*, иначе Шалдей. Это шаманскій конь, состоящій въ двухъ палкахъ, украшенныхъ рѣзными эмблеммами конскихъ головъ 5) *Кеце*—бубенъ со множествомъ позвонковъ и брякушекъ. Шаманъ, держа его горизонтально, въ уровень съ своими устами, и ударяя въ него снизу булавою (холбога), умѣетъ звуки орудія сливать съ напѣвами и тѣмъ производитъ на толпу желанный эффектъ. 6) *Толи*—родъ медальіона, съ изображеніемъ 12-ти знаковъ, представителей Додекады, о которой не разъ уже говорили мы. Толи носятъ на шеѣ, какъ символъ всѣхъ силъ и стихій

міра горняго и дольняго. Слѣдовательно талисманъ этотъ столько же таинственъ, какъ и печать Меркурія Трисмегиста.

127.

Гунны, вышедши изъ Китайскихъ границъ, разрушили Готскую монархію, а потомъ подъ управленіемъ Аттиллы, основали въ V вѣкѣ обширную монархію, простиравшуюся отъ Дуная до Балтійскаго моря. Смотр. Геогр. Атл. Лесажа. Memoriae populorum 1 Stritter. t. 1. p. 46.

128.

Свѣденія объ обстоятельствахъ вторженія Буддизма въ Сибирь и распространенія его въ оной заимствованы изъ современныхъ актовъ, и мы ручаемся за ихъ вѣрность.

129.

Къ числу вещей, составляющихъ ламскій скарбъ, принадлежатъ: 1, разнаго рода медикаменты, привозимые изъ Китая въ небольшихъ тючкахъ, или бозахъ; 2, бурханы, курды, четки, хадаки (лоскуты шелковой ткани) и другія мелочи; 3, Пылденъ и Ринчинъ, о которыхъ говорили мы въ примѣчаніи 121 и которые въ понятіи невѣжествующей толпы тѣмъ высшее получаютъ значеніе, чѣмъ болѣе Авгуромъ приписывается имъ достоинствъ. Такъ напр. въ похвалу Ринчина услышите, что онъ родился на берегахъ священнаго

Ганга, въ рукахъ величайшаго изъ подвижниковъ, или что онъ есть безцѣнный даръ самаго Далай Ламы и проч. и потому, ни мало не сомнѣваясь, можно одну и туже крупинку до семи разовъ влагать въ уста умирающаго, и затѣмъ находить ее на макушкѣ головы (vertice) покойника! Кайба дж. даг-икъ гл. v.

150.

Кайба въ гл. X раздѣляетъ пульсъ на 58 степеней и полагаетъ, что у здороваго человѣка въ промежутокъ одного дыханія долженъ онъ ударять до 5 разовъ.

151.

Лѣкарства берутся отъ всѣхъ царствъ природы. И вотъ общая ихъ перечень: Каменныхъ породъ 34; земляныхъ 12; солей и соковъ 110; травъ *(эбесун эм)* 133; отъ разныхъ птицъ 17; отъ звѣрей когтистыхъ *(аріатан-еце)* 13; отъ хищныхъ *(куцубер идекчи)* 11; отъ домашнихъ животныхъ *(кумун эдзелексен)* 12; отъ поровыхъ животныхъ *(нукуне орошикчи)* 10; отъ болотныхъ *(поитана айман-еце)* 8; отъ разныхъ другихъ животныхъ породъ 100. Всѣхъ же вообще лекарственныхъ видовъ считается 612. См. Кайба дж. даг-икъ гл. x.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПРЕДМЕТОВЪ, О КОТОРЫХЪ УПОМИНАЕТСЯ ВЪ КНИГѢ.

(ЦЫФРАМИ ОЗНАЧЕНЫ СТРАНИЦЫ).

А.

Абагалдей 233, 234, 356.
Абида 21, 27, 36, 40, 45, 161, 188, 217, 295, 300.
Абидарма 107.
Абидейн-намтаръ 312.
Абіагарин-ванъ 181, 190, 200, 204.
Абульгази 291.
Абызы 12.
Авгурѣ 143, 358.
Ада 231.
Адисъ 121.
Адоголигун-ундуръ 274.
Адъ 138, 208, 348.
Ады 126, 139.
Азійскіе татары 11.

Акшинская крѣпостца 343, 346.
Аларская степь 9.
Аларскіе Буряты 9, 287.
Алданъ 6.
Алеутскіе острова 279.
Алеуты 280,
Альбинъ 60, 126, 139, 232.
Али-Гали 190.
Алтайскія горы 1.
Алтан-Мелекей 43, 67, 98, 147.
Алтан-саба 149.
Амарамакскій міръ 58.
Американскія племена 1.
Аммонъ 200, 347.
Амога сидц 45, 310,
Амуръ 6, 14, 277, 284, 286.
Анагамони 154.
Анадыръ 3, 4, 6, 285.
Анакреонъ 182.
Ананда 51, 105, 326.
Ангара 9, 287.
Аниискій дацанъ 78, 101, 175, 204.
Аписъ 190.
Арапсалъ 20, 112, 114.
Арахола 63, 64.
Арбан-докшиты 66.
Аргентовъ 283.

Аргунь 6, 284, 286.
Аринцы 282.
Арихманій 320.
Аріаболо 23, 171, 207, 295, 303.
Архат-дании дароксанъ 154.
Аршіанъ 25, 56, 120, 296, 327.
Аскетизмъ 1, 156, 175, 341.
Асури 65, 141, 169, 213, 226, 327, 337.
Асурины 52, 65, 170, 299, 316, 320.
Атласовъ 291.
Аттилла 357.
Ахметъ Гирей 12.
Ачинга р. 6.
Ачиту Лама, 180, 184, 187.
Аюс-тамо 151, 208-210.
Аюши 101.

Б.

Багаторъ 161.
Бадара 88.
Бадма гатаръ 111.
Бадма Ишихова 22, 99, 161, 169, 216.
Байкалъ 8, 9, 78, 252, 277, 285.
Байкальскія горы 9.
Бактрія 328.
Бакши 56, 71, 89. 112, 161, 182, 198, 304.
Балаганскіе Буряты 9, 288.
Балба-о 99.

Бандина 70, 88, 104, 252, 324.
Банзаровъ 247.
Баньди 38—40, 71, 86, 308.
Баньченъ-богда 54, 70, 83, 86, 112, 158, 218.
Баньчень Эрдени 77, 84, 92.
Бараба 12.
Барабинскіе Татары
Барамиты (парамитъ) 106, 155, 176, 340.
Бараиза 295.
Баргузинъ 8.
Баргузинцы 287.
Бимала зедери 28, 52, 316.
Бирюзана 45, 310.
Бириты 52, 60, 169, 213, 322.
Бисваво 47, 314.
Бискуръ 124, 194, 335.
Бишпрелту 79, 81.
Боги 132, 160—163, 183—207, 316, 348, 353.
Боги вѣпца 334.
Богини 161, 168, 334.
Бодисадойи-санварь 108.
Бодисатъ 29, 44, 52, 112, 161, 185, 301, 315.
Боди Хутукту 123.
Борга 9.
Борьба Буддизма съ Шаманствомъ 219.
Боэцій 217.
Брадпгабуты 54, 154, 168, 185, 315.

Бражникъ (воевода) 2.
Брамины 37, 276.
Брачные обряды 126, 128.
Брандза барамида 110.
Будда 19. 31, 49, 52, 110, 155, 226, 312, 331.
Будда верховный 26, 35, 108, 219, 305.
Буддизмъ 7, 50, 105, 195, 247, 263.
Буддисты 21, 63, 134, 205, 299, 329.
Буддійское вѣроученіе 7, 18, 92, 218, 319.
Букъ 60, 126, 139, 196, 232.
Бумба 92, 120, 148.
Бум-ханъ 143, 338.
Бурханъ 19, 55, 103, 154, 194, 310, 357.
Буряты 7, 19, 77, 199, 250, 286, 344.
Бутгалисы 54, 315.
Бычинь-ханъ 34.
Бюрнуфъ 329.

В.

Вайбашикъ 313.
Вайсали (вайшили) 224.
Ванзейнъ-хубцатъ 76.
Ваншай 73, 183, 196.
Ванъ 191, 193.
Варзадара 237.

Варнасонъ-балгасунъ 225.
Васильевъ 327, 329.
Великая стѣна 5.
Вепіаминовъ 280.
Верхоленскіе Буряты 10.
Верхоленскій острогъ 10.
Вечерній хуралъ
Вещественная душа
Вилюй 3.
Виная 107.
Вирудакъ 50.
Витимъ 3.
Вишну 107.
Вогулы 2.
Возвращеніе души 138.
Восточный океанъ 1.
Вотяки 2, 228.
Враждебные духи 230.
Вторженіе Буддизма въ Сибирь 250.
Второстепенные Бурханы
Вѣра Буддійская

Г.

Габаликъ 225.
Га-га-га 187, 188.
Галабъ 308, 309.
Галбарбарасъ 58, 59.

Галданъ 253.
Галиндига 220.
Гамалай 318.
Гана-гамони 47, 314.
Гангъ 105, 276, 358.
Ганди-модо 333.
Гандой 199—203.
Ганджуръ 14, 18, 77, 94, 105, 167, 190, 327, 332.
Гандупъ 336.
Ганлинъ 124, 194, 202, 335.
Гантимурп 7, 286.
Гарга-сонди 47, 314.
Гашибъ 47, 314.
Гаюкъ 277.
Гвоздевы острова
Гебгой 103, 115, 333.
Гегегенъ 81.
Геген-толи 53.
Гелунъ 70, 72, 86—88, 122, 224, 325, 345.
Гепши 332.
Геской 122.
Гецуль 70, 72, 88, 325, 343.
Гиляки 285.
Гиракъ 72.
Гмелинъ 279.
Гоангъ 8.
Гоби 78.

Годома 223.
Гопгаръ 54.
Гоплакъ (хоплакъ) 274, 275.
Головинъ 291.
Головкинъ 280.
Гомбо 54, 102.
Гопхо 116.
Гоо-самбиръ 224.
Гоцкая монархія 357.
Грѣхи 157—159.
Гунгаръ 102, 112.
Гуцины 247—249, 357.
Гурумбе 104.
Гурумун-номъ 112.
Гурумъ 18, 128, 140, 150, 196, 244, 268, 348.
Гусино-озерскій дацанъ 78, 175, 204, 264.
Гусинское озеро 78.
Гусумтукъ 116.
Гыикъ 104.

Д.

Да 103.
Дайсун-тенгери 229.
Да-лама 76.
Далай-лама 54, 80, 83—86, 90—92, 158, 218.
Дамара 88, 117, 194, 335.
Дамдинъ 54.

Дамчокъ-римбучи 100.
Данджуръ 18, 77, 105, 167, 190, 328, 332.
Дара 301, 303, 316, 319, 334.
Даурскія страны 6, 196, 250.
Дацанъ 76, 78, 95, 147, 175, 262, 344.
Даян-хан 249.
Девадженин оронъ 215.
Делиль 279.
Демонологія 143, 348.
Демьянскій ямъ 12.
Денщикъ 124, 336.
Джабданъ 77.
Джадамба 110.
Джаджотъ 108, 265, 267.
Джамсоранъ 54.
Джананъ 183, 188, 189.
Джанчи 74, 80, 115.
Джень-шень 275.
Джид-римба 332.
Джида 9.
Джима 104.
Джимдзан-дамбейн-гегенъ 54.
Джин-серекъ 348.
Джинхоръ 193, 195.
Джитбу 77, 104.
Джун-джикъ 72, 104.
Джуру 124, 335.

Дзамбудаши 58.
Дзан-бандида 219.
Дзок-римба 332.
Дзол-дзаягачи 230.
Дзотбо 146.
Дзотчи 143.
Дзукдеръ 102.
Дзумьбе римбучи 99.
Дзутаиъ 175.
Диван-гара 47.
Дизавулъ 277.
Дипва 74.
Діана 353.
Діанчи 29, 176, 179, 345.
Додекада 127, 327, 337, 357.
Докъ-пкъ 75, 196.
Докбо 117, 197.
Докджуръ 196, 197.
Долганъ 285.
Докпитскіе обряды 54.
Докшитъ 112, 161, 167, 200, 351.
Дорамба 332.
Дотогаду номъ 312.
Дуганчи 104, 333.
Дударма 194, 335.
Дулбейп санваръ 108, 176.
Дулдей 51, 88.

Дум-бурѣ 124, 334.
Дунгаръ 99, 334.
Дурбен ундесу 45.
Духовный отецъ 173.
Дѣвы—духи 319.

Е.

Енисей 2, 3, 6, 271, 278, 289.
Ермакъ 290, 291.

Ж.

Жена горъ 30.
Женскіе наряды.
Жертва благодарная 121, 182, 186.
Жертвенная вода 120, 238.
Жертвенное животное 149, 242.
Жертвоприношеніе 149, 239, 240.
Жесты 117.
Жрецъ 88, 123, 145, 169, 195.

З.

Загарвадон-ханъ 36, 40—42, 307, 331.
Зангей хамаковъ 288.
Засак-да-лама 77, 103.
Заяйга 252, 253.
Земархъ 277.
Злые духи 348.
Злыя смерти 324.

Золотой вѣкъ 23, 307.
Золотыя рыбки 98.

И.

Ивановъ 280.
Идпискія Буряты 9.
Идрофобія 273, 275.
Илегелу 272.
Индія 1, 17, 29, 84, 227, 270, 328, 355.
Ингада р. (Ингидей) 6.
Ингачины 126, 135, 137, 206, 214.
Инеп-юсун-сульде 230.
Иреть р. 9.
Иркутъ 9, 287.
Иркутскъ 9, 253, 346.
Иртышь 2.
Искупъ души 126, 139, 140, 150.
Исламизмъ 11.
Исламъ 247.
Итегелъ 20, 116, 340.

І.

Іакинѳъ 238, 284.
Іерархія 45, 83, 86.
Іоасафъ хотунцевскій 280.
Іогозарп 332.

К.

Кабалисты 180.

Кайба-джумпейп-даг-икъ 106, 293, 310, 317.
Кама 2, 290.
Камчадалы 3, 4, 280, 285.
Камчатка 3, 280-282, 285, 291.
Камчатскій полуостровъ 3, 279, 280.
Канонъ Буддійскій 159.
Карагасы 235, 282, 285.
Карское море 2.
Кадегетуба 226.
Кенгерге 65, 120, 194, 202. 335.
Кетеркой 253.
Кизильцы 285.
Киргизы 228, 278.
Кисагапъ 230.
Китай 5, 17, 93, 247, 270, 284, 291, 357.
Ключь закона 20, 118, 155, 166.
Кобелевъ 283,
Ковалевскій 351.
Колыма 4, 6, 130, 234, 284.
Коряки 3, 4, 281, 285.
Крашепиниковъ 3, 282.
Креолы 280.
Куда 9.
Кударинское племя 8.
Кударинскіе Бурятя 9.
Кульчинъ 139, 232.
Курду 115, 155, 170—172, 357.

Курильскіе острова 3, 4, 279, 281.
Курильцы 3, 4, 280.
Кучумъ 11, 247, 291.

Л.

Лабари 101.
Лагой 73.
Ламбу римбучи 100.
Ламуты 4, 284, 285.
Ламы 1, 17, 90, 133, 250—256, 318, 355.
Лацапъ 77, 103.
Лебаутскія юрты 12.
Ледовитое море 1, 3, 285.
Лена 6, 7, 14, 199, 276.
Лессенсъ 283.
Линей-ори 224, 331.
Лимбо 124, 335.
Линга 141—143.
Линхова 59, 353.
Ломбо-римбучи 100.
Лу 65, 66.
Лу-дупъ 191—195, 200—204.
Лумбумъ-гарбо 64, 140.
Лупа 22, 29, 323.
Лун-абишикъ 181-183.
Лусун-ханъ 24, 65, 297.
Лусъ 102, 126.

Лхамо 54, 102.
Лхамойи-гандой 198, 201-204.
Лхантоб-чимбо 265, 270.
Львиная поза 146.

М.

Магада 355.
Магія 353.
Мадъ-икъ 75.
Магометанизмъ 12.
Майдари 43.
Макбон-римбучи 100.
Мапама 58.
Маи-а-джотъ 108, 265.
Мандалъ 97, 184; 342.
Манджу-шири 28, 295.
Мандза 29, 120, 175. 300-307.
Мани-гамбумъ 110, 294-300, 349, 352.
Манжурія 5, 275, 284.
Марсъ 194.
Махараизы 102.
Махасады 52, 315.
Махасаммата 49.
Махаяна 50, 313.
Мекдземъ 115.
Мигань 124, 335.
Мигримба 117, 332.

Мигримъ-джидримъ 117, 327.
Мидор-дзогпи-ванъ 181, 189, 190, 191, 204.
Миланговъ 126.
Миллеръ 279, 282.
Мистеріи 180, 218, 355.
Мистицизмъ 50.
Моголы 247, 287.
Молитва 155, 163, 169–179, 238, 325, 334.
Монголія 1, 17, 121, 191, 250, 278, 284.
Монголъ 20, 145, 229, 293, 322, 344.
Монгольская монархія 11.
Монгольскія племена 1, 5, 7, 14.
Море Нижнее 23.
Море внѣшнее 24.
Музыкальныя орудія 124, 333, 334, 336.
Муллы 11, 12, 247.
Мунку сардыкъ 192.
Муртаза 11, 291.
Мынгирь 272.
Мытарства 210–212.

Н.

Награды по смерти 205.
Названія дней 337.
Найджи тойн 234. 249.
Наказанія по смерти 205.
Намджирь 73.

Нами кегу 37.
Нансо 103, 344.
Небесныя дѣвы 101.
Небожители 215.
Непалъ 49.
Нерча 6.
Нерчинскіе Монголы 8.
Ниловъ-Доржѣевъ 343.
Нирайджина 50.
Нирба 103.
Нирвана 21, 35, 126, 161, 313, 342.
Нисѣанисъ 151, 210.
Ногон-риджа 58.
Номун-ханъ 306.
Намун-ханъ 28, 207, 352.
Нарбо-римбучи 99.
Нукчанъ р. 4.

О.

Обгамби 220—226.
Обдорія 2.
Облако драгоцѣнное 24.
Обо 141, 142, 241.
Ободай 73, 74.
Обряды 86, 125, 136—149, 184, 190, 228, 242.
Обская губа 2, 3.
Обь 2.

Обѣты 136. 150. 156. 158, 176.
Овенъ 132.
Овидій 119.
Одіанова царство 224.
Ока 9.
Окинскіе Буряты 9,
Октаргойн-санъ 28, 52.
Олекма 3.
Ольхонскіе Буряты 9.
Ольхонъ 10.
Олютерцы 281.
Ом-ма-нп-бад-ме-хомъ 28, 110, 147, 169, 298.
Омолой р. 4, 284.
Онгонъ 139, 196, 232-249.
Ононъ р. 6, 193-199, 274, 287, 343, 345.
Ордынское озеро 9.
Оркимджи 71-73, 87, 115, 354.
Оролонъ 60, 126, 139, 222.
Ортусская земля 8.
Остяки 2, 12, 228.
Оточи 101.
Охотское море 3, 284,
Охотскъ 281.
Очирвани 43, 63, 64, 112, 227.
Очир-дара 334.
Очирой 291.
Очир-садова 310.

Очиръ 45, 63, 95, 117, 181, 334, 352.

П.

Павлуцкій (Маіоръ) 4, 284.
Палласъ 292.
Пакбала Хутукта 81, 82.
Пенжинская губа 3.
Пенжинское море 4.
Перерожденіе душъ 185, 189, 205, 212.
Переселеніе душъ 205, 212, 213.
Пермяки 2.
Пиѳія 141.
Плиній 114, 341.
Пово 183.
Постъ 155, 177.
Призывъ души 126, 134, 137.
Проводы души 126, 145.
Психологія 134.
Пульсъ 358.
Пунцукъ 252.
Пути переселенія душъ 172.
Пылденъ 354, 355, 357.

Р.

Радна-самбоба 45, 310.
Ракчиса 30, 31, 300-306, 319.
Ракчисы 297, 336.
Ринчин-дукденъ 98.

Ринчин-прелу 354.
Руйджинъ 75, 196.
Руперть 256.

С.

Сабашими (сими) 22, 25, 296. 335.
Сагардагамъ 153, 154.
Садорвасун-балгасунъ 52, 225.
Сани-цакъ 111.
Сала 26, 297, 298.
Самоѣды 2, 278.
Санангъ-сецепъ 111, 309, 314.
Сансаруп-далай 152, 295.
Сансаръ 22, 24, 27, 110, 153, 312.
Сартаванъ 153.
Саутрантики 313.
Саянскія горы 1, 9, 285.
Седмица 127.
Селенга 8, 9, 192.
Селенгинскъ 78.
Селенгинцы 9.
Селинны 120, 124, 194, 335.
Сендуме 54, 102 112.
Сефиротическое небо 180.
Сиддарта 50.
Сидилъ 135, 136.
Силва 290.

Словцовъ 283, 291.
Слѣпцовъ 279.
Собади 51, 105.
Сойбунъ 51, 77, 104, 115.
Солнечные дворцы 323.
Солнце 29, 95.
Сомовское повѣтріе 281.
Становый хребетъ 4.
Степени родства 337.
Степени, ведущія на высоту нравственнаго совершенства 150, 153.
Сукавади 41, 110, 119, 205, 215, 260, 352.
Сумберъ 21, 44, 67, 117, 142, 199, 315—319.
Сундой 113, 202.

Т.

Табун-ханъ 54.
Таплга 237.
Тайша 7, 288.
Такильчи 97, 104, 120.
Тарнин-келе 190.
Тарнин-санваръ 108, 354.
Тарнины 107.
Татарія 2.
Татарскія орды 2.
Татарскія племена 1, 247.
Темникъ 9.

Тенгерины 25, 56, 161, 213, 299. 315.
Теткун-асаракчи-хутукту 37.
Тибетъ 17, 83, 270, 306, 332.
Тибъ 58, 59, 62, 321.
Тигисари 225.
Тоболъ 2.
Тобольскій ямъ 12.
Тоган-тимуръ 249.
Тойн-годома 220, 223.
Толай 76, 278.
Толи 53, 85, 120, 327, 356.
Тома р. 2.
Тугона 270.
Туйнъ 120.
Тунгусскія племена 5, 14.
Тунгусы 5, 6, 19, 199, 228, 282, 286.
Тункинскіе Буряты 9, 287, 288.
Тупра 336.
Турга 6.
Туринскъ 12.

У.

Убасанца 71, 86.
Убашн 31, 70, 86, 153.
Уда р. 8,
Удскій край 285.
Укъ или Ука р. 3.

Укыр-бурѣ 124, 335.
Улигеруи-далай 110, 219, 314, 326.
Узатъ 72, 103, 116, 120.
Уральскія горы 1, 277.
Уран-аргату 23.
Уран-мандзу-шири 23, 30, 43, 303, 351.
Ургинскій Хутукту 81—83, 112, 250.
Урянхаи 285.
Урятъ 8.
Ут-галай-хаи 234.
Утей-сангуи-агула 30.
Ученыя степени 331.

Ф.

Фениксъ 217.
Финскія племена 1.
Фишеръ 277, 278.
Фо 249.
Фоисты 17.

Х.

Хадакъ 120, 130, 132, 184, 357.
Халимлаху 271.
Хамбо лама 77, 89, 253, 262, 344.
Хамниганы 7, 285, 287.
Ханаяна 50, 312, 314.
Хара-гурумъ 202.

Хара манджу шири 36.
Хара нигулъ 151.
Харинцы 8.
Харіатъ 8.
Харонга 333, 334.
Хекъ 146, 187, 188
Хилку 8.
Ховаракъ 70—72, 87, 177, 308, 344.
Хонхо (колокольчикъ) 88, 95, 117, 334, 336.
Хорло римбучи 99.
Хормузда 28, 52, 142, 226, 300, 316—320.
Хубилганъ 23, 36, 45, 70, 82, 90, 167, 300.
Хуралъ 114, 200, 333.
Хутукту 54, 81, 91, 161, 191—200, 252, 315.

Ц.

Цаган-бунинъ 151.
Цаганъ гурумъ 200.
Цамбо 54.
Цам-харайху 197.
Цаны 124, 335.
Царбукчи 75.
Царство Сукавади 99, 106, 215, 216.
Цзун-чжинъ 248.
Цинь-джу 240.
Цонголы 9, 287.
Цонгольскій дацанъ 78, 101, 261.

Цопгольскій родъ 241.
Цорджи Лама 77, 103.
Цохонда 192.
Цугольскій дацанъ 175, 193, 200, 344.

Ч.

Чабдоръ 336.
Чакдза 117.
Чахотка 272.
Черемисы 2, 228, 277.
Черная вѣра 219.
Чжоо 91.
Чикой 9.
Чимейджитъ 108, 265.
Чингисъ-ханъ 2, 277, 278, 287.
Чиндапъ 236.
Чинзаба 103.
Чинъ хураловъ 118.
Читкуръ 54, 60, 231.
Чихула кереглекчи 59, 111, 293, 307—310, 320.
Чоги-джал-цанъ 99.
Чойжилъ 52, 102, 135, 210, 351, 355.
Чойжинцы 143.
Чойванъ Дорджинъ 79, 324.
Чугачи 280.
Чудеса Шигемуніевы 330.
Чукотскій народъ 4.

Чукчи 4, 288, 283, 285.
Чулпичіе 190.
Чусова 290.
Чрезвычайныя средства 179, 180,

Ш.

Шаджотъ 265.
Шаварашъ 161, 168, 326.
Шакджин-арсаланъ 28, 52.
Шакшабаты 173—176, 179, 311.
Шакъямунскій родъ 49, 50.
Шальши 54.
Шаманство 7, 81, 219,—238, 247.
Шаманъ 214—227, 232—236, 330, 353.
Шапак-гоппакъ 75.
Шаптапъ 72, 73.
Шара-бычин-ханъ 32, 36, 301—307.
Шаумгичу (шумшу) 3.
Шигемуни 17, 28, 50, 97, 169, 219, 315—338.
Шигемунин-памтаръ 110.
Шигемуніанская Іерархія 68.
Шиги 42, 47, 314.
Шикур-тубденъ 101.
Шилка 284, 286.
Ши—лэ 248,
Шимпанца 87, 176, 177.

Шимнусъ 54, 60, 126, 212, 214, 223.
Ширетъ 76, 87-89, 103, 115, 182, 251, 262.
Шисаръ 73, 115.
Ши-ху 248.
Шуглу 124, 335.
Шуленга 7.

Ъ.

Ъиде 192, 345.

Э.

Эке эцеге модо 243.
Эле 139, 231.
Эрлик-ханъ 52, 207, 210.
Эрким-дара 32.

Ю.

Югорія 2.
Югорскій хребетъ 2, 217.
Юкагиры 4, 284.
Юмъ 109, 118, 160.
Юпитеръ 194, 347.
Юсун-дорлукъ 54.
Юсун-эрденин-дзуйлъ 142, 148.

Я.

Яблоновый хребетъ 8, 199.

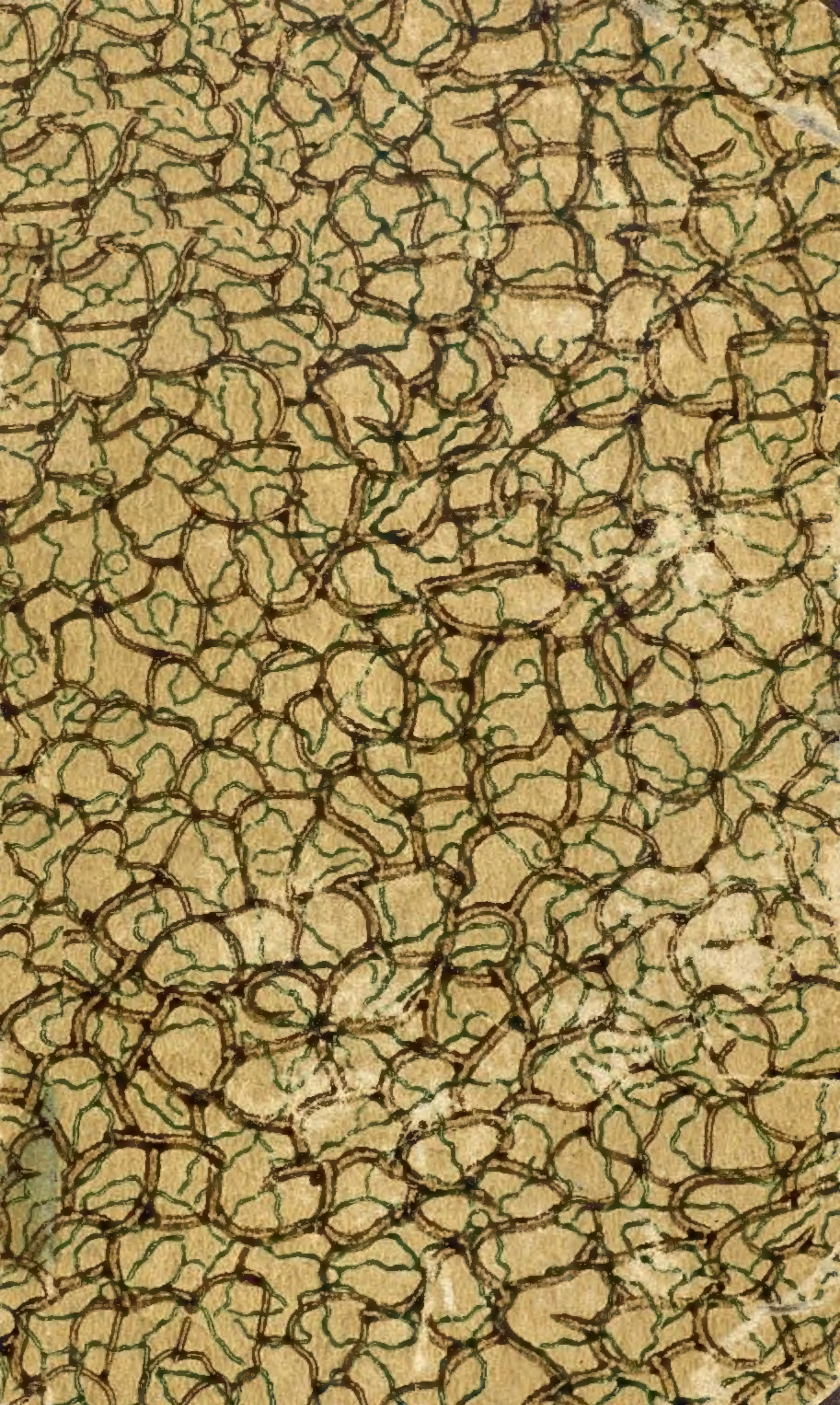
Якчисы 26, 297, 317, 336.
Якуты 3, 228, 279, 282.
Ямандага 54, 102.
Японія 279.
Японское море 4, 284.
Японцы 4, 280.

Ѳ.

Ѳеософія 45.

Ю.

Юпорія 2.
Юпорскій хребетъ 2, 317.
Юсагиры 6, 284.
Юты 109, 118, 160.
Юнтеры 196, 342.
Юсуп-хорлуга 54.
Юсуп-эрлеевин-дзуйлэ 112, 148.

Я.

Яблоновый хребетъ 8, 109.